
Биографии, автобиографии, мемуары
Сохрани мою печальную историю...
Блокадный дневник Лены Мухиной

«…Сохрани мою печальную историю…» Блокадный дневник Лены Мухиной

Елена Владимировна Мухина

Аннотация
Лена Мухина. «…Сохрани мою печальную историю…» Блокадный дневник Лены Мухиной
Лена Мухина на границах времен
Блокадный дневник Лены Мухиной
Сегодня 22 мая
23/V
28 мая
30 мая
31 мая
2 июня
4 июня
5 июня
6 июня
7 июня
8 июня
9 июня
22 июня 1941 г.
23 июня 1941 года
24 июня

25 июня
25 июня
28 июня
1 июля
2 июля
5 июля
11 июля
17 июля
25 августа
29-ого августа
2-го сентября
4-ого сентября
5-ого сентября
6-ого сентября
7-ого [сентября]
8-ого сентября
Сегодня 9-ое сентября
10-ого сентября
11-ого сентября
14/IX-41 года
19 сентября
22 сентября
4/X-41 г.
5-ого
12-ого октября
12 – ого октября

13-ого октября
16-ого октября
18-ого октября
11-ого XI
12/XI
16/XI
21 ноября 1941 года
22/XI
23 ноября
27/XI-41 г.
28/XI
29/XI
1/XII
5/XII
7/XII
8-ого декабря
9/XII
10 декабря
14/XII
16/XII
17/XII
18 декабря
19/XII
22/XII
25/XII
27/XII

28/XII
30 декабря
2-ое января 1942 года
3/I-42 г.
4-ого января
8/I
9 января
10-ое января 1942 года
12/I-42 г.
17/I-42 г.
20/I-1942 года
25/I
29/I
8/II
10/II
11/II
13/II
15/II-42 г.
17/II
25/II
27/II
1/III
5/III
6/III
7/III
13/III

16/III
18/III
21 марта
22/III
23/III
24/III
25/III
30 марта
31/III
1 апреля
2 апреля
3 апреля
4 апреля
10/IV-42
11/IV-42 г.
12/IV
13 апреля
15 апреля
17/IV
18 апреля
19 апреля
20 апреля
21 апреля
[22 апреля]
25 апреля
26/IV

27 апреля
28 апреля
29 апреля
30 апреля
1 мая 1942 года
2 мая 42 г.
3 мая
4 мая
5 мая
6-ого [мая]
7-ого мая
8-ое мая
9-ое мая 1942 г.
10 мая [19]42 г.
11 мая
16/V-42 г.
18 мая
22-ого мая
[25 мая]
Приложение
Хронология событий в Ленинграде. в июне 1941 – мае 1942 годов
Необходимое послесловие. Как была восстановлена биография Лены Мухиной
Фотографии

Аннотация

Ленинградская школьница Лена Мухина начала вести дневник в мае 1941 года, не предполагая, что совсем скоро записям в этом небольшом блокноте суждено будет превратиться из хроники юношеской влюбленности в хронику одной из самых страшных катастроф в истории человечества и стать частью драматичного коллективного текста под названием «блокадные дневники».

Что можно противопоставить мучительному умиранию от голода в условиях, когда рушатся общепринятые нормы морали? Что может спасти от духовной деградации в условиях, когда борьба за выживание лишает «человеческого лица», а голод и страх смерти превращают человека в животное? Одним из средств спасения оказалась упорядоченность букв. Попытка через слово осмыслить происходящее, понять себя. И еще: интуитивное знание, что нужно сохранить свою историю, свой опыт – для других.

Сегодня, когда расшифровывается и публикуется все больше блокадных дневников, мы

понимаем, насколько велика непреходящая ценность этих документальных свидетельств трагической эпохи. Подобно дневнику Анны Франк, дневник Лены Мухиной по праву можно причислить к ряду самых драматичных и самых пронзительных произведений XX века.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Лена Мухина
«…Сохрани мою печальную историю…» Блокадный дневник Лены Мухиной

Подготовка дневника к публикации и комментарии: д. и. н. В. М. Ковальчук, д. и. н. А. И. Рупасов, д. и. н. А. Н. Чистиков

Автор вступительной статьи: д. и. н. профессор С. В. Яров

Расшифровка дневника и компьютерный набор: М. Н. Румынская

Рецензенты: д. и. н. профессор В. Л. Пянкевич, д. и. н. Е. М. Балашов

В издании использованы фотографии из семейного архива Т. С. Мусиной

© В. М. Ковальчук (наследник), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков, комментарии, 2011

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство КоЛибри®

Лена Мухина на границах времен

Блокадный дневник ленинградской школьницы Лены Мухиной — документ, необычный во многих отношениях. Кажется, что перед нами роман — с завязкой и сюжетом. Этому тексту присущи, как классической трагедии, единство времени, места и действия. И развязка, горькая и предсказуемая.

Первая запись в дневнике сделана Леной 22 мая 1941 года. Ничто еще не предвещало беды. Наступало лето, занятия в школе заканчивались. Впереди были экзамены, но она чаще думала не об учебе, а о своем однокласснике Вове. Пересказ девичьих тайн, размышления о том, кто из одноклассников и почему ей нравится, — основное содержание довоенной части дневника.

И сразу, с первых страниц, ощущается особая интонация, присущая записям Мухиной. Она не только рассказывает о событиях собственной жизни, больших и малых, но и постоянно всматривается в себя, переосмысляет свои впечатления, пытается разобраться в своих чувствах.

И самое главное — стремится выразить это художественным языком, хотя порой и неумелым. Этот нарождающийся «собственный стиль» ощутим уже в «мирных» записях мая—июня. Но «смертное время» придало ее письму драматическую тональность, сделало более устойчивыми художественные импульсы.

День 22 июня навсегда перечеркнул ее жизнь, но знать этого она не могла. Строки, посвященные первым дням войны, отмечены накалом патетики, и, увлеченная всеобщим порывом, она почти целиком передает в дневнике сводки Информбюро. Язык записей тех дней тоже заимствован из официозных сообщений, но отклик Лены непосредственен и искренен. Она словно «достраивает» газетные тексты, используя тот же набор пафосных «взрослых» слов, мало свойственных подростку: «Идут мобилизованные, их провожают жены, дети, любимые девушки». Она захвачена общим порывом, ей трудно сдержать себя, ее записи похожи на крик: «За нами победа, товарищи!»

Спустя недели этот пафос ослабевает. Человек не может жить только экзальтацией, повседневные заботы одолевают его, притупляя остроту ощущений. Враг где-то далеко, сообщения с фрон-

тов уклончивые и смутные, нет еще ни налетов, ни обстрелов, голод пока не ощущается. У школьницы Мухиной свои интересы и увлечения, их не заслоняет даже война. Ей хочется писать о привычном, о том, что ближе, лирические зарисовки в июле—августе еще преобладают в дневнике.

Все резко меняется в сентябре 1941 года. Чем дальше, тем страшнее оказывается блокадная жизнь. Неутешительны вести с фронта, уже нет надежды на быстрое окончание войны. Неудержимо хочется есть, все время «сосет под ложечкой», неистощимы разговоры о прошлом, «сытом», времени. «О Господи Боже мой, что с нами делают...» — этим криком она пытается передать ужас перед бездной, в которую погружался город.

«Лешенька, несчастные мы с тобой!» — скажет перед смертью мама Лена, ее приемная мать. Мрачные, пропитанные безнадежностью записи января—февраля подтверждают горечь этих слов.

Весной 1942 года дневник все чаще превращается в приходо-расходную книгу. Текст приобретает несвойственную ему ранее монотонность. Записи здесь об одном и том же: об эвакуации, о том, что было съедено сегодня и что предстоит съесть

завтра, об «отоваривании» продовольственных «карточек». Эмоциональные взрывы, столь частые у Лены прежде, теперь случаются более редко, меньше заносится в дневник собственных стихов, «рассказов-фантазий». Ничто ей не интересно, ничто не волнует: прошлое обжигает, будущее выглядит несбыточным. Так, тягостными предчувствиями заканчивается ее дневник.

Уникальным этот документ делает личность его автора — человека исключительно эмоционального, нервного, бурно отзывающегося на все вокруг. Лене свойственны резкие перепады настроения даже в течение нескольких часов. Одна запись в дневнике — «тоска, тоска меня грызет и гложет» — почти соседствует с другой: «Сейчас мне хочется петь и смеяться. Мне так хорошо, что прямо чудо».

Ее привлекают яркие сцены. Самые драматические эпизоды описаны подробно, а «бледные», невыразительные — быстро, сжато, порой невнятно. «…Вдруг обхватил меня ладонями за виски, порывисто прижал меня к себе и поцеловал меня в лоб… так нежно, нежно поцеловал» — она с замиранием сердца слушает рассказ подруги о прощании с возлюбленным и тщательно записывает ее признание. Она ищет такие истории,

непременно отмечает их, расспрашивает о них. Все, вызывающее сильные эмоции — особенно смешные детские стишки, лирические и сентиментальные романсы, «блатные» песенки, удачные загадки, «красивые» цитаты из книг и, конечно, собственные стихотворения, — обязательно помещается ею в дневник. Все яркое, только яркое, всегда яркое. Даже весной 1942 года, когда апатия и усталость все прочнее овладевают ею, Лене хочется новых встреч, новых людей, новых впечатлений, новой жизни.

Наблюдательность — ее отличительная черта. Она пристально вглядывается в каждую деталь блокадного быта, с волнением переживает любой эпизод. Вследствие этого блокадные зарисовки в ее дневнике становятся пластичными, а изображение картин повседневности — предельно выпуклым. В бомбоубежище, где иной очевидец замечал лишь перепуганную толпу, она обращает внимание на то, как выглядит сидящий рядом подросток, и подробно пишет о цвете его глаз, о выражении лица, о невинной, извиняющейся, смущенной улыбке… Жесты, слова, ситуации, портреты людей, близких и чужих, — все заносится в дневник с почти педантичной скрупулезностью. О блокадной «елке»

рассказывали многие ленинградцы — обычно скороговоркой, отмечая только праздничные подарки. Не так у Лены. Иногда кажется, будто это мы стоим на лестнице, ждем своей очереди, ловим слухи о меню обеда, придирчиво оцениваем содержимое тарелок, украдкой перекладывая «гущу» в стеклянную банку для матери. В рассказе о «елке» нет ни одной фальшивой ноты, нет и намека на театральность поступков, нет пафосных восклицаний. Какая уж тут патетика: «Воспользовавшись темнотой, вылизала пальцами начисто весь горшок».

Чувственные, многословные, извилистые, картинные описания требовали и нового языка. Не того, каким пишутся школьные сочинения, правильного и простого, а языка сложного, красочного, подчас афористичного. Грамматику и орфографию Лена знала не очень хорошо. Многие слова, особенно непривычные, она явно воспринимала на слух, из радиопередач и житейских разговоров. О «двойке», поставленной преподавателем за сочинение, Мухина сообщает и в дневнике. Ей нравится писать красиво, а как это сделать, готовя письменную работу на тему об угнетении народа при царизме?

Но писать красиво, поэтично, небанально она

пытается, и это расширяет ее словарь: нельзя ведь одними и теми же фразами передать оттенки лица, чувств, настроений. «Широкая, спокойная гладь реки серебрилась под спокойным лунным блеском», — пробует она себя в роли литератора, запечатлевая в дневнике эпизоды окопных работ в деревне Тарковичи. Даже по этой краткой записи видно, как трудно ей даются отход от беллетристических трафаретов и попытка обновить свой, пока небогатый лексикон. Заметно, что «литературное» все же чаще рождалось у нее стихийно, под влиянием внезапно нахлынувших чувств, а не в силу обдуманности замысла.

Возникает своеобразная «чересполосица» языка, возвышенные метафоры смешиваются с просторечиями. С романтического языка Лена часто переходит на язык советский, с его характерными штампами: «Послевоенная жизнь будет легка, радостна и плодотворна для советских граждан» — такова одна из записей ее дневника. Ростки особого, живописного языка трудно пробиваются у нее сквозь броню бесчисленных клише — политических и бытовых. Да и как это сделать в условиях блокады? Не одно претендующее на художественность описание прерывалось в дневнике прозаичными размышлениями о

хлебе, «карточках», пайках, гробах — как тут подбирать «красивые» выражения. О повседневности лучше и понятнее говорить разговорным языком — он и преобладает в записях декабря 1941 — февраля 1942 года.

Политический язык дневника неустойчив. Политическая риторика занимает заметное место в текстах июля—сентября 1941 года и постепенно исчезает из дневника к ноябрю—декабрю. Особенно показательна сделанная в начале января 1942 года запись о том, как «жрут в Кремле» — не случайно, наверное, учительница упрекнула ее как-то за то, что она «одна из наиболее антисоветски настроенных» в классе.

«Правильный» советский язык вновь начинает проскальзывать у нее с конца января 1942 года, иногда это проявление благодарственного отклика на повышение норм пайков. Но в целом дневник остается аполитичным. Это и понятно — нужно было необычное усилие, чтобы после ужасов блокадной зимы наполнить его страницы пафосными строками.

Первой и очень отчетливой попыткой придать дневниковому тексту художественный оттенок следует счесть использование в нем диалогов. Особенно это характерно для записей лета 1941

года — позднее Лена к этому приему прибегает редко. Легче, конечно, неискушенному писателю дать стенограмму разговоров, чем попробовать отшлифовать их, нарочито оборвать с целью создания художественного эффекта, оттенить, подчеркнуть, выдвинуть на первый план самые живописные детали. Диалоги для Лены, наверное, это наилучший способ сохранить свежесть пережитого.

Другой вид Лениных беллетристических опытов — «рассказы-фантазии» о том, каким светлым станет ее будущее. На них нужно остановиться подробнее. Надо отметить, что дневник является одним из способов вытеснения из сознания блокадной травмы, приемом своеобразного «замещения». В дневнике есть все то, чего не хватало Лене и о чем она мечтала в те страшные дни. Удивительно, но самые страшные приметы блокады — трупы, брошенные на улицах, осквернённые и ограбленные, драки у булочных из-за сахара и масла, воровство продовольственных «карточек», крысы, вши, нескончаемая череда «пеленашек» (завернутых в простыни покойников, которых везут на кладбище), залитые нечистотами лестницы и дворы — либо вовсе отсутствуют в ее записях, либо не получили здесь столь же по-

дробного освещения, как в других блокадных дневниках. Она, может быть подсознательно, оберегает себя от всего жестокого. Сколько теплых слов было припасено ею для одноклассника, который ей нравился, — особенно это проявлялось в записях лета 1941 года. Но вот он встретился ей после пережитой катастрофы, в мае 1942-го — совсем «высохший», ужасно истощенный, пытавшийся подкормиться в стационаре. Ни ярких красок, ни бурных чувств — описание сразу заканчивается, едва только началось.

Чаще Лене хочется писать о чем-нибудь хорошем, о том, как удалось выгодно обменять вещи на продукты, какую интересную профессию приобретет в будущем, какие красивые открытки посчастливилось купить на рынке. Обратим внимание на то, как часто в дневнике перечисляются продукты — те, какие получили сегодня, и те, которые надеются получить завтра. Помещенный Леной в дневниковой записи 16 ноября 1941 года рассказ о том, как она будет питаться после окончания блокады, вырастает именно из этих перечней, но увеличивает их чуть ли не в геометрической прогрессии. Перечисление продуктов как способ «замещения» недостающей еды характерно почти для всех авторов блокадных

дневников, но в рассказе Лены это приобретает едва ли не гиперболическое выражение.

На пиршественном столе, который она соорудит после войны, мы видим обилие яств, способное поразить любое воображение. Чувство голода она пытается приглушить не просто картинами скудного довоенного быта, а именно чрезмерностью блюд, разнообразных и обильных. Только этой чрезмерной насыщенностью приметами цивилизованной жизни и удавалось вытеснить кошмар блокадной повседневности.

«Рассказ-фантазия» о будущей поездке по стране строится на тех же приемах «замещения». Лене невыносимо видеть грязь разбитых бомбами домов — и в вагоне для путешественников должно быть чисто и светло. Там тепло, там нет стужи промерзших ленинградских квартир. Там уютно — на окнах голубые занавески, на столике чай с вкусным печеньем, за окном — красивые виды природы. С каким-то исступлением тянется она из блокадного ада к доброму и прекрасному: «от избытка сердца говорят уста».

Рассказ о том, как умерла ее приемная мать и как она пережила эту трагедию, — не «фантазия», но как и тут характерны приемы ее «психологической» самозащиты. К чему она только не

прибегает, чтобы смягчить горе! Она уверяет себя, что живет теперь сытно, что довольна жизнью, но боль не проходит. Она готова поверить в то, что мать не погибла, только ушла из дому, но вернется, — и это не помогает. Она передает разговор с матерью за несколько часов до ее смерти. Вот ее живой голос, неловкие движения: она продолжает по-прежнему жить с ней, — нет, так не бывает.

Натуралистических описаний гибели родных в блокадной литературе много, но взгляд Лены отмечает не только агонию матери. Прежде всего она стремится оттенить ее стойкость и, главное, достоинство умирания. Нет у матери жадности, не унижает она себя чрезмерными просьбами, не раздражается, не попрекает никого: «Мамуля, ты умерла, слабела с каждым днем, но ни одной слезинки, ни жалоб, ни стонов, ты старалась ободрить меня, даже шутила».

«Я решила теперь писать свой дневник в новой форме, от 3-го лица, в виде повести. Такой дневник можно будет читать как книгу», — пишет Лена 30 апреля 1942 года. Возможно, здесь есть и желание игры, отрывающей от рутины опостылевшей блокадной жизни, есть и предчувствие чего-то нового, интересного и необычного — Лена

тянулась к нему всегда. Все это так, но, наверное, тут есть и что-то потаенное, может быть, неясное и для нее самой. Куда заведет эта игра?

Нельзя не видеть, что рассказ от третьего лица — это тоже способ оградиться от кошмара, сказать себе, что это произошло ведь не с ней, а с другой девушкой, — и тем самым отделить себя от человека, перенесшего столько бед, потерь, изнемогшего под тяжестью чудовищных ударов… Раздвоение здесь не только художественный прием, за этим чувствуется человеческая драма — невысказанная, но определяющая характер многих поступков.

Слишком поздно Лена начала сочинять свою повесть. Попытка писать в третьем лице мало изменила содержание дневника. Теперь текст выглядит даже менее художественным, чем ее прежние «рассказы-фантазии», — все отгорело, сил ни на что не осталось, одного ей хочется — быстрее вырваться из города.

Лена стремилась создать нечто художественное, а это и не нужно было. Сам ее дневник естественно, без всяких ухищрений стал романом — грандиозной фреской малого мира одинокого человека, фреской, которая помогает понять большой мир блокадного сообщества. Ее дневник

многомерен. Это и рассказ о ежедневной борьбе за выживание — с перечнем «карточек», талонов, граммов, бесчисленных «мен». Это и запись ощущений — тьмы, безысходности, несправедливости. Это и свидетельство о стойкости людей, не бросивших родных и друзей в трудную минуту.

Но не только об этом ее дневник. Перед нами стенограмма распада нравственных норм, и мы видим, как блокада ломала людей, вытравляла у них чувство сострадания, делала безразличными, жестокими и корыстными. Каждый мечтал выжить — и менялись представления о чести и порядочности, и возникала мысль о том, что жить было бы лучше и сытнее, если не делиться с родственниками-иждивенцами. Лена боится в этом признаться даже самой себе, но голод терпеть трудно, а искушения возникают все чаще и чаще.

И одна из самых горьких и стыдных для Лены записей — строки об ожидании смерти Аки, близкой подруги ее приемной матери, жившей в их семье. «…Это будет лучше и для нее…» — пишет Лена. И тут же ужасается самой себе: «Я сама не знаю, как я могу писать такие строки».

Лена Мухина оказалась на границах времен — войны и мира, детства и юности. Без всяких

переходов она шагнула в жизнь страшную и беспощадную — оглушенная ею, не успев оглянуться и проститься со своим прошлым, не умея смягчить наступившего ужаса. Она хотела изучить «до атома» всю природу. И создать книгу о первой любви и дружбе. И поехать в горы, на море. И иметь альбом с красивыми фотографиями. И купить килограмм черного хлеба и пряников, обильно полить их маслом. И испечь пирожков с картошкой, мясом, капустой, морковью. Как ребенку, ей всего хотелось — и ничего не удалось. Она осталась на границах времен — по-детски непосредственная, не признающая авторитетов, не терпящая несправедливости, стремящаяся к чувственному, красочному, необычному.

«И будет тебе, барышня, в жизни твоей через мужа твоего разлюбезного счастье тебе превеликое. И будешь жить припеваючи. Злых дней не ведаючи» — так нагадала ей цыганка. Не сбылось. Ни мужа, ни детей у нее не было. Перебивалась случайными заработками. Часто болела. Многие годы не могла уехать из общежития.

Остался ее дневник — драгоценное свидетельство о Ленинградской блокаде, где «злых» дней было не перечесть. Есть высшая справедливость в том, что ее голос не утерян и его слышим мы, живущие в другое время и в другом мире. Ничего ведь и не было у нее в бесприютном одиночестве, кроме этого дневника. И не могла она знать, прочтут ли его, или будет он затерян навсегда. Но книги, как и люди, имеют свою судьбу, — и будем благодарны Елене Мухиной за то, что она сохранила эти строки о великой народной беде.

Сергей Яров

Блокадный дневник Лены Мухиной

Считай потерянным для себя тот день, когда ты не узнал ничего нового, не научился ничему полезному!

Каждый может стать ловким, сильным, мужественным. Для этого нужно только одно — воля!

Воля побеждает.

Волевой человек — это человек настойчивый, упорный.

Человек не рождается смелым, сильным, ловким. Этому он учится настойчиво, упорно, как и грамоте.

Сегодня 22 мая[1]

Я легла спать в 5 часов утра, всю ночь учила литературу. Сегодня встала в 10 часов и до без $^1/_4$ 1-ого зубрила опять поганую литературу. В без $^1/_4$ 1 пошла в школу.

У подъезда вижу — стоят наши Эмма, Тамара, Роза и Миша Ильяшев, уже сдали и счастливые такие. Желают нам счастливого пути. Я поздоровалась с Люсей Карповой и с Вовой. Звонка на урок еще не было, мы ожидали в зале. В нашей группе все наши мальчики, кроме Вовки Клячко. Я спросила Вову, успел ли он все повторить. Он сказал, что не все, я бы хотела еще что-нибудь ему сказать, но он пошел к своим мальчишкам.

Прозвонил звонок, мы поднялись по лестнице

---

[1] Примечания: 1

Явные описки исправлены без оговорок, однако лексические и стилистические особенности текста дневника сохранены. Пунктуация дана согласно современным требованиям русского языка. В квадратные скобки заключены недостающие слова или части слов. Отдельные неразобранные слова обозначены в тексте знаком (нрзб.).

В постраничных примечаниях оговорены ошибки, имеющие смысловое значение, неразборчиво написанные в тексте слова, а также недописанные предложения. Краткие комментарии, предназначенные для уточнения некоторых реалий военной, в том числе блокадной, жизни и деятельности ленинградцев даны в конце дневника. — *От публикаторов.*

и вошли в класс. Все очень волновались, я же была спокойна, так как была уверена в том, что провалюсь: биографии все перепутались, даты тоже. Кроме того, я не успела даже прочесть некоторое. Надо отдать справедливость, что я за себя меньше волновалась, чем за других.

Мы сели с Люсей за предпоследнюю парту. А перед нами сели Леня, Яня, а в середине Вовка. Начали вызывать. А я больше думала о Вовке, чем о испытаниях. И не то что я за него волновалась, нет, даже хотела б, чтоб он провалился. Нет, мне хотелось с ним общаться, с ним разговаривать, чувствовать на себе его взгляд и вообще как можно ближе быть к нему. Если б он провалился, то он был бы грустный и печальный, а я так люблю видеть его таким. Когда он печален, мне кажется, что он так близок, хочется положить ему руку на плечо, утешить его, чтоб он посмотрел в глаза и ласково, признательно улыбнулся. И сейчас он был так близко, вот немного протянешь руку и дотронешься до его локтя, который он положил на нашу парту. Но нет, мне не решиться на это, он так далек, сзади сидят девочки, они поймают мое движение, рядом с ним сидят его товарищи. Они заметят, что-нибудь подумают, и тогда это будет не то, не то. Что не то? Сама не знаю. Я сидела,

подпершись руками, и так, чтобы никто не видел, следила за Вовой. Нет, не следила, а так просто смотрела на него. Мне доставляет удовольствие и большое удовлетворение смотреть на его спину, на волосы, на уши, на нос, на выражение лица. Вова сидел вполуоборот, смотрел на отвечающего Димку и изредка переговаривался то с Яней, то с Леней. Хоть бы раз ко мне оглянулся. Почему с Янькой и Леней переговаривается и переглядывается, а со мной как будто меня нет. Но нет, куда мне до них: Вова не девочка, я не мальчик. И потом, разве я исключение, ведь с другими девочками он же тоже не переглядывается. Я на минуту забылась, уткнув голову в парту. Но когда опять взглянула на него, нет, не могу, чего я боя[ла]сь, он, дорогой Вовка, совсем такой, как тогда в театре, и в том же костюме, и улыбка та же. Мою робость как рукой сняло, и вот его-то я люблю больше всех других, подумала я, нисколько не смутилась от таких мыслей. Я подвинула к себе Люсину тетрадь с программой по литературе и написала на обложке: «Желаю тебе сдать на отлично». Толкнув его за локоть, я придвинула к нему написанное. Он сразу же обернулся, и, вероятно, ему это было приятно, он весь просиял и пожелал мне того же. Я издала что-то нечленораз-

дельное и мотнула как-то головой, я этим хотела показать ему, что уверена, что провалюсь.

Потом меня вызвали, я села на вторую парту, ни разу не обернувшись на ребят, так что не видела Вовку и не знаю, интересовался ли он моей участью. Я сидела и знала, что за мной сидят еще не вызванные ребята и Вовка. Мне так хотелось бы, чтобы Вова в это время думал бы обо мне, беспокоился. Может быть, это так и было. Право, не знаю. Вскоре вызвали и его, он сел передо мной.

Мне попался жуткий билет, и я ни первый, ни второй пункты не знала. Я решила подождать немного и переменить билет. Мне ничего другого не оставалось делать. Вова сидел, согнувшись в три погибели, и, вероятно, нервничал. Листок, который он только что исписал, он рвал и теребил в своих руках. Потом начал лохматить свои волосы, потом задумался и начал снова писать. Раза два-три он обернулся, и в один из них мы встретились глазами. Он как-то беспомощно, я вопросительно. Знаешь? Он неопределенно мотнул головой. Потом он снова стал что-то писать…

Я взяла другой билет и сразу, взглянув на него, поняла, что еще не все погибло:

1) Мотивы лирики Пушкина.

2) Сентиментализм.

3) Композиция «Героя нашего времени».

Второе я знала хорошо, третье тоже, а первое надо было вспомнить. Но я уже знала, что литературу сдала. Вова уже подготовился и сидел на самом краю парты, он часто оглядывался. Я на него не смотрела. Я мучительно старалась вспомнить лирику Пушкина. Но я видела, что Вова за меня беспокоится. Он, наверно, не пропустил мимо своих ушей, что я сижу над вторым билетом, да еще и вид у меня был такой печальный. Но вот что ужасно. Когда я добиваюсь того, чего хочу, и на меня кто-нибудь начинает обращать внимание, я стараюсь всеми силами стать незаметной, так как боюсь, что окружающие что-нибудь заметят. Не правда ли, как глупо! Но это так. Вова добился того, что спросил, глядя мне в глаза (он всегда, когда разговаривает, смотрит прямо в глаза, что часто не могу сделать я), знаю ли я. Я кивнула утвердительно головой, и он успокоился.

Потом, после Гришки, он отвечал. Он говорил четко, ясно, быстро. Ему не давали договаривать и, не спросив ничего дополнительно, отпустили. Пошла отвечать я. Вова вышел из класса. Тут я о нем забыла, не знаю, быть может, он поинтересовался и через дверь видел, как я отвечаю. А

может, от радости и забыл обо мне. Пошел искать своих ребят. Ведь не век же ему обо мне думать.

Так. 2 испытания с плеч долой.

Сегодня. Весь день баклуши била. Успокоилась моя душа. 3 дня еще впереди, успею. Так всегда бывает, стоит мне решить немножко отдохнуть, трудно взять себя обратно в руки. И как незаметно день проходит. Слушала [по] радио «Немецкие баллады», а я баллады очень люблю. После передачи взяла я Пушкина и прочитала все баллады подряд. А все же хорошо, что нет на свете никаких нечистых душ. А то они бы житья нам не давали.

Сейчас около 10 часов. А я маме обещала в 9 лечь. Она каждую минуту может придти. И выйдет, что я слово не сдержала. А это удар по моему самолюбию. Да и просто совест[но]. Но никак не кончить. Расписалась.

Я теперь решила аккуратней вести свой дневник. Потом же самой будет интересно. Боже, Ака[2] в комнату пришла, а я еще не в кровати.

---

[2] Примечания: 2

Ака — Розалия Карловна (Азалия Константиновна) Крумс-Штраус (1866–1942). По семейному преданию, Розалия Карловна, англичанка по происхождению, служила до революции 1917 г. гувернанткой в русской помещичьей семье. В 1930-е гг. проживала в одной комнате вместе с Леной Мухиной и «мамой Леной» по адресу: Загородный пр., д. 26, кв. 6.

«Ты же обещала, нужно лежать[3]». «Да, да, да, — говорю я. — Сейчас». А сама пишу (Ака ушла из комнаты). Я хочу писать в своем дневнике все свои переживания, все, все, как Печорин это делал. Ведь как интересно читать его дневник. Но я такое преступление сделала. Пишу-то я на маминой записной книжке, она может рассердиться. Ну ладно, как-нибудь уговорю ее, а пока положу-ка я все на место.

[3] Примечания: 3
Слово читается предположительно.

23/V

Черт подери, меня никто не разбудил. Проснулась в 10 часов. Опять не сделала зарядки. Слушала передачу для детей «Юность Амунсона»[4]. Какой был упорный человек. Он захотел, и он добился. Если б я была мальчишкой, то, наверно бы, подражала Роальду. Но я ни разу не читала, чтобы девочка так над собой работала. А страшно самой начать.

Я бы хотела, чтоб Вова мечтал бы быть полярником, исследователем, альпинистом. Но он, кажется, не увлекается этим, не желает «ломать» свою голову в ледниковых трещинах. А впрочем, надо будет его спросить. Но только когда спросишь. Вот, может быть, я поеду к нему в гости на дачу, и тогда мы с ним поговорим. И о делах 9-ого класса, и о его будущности, и о моей. Если, конечно, он захочет со мной разговаривать. А может быть, я ошибаюсь, может быть, я ему совсем не нравлюсь. Нет, не может быть. Хоть немножко,

---

[4] Примечания: 4

Имеется в виду Руаль Амундсен (1872–1928), норвежский полярный путешественник и исследователь, первым прошедший в 1903–1906 гг. Северо-Западным проходом от Гренландии к Аляске, первым в декабре 1911 г. достигший Южного полюса.

вот столечко, а я ему нравлюсь.

Ну, пора за книги. Зубрить немецкий.

Уже 10 часов вечера. Возвращаюсь за перо. Была у Люси Карповой. И узнала итоги испытаний. Вова, Гриша, Миша Ильяшев, Лева, Леня, Яня, Эмма, Тамара, Люся, Беба, Зоя, Роза — сдали на отлично. Димка, Миша Цыпкин — хор[ошо] и еще несколько человек. А остальные — пос[редственно]: Кира, я, Люся, Лида Клементьева, Лида Соловьева, Яся Баркан…

За сегодняшний день я очень мало сделала. Вечером только взялась как следует. Выучила 4 §. Мы с Люсей ходили сегодня гулять в садик[5]. Ребят — масса. Как в муравейнике. Вики — нет.

Мне все чего-то не хватает. Ощущаю пустоту. Вот с Люсей ходила гулять, была у ней, и все не то. Нет, Люся меня не удовлетворяет. А больше никого у меня нет. Это особенно ощущается сейчас, в дни подготовки. Мне лучше готовиться вдвоем. Особенно по немецкому. Люся хочет готовиться одна. Да и вообще, Люся мне не пара, я это давно знаю. Я глубоко завидую нашим ребятам. Эмма с Тамарой занимается, Роза с Бебой, Люся тоже с

---

[5] Примечания: 5

…гулять в садик. — Речь идет о небольшом сквере, расположенном напротив дома № 26, в котором жила Лена Мухина, между домами № 15 и 17 по Загородному пр.

кем-то. И другие девочки тоже как-то устроились. Наши же мальчики все время поддерживают друг с другом связь. Вот Вовка занимается один, так он сам хочет, а надоест быть одному, так он сейчас же окружен товарищами. Да и не только Вовка, все они так же. А я совершенно одна, у меня нет хорошей подруги, ни товарища.

Мама иногда хочет, чтоб я ее поцеловала, ласкается ко мне, а я хожу грустная, потому что невеселые думы у меня в голове. Так хочется расплакаться, раскричаться. Но я себя внешне сдерживаю, а внутренне никак не могу. Все время чувствую, что чего-то недостает. Когда мамы нет дома, я хочу, чтоб она пришла, когда она дома, я жажду ее не видеть, не слушать. Мне они надоели. И мама, и Ака.

Я хочу новых лиц, новых встреч, нового. Чего-нибудь нового. А его нет — и я не могу. Мне хочется сейчас убежать куда-нибудь далеко-далеко, что[бы] никого не видеть, не слышать. Ни одного человека. Нет. Я хочу, хочу пойти к своей закадычной подруге, которая меня любит, и рассказать ей свои печали. Все, все. И тогда мне будет легче.

Но у меня никого нет, я одинока. И никому об этом нельзя сказать. Маме сказать. Она поцелует,

поласкает, скажет: «Что ж делать». Она думает, что у меня нет подруг, потому что я лучше, а они все хуже меня. Глупая, она не понимает многого. Очень многого. Я совсем обыкновенная, я ничем от них не отличаюсь. Разве мыслей у меня в голове больше. Так ведь это не преимущество, а порок. То, что я все время думаю, а главное, то, что я каждый свой шаг анализирую, разбираю по косточкам, — разве это не порок? Если я хоть немножко б меньше думала, была бы беспечна, мне бы легче жилось на свете.

Ну, пора спать.

28 мая

Прошла испытания по-немецки. Все благополучно. Мы получили 13 отл[ично]. Вова получил хор[ошо]. Не знаю почему. Он отвечал еле-еле на пос[редственно]. А у него был очень легкий билет. Завтра буду сдавать алгебру. Скоро, скоро я буду свободна. У меня есть много планов.

Мы не поедем в этом году на дачу. Нет денег. Ну и не надо, даже очень хорошо, я давно лето не проводила в городе. Буду обязательно работать. И куплю себе какую-нибудь одежду. А то мне уже 16 лет, а я не имею ничего приличного, «модного». Кроме того, я каждый день, начиная с 7-ого июня, буду заниматься по-немецки, чтобы в 9-ом классе быть хорошей ученицей и не слышать слова «слабенькая». Потом, мне стыдно ползти по химии на пос[редственно]. Я так часто видела (нрзб.) Анну Никифоровну, и ее Адька…[6] Нет, я должна в 9 кл[ассе] учиться по химии на отлично. 9-ый класс сдает экзамены по химии. И я должна весь год проучиться хорошо по химии и сдать испытания

---

[6] Примечания: 6
Так в тексте.

на отл[ично]. А для этого[7]

[7] Примечания: 7
Предложение не закончено.

30 мая

Погода хорошая. На сердце ноет. Сегодня у мамы день рождения, а ничего нет. Мама поехала работать и добывать деньги. Правда, мы не голодаем, но в этом мало радости. Мы все это время живем на чужие деньги. Мама все занимает и занимает. Стыдно показаться на глаза в квартире, всем мы должны. Еще никогда мы так не жили.

Вчера сдавали алгебру. У Вовы хор[ошо], у меня — отл[ично], у Люси — пос[редственно]. Об остальных ничего не знаю. 28[-ого] я весь вечер провела у Вовки. Мы: Вова, я и Дима решали задачи и примеры по алгебре, но больше трепались. Вовка очень остроумно умеет трепаться. Отношения у нас с ним лучше, чем зимой. Он всегда теперь здоровается со мной как с хорошим товарищем. И мне это очень приятно. И вообще, чем больше я бываю с ним, т. е. у него, тем меньше я думаю о любви к нему. Но стоит мне долго его не видеть, я снова его начинаю любить. А хотели этим летом как-нибудь собраться и поехать к нему погостить денек. Но теперь раздумали, это излишне, не надо, лучше я все лето не увижусь с ним. А осенью, когда мы встретимся, поздо-

роваюсь с ним как со старым знакомым и этим еще более сближусь с ним. Надо обязательно перед тем, как расстаться на лето, попросить его сняться крупным форматом, а осенью, как только мы встретимся, опять попросить его сняться, это будет интересно и для меня, и для него, ведь интересно, как он изменится за целое лето. Еще мне хотелось бы получить карточку от Димки, ведь он мне обещал, и от Миши Ильяшева, а также от Эммы, Люси Ивановой, Тамары Артемьевой и Бебы, но эти карточки достать труднее.

Завтра у меня геометрия. И потом останутся только два испытания. Анатомия и физика. Анатомии я не боюсь, а физику боюсь очень. На физику только 2 дня. Это очень мало. И еще что плохо — на физику нашей группе приходить к 9-ти часам утра. Физик тогда совсем свежий и очень требователен. А II гр[уппе] лучше. Он уже устает и дремлет. Отвечать тогда легко.

А Вовка хороший мальчишка, ей-Богу, хороший. Если б он был председателем в 9-ом классе. Но нет, это только мечты. Он, наверно, теперь и думать не хочет об этом. Ну, да его дело.

Вот где я чувствую себя как рыба в воде. Это в Вовкиной семье, всегда, после того, как я побываю у них, я чувствую себя так бодро, так хорошо, и

жизненный поток для меня — ручеек по колено.

Когда кончилась консультация по алгебре, ребята столпились вокруг Веры Никитичны. Вова и другие мальчишки стояли у окна. Я подошла к доске, прислонилась, окликнула Вову, он живо обернулся и подошел ко мне, с ним и Леня.

— Ты решал задачи по алгебре?

— Нет, не решал, не хочется.

— Слушай, давай порешаем немножко.

— Ой, Лена, мне так не хочется.

— Знаешь, Вова, — говорю я, пачкая мелом доску, — я совсем забыла, как решаются некоторые задачи. Я завтра могу срезаться на этом.

— Ну что ты, завтра же будут легкие задачи.

— Ну, все-таки. Я сейчас пойду к тебе. Хорошо?

Он кивнул головой:

— Ленька, пошли ко мне. Я эти искусственные приемы не знаю. Решим парочку?

— Нет, Вовка, сейчас никак не могу…

Мальчишки все вместе вышли из школы. Я шла рядом с Вовой, а потом с Яней. Я говорю: «Вовка, почему ты так неважно немецкий отвечал». Вова ничего не ответил. Яня за него: «Разве он плохо отвечал. Он же хор[ошо] получил».

— Дело не в отметке, а отвечал он неважно.

— А ты разве хорошо отвечала?

— Это уже другой вопрос. Ведь в данном случае я говорю не о себе, а о Вовке.

— Леночка, ты бы так не говорила, если б видела его перед испытаниями. Вовка тогда был умирающим Гамлетом.

Сейчас ходила в садик. По дороге встретила Геню Николаева. Поздоровались мы с ним. Немного поговорили. Но я, как всегда, была дурой и осталась ею же. Я бы могла его о многом расспросить. Я же, вот дура, два-три слова с ним сказала и уже — до свидания. А он широко улыбается и спрашивает:

— Ну, а вообще как дела. Отметки какие?

Я, вот дура, быстро оттараторила ответ. И даже за руку не простилась, бегом от него и даже не оглянулась. А он, наверно, оглянулся и подумал: «Какая смешная». Какая я дура, просто идиотка. Встретилась с Геной и не могла хорошенько поговорить. Нет, если я с ним в другой раз где-нибудь встречусь, я извинюсь за свою неловкость и расспрошу его, как он живет, как собирается провести время летом. О многом можно его расспросить. И наконец, попросить у него его карточку.

31 мая

Сегодня последний день мая. Завтра уже июнь — лето. Сдала геометрию на хор[ошо]. Правда, мне везет, все такие легкие билеты вытягиваю. Теперь остались только анатомия и физика.

По правде говоря, я геометрию только 3 часа учила. 2 часа — вчера и сегодня утром час. Но провалиться на геометрии было невозможно. Лида Соловьева ничего не знала, ни 1-ый билет, ни 2-ой билет, и ее все-таки вытянули на пос[редственно]. Если я была бы на ее месте, то на сообразительность взяла. А она ничего не соображала.

Теперь я уже не могу итти к Вовке — нет предлога. Неудобно. Я бы ему так и сказала: «Знаешь, Вова, жаль, что я не мальчишка. А то я бы к тебе часто приходила. В твоей семье я себя очень хорошо чувствую. Когда я к тебе раньше приходила, у меня был предлог заниматься алгеброй или геометрией. А без предлога мне неудобно». Только я боюсь, что он рассердится и скажет: «Какая ты „умная“. А для меня нет особенной разницы между мальчиками и девочками». Или что-нибудь в таком роде.

Ну ладно, иду учить анатомию.

2 июня[8]

Сдала анатомию на отл[ично]. Почти все сдали на отл[ично].

Сегодня ужасная погода. Шел град, а потом снег большими хлопьями. Холодный ветер пронизывает насквозь. Время от времени появляется солнце и снова исчезает.

Осталось сдать только физику. Время летит незаметно. Скоро начнется лето. Много дел ждет меня впереди. Это лето ни на атом не должно быть похоже на прошлое. Прошлое лето — это потерянное время. Это лето будет не таким, в этом я даю честное слово Советского Школьника. И это совсем не трудно. Только ни на минуту нельзя себя распустить. Дело в том, что в то время, когда школьник сдает испытания, он переживает большой нравственный подъем: он сознает, что должен учиться и отвечать, когда же последний экзамен сдан, школьник ощущает какую-то пустоту, ему кажется, что все кончилось, что впереди пустота. И вот тут-то и попадаются некоторые, они сдаются и... и тогда все идет как

---

[8] Примечания: 8
В тексте: мая.

по маслу. Шатание по улицам, кино, раз в месяц книга, вставанье по утрам в 10 часов, ложенье в 12 часов. Так и проходит все лето. Однообразно тянутся дни, неожиданно подкрадывается день явки в школу.

Но совсем по-другому пойдет летнее время, если не сдаться и пересилить лень. Лень, что такое лень? Лень — это недостойное качество Советского школьника. Значит, лень необходимо побороть.

Я буду жить так.

В 7 часов вставать. Делать под радио зарядку.

Первое время. Я буду ездить с мамой в Пушкино[9], там буду работать. В перерыв пойду погулять. В 5 часов я буду оттуда уезжать. В 7 часов я уж обязательно буду дома. С $^1/_2$ 8-ого до $^1/_2$ 9-ого я буду заниматься немецким, а потом пить чай, слушать радио или читать. $^1/_2$ [11]-ого я пойду мыться, сделаю зарядку и в 11 ложусь спать, закрывая радио на самом интересном.

Когда потом, после того как мама кончит работать в Пушкино и мы вместе займемся чертежами, я так распределю время: в 7 часов вставать. Делать зарядку под радио. В 9 часов нач-

---

[9] Примечания: 9
Вероятно, г. Пушкин.

ну работать. В 4 часа кончу. Пойду гулять. Когда приду, выпью чаю. 1 час буду с Акой заниматься по-немецки. Потом читать, слушать радио.

4 июня

Завтра испытания по физике. Я иду в первую смену. Следовательно, на утро надеяться нечего, а я так распускаюсь, выставляя напоказ свое малодушие. Стыдно признаться, что я не могу взять себя в руки. Ведь последний экзамен. Еще одно, последнее усилие, и я буду свободна. Неужели под конец я сдамся. Раскисну. Нет, нет, этому не бывать. Я сейчас же буду учиться и пусть проучусь до часу, но завтра сдам. Ведь если я завтра не сдам, ведь это смешно, значит, зря я напрягала свои последние силы.

Это же последний экзамен. Напряги же остаток своих сил, Лена, и завтра, завтра ты свободна. Свободна, понимаешь, свободна.

Да, я не малодушна. Я сдам завтра физику!..

5 июня

Вот я и свободна. Сдала физику на хор[ошо]. Недаром я всю ночь сидела над книгой. Итак, впереди заслуженный отдых. Каникулы начались. Здравствуй, свобода.

6 июня

Я проснулась в 10 часов. Меня пожалели и не будили. Ака дала мне в кровать чай. Я только хотела пить, вдруг два звонка. Мама пошла открывать. Слышу голоса: мамин и мужской какой-то. У меня в голове мелькнуло, наверно, маме что-нибудь принесли, подмакетник[10] или еще что-нибудь. Я быстро потушила свет, сняла очки и завернулась в одеяло. Мама кому-то говорит: «Подождите минутку». Потом вошла в комнату и говорит мне: «Вова пришел за книгами, можно ему войти».

— Вова, конечно, пусть войдет.

— Извините, что так рано, мне нужны книги.

— Мама, дай ему книги, они здесь на полке. А я как раз хотела к тебе придти, отнести книги.

— Ну вот, видишь, я тебя опередил, — сказал он, сдержанно смеясь.

Мама стала рыться на полке.

— Вова, вот это она уже прочла, — и показывает

---

[10] Примечания: 10

Подмакетник — каркас коробки сцены в масштабном сокращении с портальной аркой, с планшетом, с люками, с подъемами для подвесных декораций, с оборудованием для освещения и др.

ему книгу «Левине»[11].

— Да нет, мне не эти книги, мне учебные.

Тут я только вспомнила. Ведь Вова назначен ответственным по сдаче учебников в школу.

Мама стала собирать книги. «Вова, садись», — говорила она поминутно.

— Нет, ничего, я постою. Меня там ребята ждут.

Мама еще спросила его, куда он едет. Он сказал, что еще не знает.

— Вова, поедемте с нами на Волгу. Копите деньги.

— Где же столько денег достать.

А я ему говорю: «Слушай, Вова, приходи как-нибудь в эти дни. Поговорим о девятом классе и вообще».

Он не сразу ответил: «Хорошо, зайду как-нибудь».

Когда он уходил, я еще раз сказала: «Вова, заходи, пожалуйста». Он промолчал.

— Ты что, Вова, решил по домам ходить и со-

---

[11] Примечания: 11

Скорее всего, речь идет о книге «Евгений Левинэ (Eugen Leviné). (Речь перед судом, воспоминания, наброски)» / Пер. с нем. Елены Эйхенгольц. М.: Изд-во ЦК МОПР, 1927. Эйген Левине (Евгений Левинэ) (1883–1919) в апреле 1919 г. был председателем Исполнительного совета Баварской советской республики. В СССР была также издана книга его вдовы: *Левинэ Роза*. Советская республика в Мюнхене: С приложением биографии Евгения Левинэ. (М.; Л., 1926).

бирать книги?

— Да.

— А у кого ты уже был?

— Ни у кого, я с тебя начал.

— Почему с меня, а Роза, Люся.

Он спросил Люси телефон, сказал, что пойдет к Розе.

Потом я узнала, он был у Розы, а Люсе позвонил.

В час, как Вова сказал, я пошла в школу за деньгами. В классе, где происходила сдача книг, от потолка до пола возвышались кипы. Здесь были наши ребята. Вова, Яня, Миша Ильяшев, Ася, Тамара, Роза, Люся Иванова.

Из школы мы вышли все вместе. Сперва девочки: Роза пошла с Тамарой в ту сторону, потом я и позднее мальчики. Девочки со мной не простились, как будто чужие. Я уже отошла на несколько шагов от школы и не могла не обернуться. Мальчики как раз в это время вышли, и Вова мне поклонился, вернее, не поклонился, но сделал прощальный жест такой. Нет, он, наверно, не придет. Я же к нему не пойду. 9-ого на покласс-ном мы встретимся, и я его спрошу, почему он не пришел, и попрошу его придти. А может, не надо? Посмотрим.

7 июня

Сегодня начала день по-настоящему. В $^1/_4$ 8-ого встала, сделала под радио зарядку, умылась, причесалась, постелила постель и пошла в садик. Там еще никого не было. Сердитый сторож доканчивал уборку садика. В садике очень хорошо. Поют птицы, перелетывают с куста на куст.

После садика пришла домой, слушаю по радио о подводниках. Какой сложной и серьезной [является] учеба и жизнь наших советских подводников. Они, например, учатся обслуживать корабль в темноте, на ощупь. Жизнь всей лодки зависит от каждого учащегося в отдельности. Обязанности так распределены, что даже кок не только готовит пищу, но в часы боевой тревоги он бежит на свой пост в оружейный расчет. Изо дня в день так тренируются бойцы со своими командирами, и, когда враги нападут на нас, а этого не миновать, рано или поздно война будет, мы будем твердо уверены в победе. У нас есть что защищать, чем защищать, кого защищать.

Однажды бойцы: летчики и подводники — устроили товарищескую встречу. И стали говорить друг другу о своих специальностях. Летчики

говорят, опускаться в глубины на дно морское, нет, это страшно. То ли дело летать в небесах. А подводники отвечают: летать над землей и морем, нет, это слишком страшно, то ли дело под водой[12] — плаваешь как рыба.

Вчера я купила две литературы для 9-ого класса. И, увидев, какая обширная программа, решила начать читать сейчас же. Начала с Тургенева, благо он у меня есть.

Сейчас я читаю «Рудин».

Вот выписки оттуда:

«Нет ничего тягостнее сознания только что сделанной глупости».

«Ведь это тоже своего рода расчет: надел на себя человек маску равнодушия и лени, авось, мол, кто-нибудь подумает, вот человек, сколько талантов в себе погубил. А поглядеть попристальнее — и талантов-то в нем никаких нет».

«Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу».

---

[12] Примечания: 12
В тексте: землей.

8 июня[13]

Сегодня вдруг решила, позвонила и пошла к Тамаре. Я шла и думала, о чем бы мне с ней говорить. Но все обошлось благополучно. Тамара во многом похожа на меня. У меня мало времени, чтобы все рассказать подробно, уже двенадцатый час.

Но скажу только то, что я ей много говорила о Вове и предложила ей: «Пойдем завтра вместе к Вове». Я бы, кроме Тамары, никому этого не предложила, пойти к Вове. Ведь Вова не особенно любит наших девочек, но Тамара исключение, он к ней очень хорошо относится. Когда я Тамаре предложила это, я сразу поняла, что она пойдет, хотя я об этом не могла даже думать, пока шла к ней.

Сперва Тамара говорила, что очень неудобно без всякого повода итти к нему. Но я ее стала горячо убеждать, что Вова очень хороший мальчик, что дома он совсем другой… и т. д. И она согласилась.

Мы решили, что не можем мириться с такой несправедливостью, что мальчики и девочки так

---

[13] Примечания: 13
В тексте: 7.

далеки друг от друга, не ходят к друг другу домой, как настоящие товарищи. Мы решили пойти к Вове. А предлог выбрали. Тамара спросит у него какие-нибудь книги, а я отнесу его две книги. Да, это очень интересно, как это все будет. Может быть, перед нами раскроется что-нибудь иное. Может быть, мы втроем [п]одружимся и будем близки друг другу. Это все еще не известно. Но я воспрянула духом. Опять новые стремления, новые надежды, новые мечты. Может, мы не сблизимся все трое, но, откуда знать, это поможет сдружиться нам с Тамарой. А вот Тамара для меня действительно то, что я хочу. Вот она могла бы быть мне настоящей подругой.

Да, впереди еще много неизвестного.

9 июня

Сегодня произошли такие события, что я [не] могу о них умолчать. Постараюсь описать все очень кратко.

После поклассного собрания, которое происходило в помещении учительской и на котором мы получили табели, мы решили пойти домой. Наши мальчики ушли раньше девочек. Девочки где-то задержались, и я решила, что пойду без них, одна, домой. В раздевалке я встретила наших мальчиков, они уже оделись и вскоре ушли, попрощавшись со мной и Тамарой, которая тоже решила итти домой. Мы с ней оделись и решили подняться наверх и узнать, начались ли там танцы и каковы намерения наших девочек. Мы их встретили на лестнице. Мы вышли из школы, остановились у подъезда. Эмма говорит: «Ой, девочки, как не хочется итти домой. Я хочу танцевать». Вскоре все девочки, а их было немало: Тамара, Беба, Эмма, Роза, Зоя, Надя, Дыся, почувствовали, что они до безумия хотят танцевать, и не в школе, и не одни, а именно у кого-нибудь в квартире, с мальчиками. Начались проклятия — черти проклятые, негодяи, нахалы — это все

по адресу мальчиков, они удрали, а мы должны здесь страдать. Кто-то высказал ту мысль, что если бы мальчикам сейчас сказать, что мы хотим танцевать, они бы без разговоров согласились бы. Тогда кто-то предложил: «Девочки, давайте проучим их хорошенько». И сразу созрел план. Кто-нибудь из нас позвонит или Димке, или Мишке, или Гришке и скажет, что у нас есть блестящая идея, чтоб через 5 минут они пришли бы к школе. А мы сами спрячемся в парадном[14] напротив школы и вдоволь насмеемся над ними. Мы решили тут же привести свой заговор в исполнение.

Мы отправились на почту, намереваясь оттуда позвонить. На почте было много народа. Надя и Зоя отправились звонить, а мы остались их ждать под сенью строительных лесов. Вскоре они пришли. Гришки и Мишки нет дома, Димка разговаривать не пожелал и повесил трубку. Итак, наша затея окончилась неудачей.

Мы долго стояли и думали, что нам теперь делать. Вот когда нам нужны были наши мальчишки, как путнику в пустыне вода. Мы напрасно вглядывались в каждого парня, напрасно смотрели по сторонам. Мы чуть ли не умирали от

---

[14] Примечания: 14
Слово читается предположительно.

досады, от злобы, от обиды, но мальчики наши не думали итти. Мы считали себя самыми несчастными существами на свете, и чем больше продолжалось наше томление, тем жарче разгорались мы страстью видеть их.

И мы решили итти куда глаза глядят, и итти до тех пор, пока [не] наткнемся на них. Что они гуляют где-нибудь, в этом мы были уверены. Одним словом, мы решили умереть, но найти наших мальчиков именно сегодня. Мы двинулись в путь, как вдруг кто-то из девочек крикнул: «Вот они». Все обернулись, куда указывала Надя, и увидели их, наших долгожданных мальчиков. Они тоже увидели нас, остановились, всплеснули руками и дружно перешли через дорогу. Мы начали разговаривать, и я сразу заметила, что горящие желанием видеть мальчиков сразу стали холодными и равнодушными. Так нашим девочкам казалось, что они держат себя с достоинством. Не долго мы разговаривали. Вскоре мы разошлись в разные стороны. Но когда мальчики порядочно отошли от нас, мы поняли, что сделали глупость.

— Девочки, что же мы делаем. Зачем мы расстались. Ведь мы же хотим танцевать… с ними.

— Пошли!

— Куда?

— За ними.

— Пошли.

Мы все повернулись и пошли за мальчиками. Все быстрее и быстрее, а потом просто побежали. Мы сами не давали себе отчет в том, что мы делаем и что нам от мальчиков хочется. Мы только хотели их догнать, не выпускать их опять из виду.

Расстояние между нами и ними быстро уменьшалось. Мы хохотали, не в силах сдержаться. Расстояние стало так мало, шагов 10, что мальчики не могли не слышать нас, они, оборачиваясь, ускорили шаг. Вот и почта. Вдруг наши мальчики заворачивают в подъезд почты и, давясь от смеха, скрываются там. Мы пролетаем мимо, сворачиваем на Разъезжую и идем, идем. Дошли до Мишкиного дома, решили, что надо наконец повернуть обратно. «Девочки, если мы их встретим, делайте вид, что не замечаем». Мы повернулись и пошли. Дошли до дома Веры Прокофьевой и видим, наши мальчики идут по той стороне. Они нас увидели, раскланялись, а Миша Ильяшев ножкой расшаркался. Мы прошли еще немного и остановились, смотрим на них, они стоят, переговариваются, пересмеиваются и смотрят на нас. Потом они ушли к Кире Крутикову. Тут толь-

ко девочки опомнились. Что мы наделали, мы теперь сгорим от стыда, они нам жить не дадут (но оказалось, мальчики наши были настолько воспитанны, что на другой день ни намека, как будто ничего не было).

Началась жестокая битва между мной и девочками. Я защищала мальчиков, они их разоблачали. Постепенно я начала сдавать. Сраженье выиграли они. Я признала все, только в одном пункте я не сдалась. Я не согласилась с тем, что Вова хуже всех мальчишек, вместе взятых. Хотя на этом фронте они больше всех меня атаковали, особенно Роза. Она расписала мне Вову так, что я не знала, что и сказать. «Самолюбивый, самомнительный, кроме себя всех считает за ничтожество! Заставляет плясать под свою дудочку всех ребят, смотрит на всех свысока. Задает тон всем мальчишкам. Кто первый начал ухаживать? Вовка! Кто первый начал играть в глупую игру, чтобы спрашивать, кого ты любишь, кто тебе нравится? Вовка! Кто первый завел манеру подавать пальто девочкам? Вовка. А ты, Лена, уверяешь, что он хороший. Да я уверена, — продолжала Роза, — что когда Мишка Ильяшев издевался над тобой перед всеми мальчиками, Вовка недалеко ушел от него».

— Ты думаешь, — спросила я, — что он тоже издевался надо мной?

— Конечно. А неужели ж нет, — уверенно ответила Роза.

Я замолчала, что мне с ней спорить. Она же так уверена в правоте[15] своих слов. А мне же все-таки смешно это слышать, потому что я ясно представляю себе Вову и дома, и в школе, и на вечеринке… — и ничего общего.

Да Вова даже не знает, что притягивает к себе мальчиков. Он просто не сознает этого. Ему кажется, что так и должно быть. Нет, нет, нет и еще раз нет. Роза врет. Она просто его не знает. Или она хочет отбить его от меня. Ей, наверно, кажется, что он влюбился в меня и забыл ее. Все это ерунда.

---

[15] Примечания: 15
В тексте: полноте.

22 июня 1941 г.

В 12 часов 15 минут вся страна слышала выступление тов. Молотова[16].

Он сообщил, что сегодня в 4 часа утра германские войска без объявления войны начали наступление по всей западной границе. Их самолеты бомбардировали Киев, Житомир, Одессу, Каунас и др. города. Погибло 200 чел.[17]

В 5 часов германский консул[18] объявил от имени своего правительства о начале войны, т. е. что Германия пошла на нас войной. Итак, самое ужасное из всего, что можно было ожидать, совершилось.

Мы победим, но победа эта будет нелегкая,

---

[16] Примечания: 16

В 12 часов 15 минут вся страна слышала выступление тов. Молотова. — Имеется в виду выступление наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз и о начале Отечественной войны.

[17] Примечания: 17

В выступлении В. М. Молотова говорилось о бомбардировке Житомира, Киева, Севастополя, Каунаса и других городов и о наших потерях убитыми и ранеными — более 200 чел.

[18] Примечания: 18

...германский консул... — Имеется в виду посол Германии в СССР В. фон дер Шуленбург, который, как явствовало из выступления В. М. Молотова, объявил ему о состоянии войны между Германией и СССР в

5 ч. 30 мин. утра 22 июня.

это тебе не Финляндия. Война эта будет дикая, ожесточенная.

Если в теперешней войне химические вещества еще не применялись, но, в этом нет сомнения, на нас нападать[19].

Уже 11 часов 30 мин. вечера, а сводки все нет. Почти без перерыва по радио звучат боевые песни, стихи и объявления о военном положении, о мобилизации. А самолеты летают, кружат над городом, и хотя знаешь, что там, за штурвалом, наши советские летчики, а все-таки не по себе.

Ведь так же будут реветь моторы вражеских бомбардировщиков. Это ужасно. Неужели не скажут сводки. Если б мы одержали хоть небольшую победу, то об этом известили, но, наверно, победы еще нет. Да, там, на фронте, идут сражения.

Те, которые приходят с улицы, говорят, что там

---

[19] Примечания: 19
Так в тексте.

с песнями идут мобилизованные[20]. Их провожают жены, дети, любимые девушки.

За нами победа, товарищи!

В 2 часа ночи меня разбудил заунывный вой сирены. Мы с мамой быстро оделись, пошли на кухню, было очень тихо, самолетов слышно не было. Потом послышались глухие, отдаленные удары. Мы прижались к друг другу и подумали: «Бомбы!» Но самолетов не слышно, а удары немного приблизились и больше не приближались. Это наши зенитки. Мы прислушались: зенитки били, били ожесточенно. На дворе завыла сирена, не смолкала канонада зениток, а облака равнодушно плыли по бледному небу, и звезды сверкали местами между ними. Было очень страшно. Через $^1/_2$ часа был дан отбой. Мы с мамой, не раздеваясь, легли в кровать и заснули.

---

[20] Примечания: 20

…идут мобилизованные. — Автор дневника ошибается. 22 июня в военкоматы пришли добровольцы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. первым днем мобилизации было объявлено 23 июня. В армию и флот призывались военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно и проживающие на территории Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северо-Кавказского и Закавказского военных округов.

23 июня 1941 года

Утром сказали долгожданную сводку.

С 4-ех часов утра 22-ого июня 1941 года регулярные войска Гитлера перешли нашу границу и стали углубляться на нашу территорию. Крупные соединения германских бомбардировщиков сбросили бомбы на мирные города и села нашей страны; но уже в 6 часов германцы столкнулись с регулярными частями Красной Армии. В продолжение всего 22 июня происходили ожесточенные, кровопролитные бои, в результате которых германские войска на протяжении всего фронта отступили, неся тяжелые потери. Только в некоторых пунктах гитлеровцы продвинулись и захватили небольшие города и селения в 30–40 километрах от границы.

Германские бомбардировщики совершили налеты на города и села нашей родины, но везде их встретили наши истребители и огонь зениток. Сбито по всему фронту 65 германских бомбардировщиков.

Английское командование и генерал Черчилль заявили, что сделают все возможное, чтобы помочь русским, а им помогут США. Гитлер про-

считался, он думает, что до наступления зимы он справится с Советским Союзом и тогда расправится[21] с Западной Европой окончательно. Гитлер думает, что его враги на Зап[адном] полушарии ослабли и не смогут помешать ему, пока он будет осуществлять свои дальнейшие планы. Но он просчитался, мы будем бить врага и днем и ночью с умноженной силой. Мы сделаем все, чтобы помочь русской стране. Мы все сделаем, чтобы спасти человечество от тирании. С самого утра у нас на дворе и на чердаке началась работа. На дворе строят спешно газоубежище, которое будет занимать все помещение подвала. На чердаке разрушают все перегородки, клетушки. Ведь они деревянные, и если на чердаке будет пожар от бомбы, то эти клетушки будут прекрасным горючим материалом.

Иван Иванович недавно только приехал. Он всю ночь с 70 подчиненными рыл в Удельном траншеи. Он не видел вражеских самолетов: они летели очень высоко, чтобы их не доставал огонь зениток. Но он слышал их гул, слышал и видел огонь зениток. Про бомбы он ничего не знает. Дворник как будто говорил, что другая группа

---

[21] Примечания: 21
В тексте: расплатится.

самолетов прорвалась и сбросила бомбы на завод «Большевик»[22]. Не знаю, насколько это верно, но не думаю, чтобы дворник распространял ложные слухи, дворник более нас осведомлен.

Но, если сказать правду, мы, наша квартира, не готовы к случаю нападения: мы не знаем где мед. пункт, обмывочный пункт, где бомбоубежище, где штаб ПВО[23]. Что нам делать при попадании фугасной, зажигательной бомбы. Я знаю, что надо засыпать их песком, но песка у нас в квартире нет. По-моему, надо (как показывали в кино) наклеить бумажные пакеты, заполнить их песком и сложить их небольшими кучками у дверей каждой комнаты, в коридоре.

Мы с мамой были на Марсовом поле. Там на центральной площадке стоят 6 зенитных орудий, здесь же стоят друг на друге тяжелые ящики со снарядами. К орудиям близко не подпускают.

Только с сегодняшнего дня город начал преображаться.

---

[22] Примечания: 22

…сбросила бомбы на завод «Большевик». — Первую массированную бомбардировку Ленинграда немецкие самолеты произвели 6 сентября 1941 г.

[23] Примечания: 23

ПВО — противовоздушная оборона.

24 июня

В ночь на 24 спали спокойно.

Днем пошла гулять по улицам. Около Чернышева моста[24] в круглом садике во всю его длину расположился серебристый, похожий на лежащую на боку рыбу аэростат. Его удерживают тросы. Рядом лежит груда баллонов с газом. В саду на площади Островского, в саду Дворца пионеров спешно роют глубокие траншеи глубиной в человеческий рост, шириной в метр. Среди работающих много интеллигенции.

Во всех почти дворах навалено строительного материала, постройка газоубежищ. Во многих дворах привезен песок.

Сегодня мне из школы сообщили, чтоб я в 5 часов немедленно пришла.

В 5 часов я была в школе, в голубом зале. Пришли человек 60–69. Большинство девочек. Директор кратко сообщил нам, что наши силы будут нужны. Из нашего класса были Миша Ильяшев, Яня, Вова Клячко, Тамара, Белла Кацман,

---

[24] Примечания: 24

...Чернышева моста... — ныне мост Ломоносова.

Галя Вирок, Соловьева Лида, Зоя Белкина.

Мы, все присутствующие, быстро разбились на бригады. Две бригады мальчиков, пять бригад девочек. Мы все попали в одну бригаду. Бригадир наш — Чеботарева Мая. Мы будем выполнять все поручения штаба.

Ложусь спать. Неизвестно какая будет сегодня ночь!

25 июня

Ночь прошла спокойно. Днем два раза была В. Т.[25] Во время воздушной тревоги я вместе с другими девочками находилась в школьном бомбоубежище. Дело в том, что утром мне позвонила Мая и сообщила о том, что надо оклеить окна в школе. Вот мы и работали. Нас было человек 20 девочек. Из наших: Мая, Тамара, Лида Соловьева, Нина Александрова. После отбоя второй тревоги я пошла домой, сказав, что поем и снова приду. Но я больше не пришла. Клеить осталось очень мало. 2–3 класса, не больше. И я решила, что они и без меня справятся, и я нашла себе другую работу, более нужную. Я с бригадой женщин нашего дома таскала доски с чердака в подвал. Мы работали 40 минут без передышки, работали конвейером, очень быстро. Потом я пошла отдыхать, а в 6 часов снова принялась за работу. Работа очень трудная. Под стать здоровым мужикам. Но мы, женщины, справились, тяжелые доски поднимали вдвоем.

---

[25] Примечания: 25

В. Т. — воздушная тревога.

В 8 часов вечера в жакте[26] состоялось собрание жильцов нашего дома. После доклада агитатора из райкома обсуждались все важные вопросы. Моя мама записалась в санитарную дружину нашего дома. В дружине всего 6 человек.

Завтра опять горячий день. А сейчас надо проверить квартиру и ложиться спать.

Какая будет ночь?

[26] Примечания: 26

ЖАКТ — жилищно-арендное кооперативное товарищество. Автор по привычке называет служебные помещения в доме жактовскими, хотя по постановлению ЦИК и СНК СССР «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» от 17 октября 1937 г. жакты упразднялись, а дома передавались местным советам и государственным предприятиям (см.: http://www.knukim-edu.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16496.htm (14.02.2011)).

25[27] июня

С утра меня вызвали в школу. Нас там разделили по командам. Я записалась в пожарную. Потом мы таскали песок на чердак. Потом я пошла домой, так как совсем обессилела. Я, наверно, вчера надорвалась.

Каждый день в 6 часов утра передается новая сводка Информбюро. На фронте все время идут ожесточенные бои. Перевес на нашей стороне. Немецкие солдаты идут в бой пьяными. В тылу румынских солдат установлена фашистская артиллерия. И все же солдаты врага при первой же возможности сдаются нам в плен. Экономическое положение Германии с каждым днем ухудшается. Чтобы хоть как-нибудь обеспечить армию и промышленных рабочих в самой Германии, фашисты выгребают последние запасы продовольствия из оккупированных ими стран. В Голландии, Бельгии, Югославии, Болгарии, Франции, Румынии, Норвегии, Дании и др. растет и ширится недовольство, скапливается ненависть

---

[27] Примечания: 27
Так в тексте.

против этих кровавых извергов. И, несмотря на ужасающий террор, несмотря на то что за каждое слово, за каждую подозрительную улыбку тюрьма, расстрел, концентрационный лагерь, несмотря на все это, все чаще порабощенные нации выражают открыто свою ненависть. В тылу у немцев более опасный противник, чем на фронтах, — голодные, доведенные до крайности фашистским режимом народные массы. И фашисты это прекрасно сознают. Нападение на Советский Союз — это отчаянная попытка тонущего ухватиться за что-нибудь, это отчаянная попытка человека, которому не хватает воздуха, глотнуть этого живительного газа.

Нападая на Советский Союз, фашисты, заблужденные в том, что их армия непобедима, хотели попытаться поправить свою экономику, захватив Украину, Белоруссию и др. районы нашей родины. Но враги просчитались, если даже их армия была бы во много раз лучше вооружена, чем наша, то даже и тогда бы мы победили бы, ибо в фашистской армии нет единства, солдат насильственно гонят воевать, солдаты устали, солдаты беспокоятся за своих родных, солдаты не хотят воевать с Советским Союзом. Не только простые солдаты, но и фашистские летчики, танкисты

и другие стремятся попасть в плен. Силы этих людей, физические и нравственные, истощены.

В воздушных боях, когда встречаются лицом к лицу два самолета, оба новейшей конструкции, оба с одинаковыми летными качествами, побеждает всегда тот самолет, который ведет наш летчик. И только потому, что расшатанные нервы вражеского летчика первые не выдерживают, и достаточно одно мгновение неуверенности, чтобы хозяином воздуха стал тот самолет, которым управляет летчик, нервы которого выдержали, а таким летчиком является почти всегда советский летчик, ибо он защищает свою родину, своих родных, друзей, ибо он уверен в победе и в своих товарищах, которые, как он знает, все как один в трудную минуту бросятся ему на помощь. В то время как вражеский летчик не уверен в успешном исходе боя, не уверен в победе, не уверен в своих «товарищах», ибо он знает, что в опасную минуту каждый будет спасать себя, свой самолет, свою жизнь. Он не уверен в победе, ибо летит нападать, часто не зная для чего.

Только закоренелые летчики-фашисты ведут бой более уверенней, нанося нам потери, но и те не могут долго устоять против выдержанных, хладнокровных людей, между которыми царит

героизм, единство, способность пожертвовать своей жизнью в любую минуту и вместе с тем первоклассная выучка, закаленные многочисленными тренировками мускулы и нервы, здравый расчет, отнюдь не безумный риск, находчивость, уверенность.

Врага побеждает наш советский лозунг: «Один за всех, и все за одного!!»

28 июня

В 4 часа утра был дан сигнал В. Т. Пошли в подвал. Но весь почти дом не пошел, а остался на месте. В 5 часов был дан отбой. Мы вышли на улицу, косые яркие лучи солнца мощным потоком били из-за Владимирской колокольни. Ярко горели на солнце многочисленные аэростаты воздушного заграждения. Было так красиво, что не хотелось итти домой. Проехал грузовой трамвай, нагруженный бидонами с молоком и ящиками с бутылками с молоком. Так хорошо, так радостно на душе. Так спокойно.

1 июля

Уже 3 дня, как идет эвакуация детей[28]. Каждое утро из жактов, из очагов[29], из детских организаций едут в автобусах на вокзал дети от 1 года до 3 лет и старше. Одни на Витебский, другие на Октябрьский[30]. Всем очень тяжело. На сто человек прикрепляются 1 руководитель и 1 нянька. Сегодня уезжают Грета, Ира и Женя. Ревек[к]е Григорьевне посчастливилось, она уезжает в качестве руководителя. Налетов не было уже два дня. По радио рассказывают боевые эпизоды, говорят о бдительности, о борьбе с болтливостью, часто напоминают о том, что город Ленинград находится на военном положении, учат, как себя надо вести во время налета, как тушить зажига-

---

[28] Примечания: 28

Уже 3 дня, как идет эвакуация детей. — Эвакуация детей началась 29 июня 1941 г. В этот день десятью железнодорожными эшелонами с Октябрьского (Московского), Витебского и Варшавского вокзалов было отправлено 15 192 ребенка.

[29] Примечания: 29

Очаг. — Имеется в виду детский очаг — то же, что и детский сад.

[30] Примечания: 30

…Октябрьский. — Так с 1923 г. по начало 1930-х гг. назывался нынешний Московский вокзал (см.: *Севастьянов С. Ф.* Площадь Восстания. Л.: Лениздат, 1987. С. 73).

тельные бомбы и зажигательные листочки[31].

По всему городу заканчивается строительство бомбоубежищ, траншей, щелей. Вышли указы об обязательной трудовой повинности, об обязательной сдаче населением всех радиопередающих установок[32], чтобы ими не мог воспользоваться враг. А врагов у нас в тылу достаточно. Воздушные десанты являются излюбленным приемом врага. Он сбрасывает их в огромном количестве, но благодаря бдительности советских граждан, колхозников, трудящихся большинство их уничтожается в момент приземления. Остальные же вылавливаются нашими специальными истребительными отрядами работников НКВД совместно с трудящимися. Но много еще их не выловлено. Они разгуливают по нашим городам в

[31] Примечания: 31

…зажигательные листочки. — По утверждению М. Зефирова, Д. Дёгтева и Н. Баженова, так бойцы МПВО называли особые зажигательные бомбы в виде полосок из фольги, обмазанных фосфором (см.: *Зефиров М., Дёгтев Д., Баженов Н.* Свастика над Волгой. Люфтваффе против сталинской ПВО (http://lib.rus.ec/b/138680/read#t24 (02.02.2011)). Вероятно, речь идет о фосфорной зажигательной авиабомбе рассеивающего действия. В статье «Как бороться с зажигательными авиабомбами», помещенной под рубрикой «Памятка для населения» в газете «Ленинградская правда» 18 июля 1941 г., бомба описывалась следующим образом: «Фосфорная ЗАБ рассеивающего действия представляет собой металлический корпус, залитый желтым или белым фосфором. Для разрыва корпуса бомбы и разбрасывания фосфора в бомбе помещен разрывной заряд. Выброшенные кусочки фосфора, соприкоснувшись с кислородом воздуха, загораются и горят, в зависимости от величины, 10–15 минут. Фосфорные бомбы применяются, главным образом, для

поджога легко воспламеняющихся объектов».

[32] Примечания: 32

Вышли указы об обязательной трудовой повинности, об обязательной сдаче населением всех радиопередающих установок… — Первое решение исполкома Ленгорсовета о привлечении ленинградцев к трудовой повинности было принято 27 июня 1941 г. Днем позже исполком Ленгорсовета принял решение о сдаче населением Ленинграда, Пушкина, Колпина, Петергофа со Стрельной и Кронштадта в пятидневный срок радиоприемных и передающих устройств.

форме работников милиции или в штатском. Задание этим парашютистам-диверсантам: найти нужные сведения, взорвать важнейшие пункты, поджечь колхозы, распустить ложные слухи, устроить панику, завербовать новых агентов, повредить радиосеть, телеграф, телефон.

Среди них имеются и женщины. По поводу этих шпионов по городу бродят различные нелепые слухи, толки вроде таких, что на Невском недавно приземлились два самолета противника…

Но совсем закрывать на это глаза нельзя. Среди задержанных работниками милиции было немало «посторонних».

На фронте продолжается ожесточенная борьба. Каждый боец — герой родины. Враг коварен и хитер. Например, их пулеметчики пробовали подкрадываться к нашим за коровой, обыкновенной живой коровой. В другом месте противник укрылся за группой солдат, переодетых в женщин. Наши бойцы отвечают на это дикой храбростью, героизмом. Враг не любит драться открыто, он хитрит, он устраивает коварные ловушки.

Уже три Ю-88 перелетели к нам. Много солдат перешли на нашу сторону. И еще будут переходить.

2 июля[33]

На всех фронтах идут ожесточенные бои. Наши защитники во многих местах путем дикой храбрости задерживают или ослабляют продвижение численно превосходящих сил противника. Враг вооружен до зубов. Враг прекрасно обучен и оснащен. Фашистское командование не останавливается ни перед какими жертвами для достижения своих целей. Фашисты имеют свой план, свою тактику. Это очень опасный пока враг. Но что бы ни было, мы победим.

Только что уехали Грета, Ира, Женя. Ира и Женя в восторге, что совершится что-то необыкновенное.

Наши войска оставили Львов.

---

[33] Примечания: 33
В тексте: июня.

5 июля

Немцы подходят к Смоленску, несмотря на то что несут тяжелые потери. В Москве и Ленинграде создается народное ополчение[34]. Недавно по радио выступал Сталин[35]. По улицам проходят отряды добровольцев.

Вчера была у Вовы. Какой он хороший, молодой, здоровый, жизнерадостный. Мечтает перебраться на Карельский перешеек. Без конца острит. Как я его люблю.

Сегодня 3 часа (с 12 до 3) разгружала баржу с кирпичом. Это трудовая повинность. Работа нетрудная. Только обидно, что работаешь бесплатно.

Скоро поступлю куда-нибудь работать. Пора. Надо помогать маме.

---

[34] Примечания: 34

В Москве и Ленинграде создается народное ополчение. — 27 июня 1941 г. Военный совет Северного фронта принял постановление о создании 100-тысячной армии на добровольных началах. Формирование Ленинградской армии народного ополчения началось 30 июня. В Москве первые дивизии народного ополчения стали организовываться в начале июля 1941 г.

[35] Примечания: 35

Недавно по радио выступал Сталин. — И. В. Сталин выступил с речью по радио 3 июля 1941 г.

За границей растут ненависть к фашизму и симпатия к нам, к моей великой родине.

Эх, Вовка! Я бы все отдала, чтобы видеть тебя каждый день, все время. Строки не могут изобразить то чувство, которое я к нему питаю.

Не выразить словами. А выразить так хочется.

Только сердце может это выразить!!!!..

11 июля

За протекшее время было одиннадцать В. Т.
7 — 4 В. Т.
8 — 3 В. Т.
10 — 3 В. Т.
11 — пока 1 В. Т.

Город превращается в военный лагерь. И в сторону Невского, и в обратную сторону мчатся автомашины с бойцами и снаряжением, с боеприпасами, едут цистерны с горючим, походные кухни, по утрам орудия, танки, бронемашины. Все они замаскированы зеленью так, что бойцы в некоторых машинах находятся как в настоящем лесу.

9-ого 4 часа рыла траншеи на Обводном.

17 июля

12 июля мне сказали, чтобы я пошла в жакт. Мама пошла узнать, в чем дело. Ведь по последнему приказу школьники не относятся к жакту. Скоро мама вернулась очень взволнованная.

— Ну, Лена, собирайся, вы едете куда-то на 3 дня. Сказали, что надо взять с собой побольше хлеба, сахара и другой провизии.

К 12-ти часам я пошла в жакт. В одной руке портфель, в другой — сверток с одеялом и подушкой. Кроме меня, жакт отправил 5 человек: 2 девочки — Аля и Зоя, им недавно исполнилось 16 лет, и 3 мальчика — Юра Беккер, Петя и Ахмед.

Мы все пошли в Дом хлебопекарной промышленности[36] на улицу Правды, отсюда мы пошли на Витебский вокзал и сели в поезд. Это был состав из пассажирских пригородных вагонов. Я села у открытого окна. Мы ехали 5 часов и

---

[36] Примечания: 36

Дом хлебопекарной промышленности. — Речь идет о Доме культуры работников пищевой промышленности, располагавшемся по адресу: ул. Правды, 10.

приехали на станцию Тарковичи[37]. Было 10 часов вечера. Солнце зашло за лес. Нам сказали: разбейтесь на бригады и расположитесь пока здесь, в кустарнике. Костры не разжигайте, каждую минуту может быть налет. Мы не заставили себя долго ждать, разбрелись по кустам и стали закусывать. Мы — наш жакт соединился с другим жактом и примкнули к работникам фабрики Главтабак[38]. Уже стемнело, когда мы пошли дальше. Итти было тяжело, очень мешала лопата, без нее я бы в каждой руке имела по свертку, а так лопата целиком занимала руку. Мы двигались быстро (так меньше кусали комары).

Пройдя большой рабочий поселок, мы пересекли глубокий, трудный овраг и вышли на линию железной дороги. Перейдя железнодорожное полотно, мы углубились в лес. Дорога, извиваясь как змея, то поднималась, то опускалась, и не видно было конца этому мучению. Начался постепенный, но утомительный подъем в гору.

---

[37] Примечания: 37

Тарковичи — железнодорожная станция в Лужском районе Ленинградской области.

[38] Примечания: 38

...фабрики Главтабак. — Имеется в виду либо Первая государственная табачная фабрика им. М. С. Урицкого, либо Ленинградская табачная фабрика им. Клары Цеткин, находившиеся в ведении Главного управления табачной промышленности (Главтабак).

От усталости шатаешься, ноги вязнут в сыпучем придорожном песке, люди идут небольшими группами и в одиночку, идут, стараясь не шуметь, тишина кругом. Нервы напряжены до крайности. Все знают о воздушных десантах, а что, если в этом лесу скрывается враг. Вот сейчас застрочит пулемет и ночная тишина огласится стонами и криками. А кто нам здесь поможет, в этой глуши.

Дорога еще раз повернула, и перед нами раскинулась такая картина. Мы стояли на гребне холма, отлого спускавшегося к реке. Широкая, спокойная гладь реки серебрилась под спокойным лунным блеском. Вдруг послышался шум моторов и из темноты вынырнул черный силуэт самолета. Мы переглянулись: у всех один вопрос: их или наш? Самолет летел над самой рекой, не очень высоко. Стало страшно[39]. Вот он пролетел почти над нами. Это был двухмоторный самолет, по-видимому легкий бомбардировщик. Самолет стал удаляться. Вдруг на его крыле и хвосте начали мигать белая и желтая лампочки. И долго мы стояли и вглядывались в эти мигающие огоньки.

Затих шум мотора, и мы поплелись дальше. Вниз, вверх, влево, вправо тащимся мы по доро-

---

[39] Примечания: 39
Слово читается предположительно.

ге. Нет сил итти больше. Лопату свою я кому-то отдала. Мы уже стали опасаться, что нас нарочно таскают, чтобы вымотать и бросить, когда мы увидели вдали силуэты изб. Сейчас мы очутимся в тепле, выпьем горячего чаю и ляжем спать. Но напрасны были наши надежды. Вот мы вошли на главную деревенскую улицу. Под заборами в ряд, во дворах, везде, как трупы, лежали люди; мы поняли, что нас ждет та же участь. Нам сказали, что в деревне нам деваться некуда, идите за деревню, там и устраивайтесь спать. Мы пошли по деревне. Но сколько мы ни шли, а конца деревни нет и нет. Улица завернула, и снова потянулись бесконечные избы, и везде лежали вповалку люди. Нам сказали, что в деревне уже находится 8000 ленинградцев. Наконец последняя изба, сарай, и деревня кончилась. Мы побрели в сторону и стали распаковывать свои пожитки и укладываться на траву, трава мокрая, но ничего не поделаешь. Вдруг в стороне вижу что-то белеет. Оказывается, это старая дранчатая крыша, лежащая на земле. На ней я и улеглась, все же суше, чем на мокрой траве. Завернувшись в одеяло с головой, я с наслаждением вытянулась и заснула. Спала как убитая. Проснулась. Только взошло солнце. На его первых лучах искрилась на солнце трава,

птицы пели вовсю. Вскоре мы узнали, что до 6 часов вечера мы свободны.

Я очутилась в большой деревне, стоящей на высоком берегу реки Оредеж. Какое там красивое место. Небольшой песчаный пляж. Мы купались, загорали. Мы узнали, что еды здесь никакой нет, но скоро будет.

В 6 часов наш бригадир собрал свою бригаду, и мы пошли на работу.

Работали мы с 6 часов вечера до 6 часов утра. 50 минут работы — 10 минут отдыха, с 12 до 1 часу обеденный перерыв.

Однажды в перерыве (это было часов 9 вечера) я услышала знакомый маль…[40]

---

[40] Примечания: 40
Предложение не закончено.

25 августа

Снова я дома. Только что приехала.

_____

Неля Кленочевская. Красноармейская АТС 2-16-42.

_____

Кира Замышляева. Подольская, дом 23, кв. 20

_____

Витя Рохман: Красноармейская АТС 2-34-63

_____

Наша школа и другие школы копали под Дудергофом.

Мы: я, Наталья Алексеевна, Валя Коробкова, Лева Либман, Юра Церековский и др. приехали на электричке в Дудергоф к 12-ти часам. По дороге мы нагнали Тамару с мамой. Наконец пришли в школу. Через час мы были уже на трассе. Так началась моя жизнь в деревне Ли-ли-Демяги. Это небольшая **финская** деревня, там кругом финны, расположенная на одном из холмов. Прожила я в этой деревне ровно 18 дней. Первое время было все спокойно. Мы вставали в 7 часов утра и в 8 часов были уже на трассе. Работали мы 50 минут, 10 минут отдыхали. Во время отдыха мы

шли под огромный стог сена и ложились в тень. В 12 часов нам дневальный приносил обед. Потом мы работали до 6 часов вечера. В $^1/_4$ 7-ого мы были уже дома. Наша школа, где мы жили, видна была издалека. Этот большой довольно, одноэтажный деревянный дом стоял на самом гребне холма. Перед домом находился узкий котлован, окаймленный со всех сторон невысокими отлогими холмами. Посередине котлован пересекала проселочная дорога. От трассы до дома было не больше $^1/_2$ км. Помещение школы состояло из 2-ух классов, коридора и передней. Сперва было так: одна комната для девочек, другая для мальчиков. Первое время в нашей комнате жили девочки из 15-ой школы, в соседней какие-то чужие мальчики. Из девочек из 15-ой школы мне больше всего понравились две: Зоя и Валя. Зое уже исполнилось 16 лет, на вид ей 13–14 лет. Совсем детское невинное лицо. Маленькая, стройная, две светло-коричневых косички. Зоя лицом очень хорошенькая. Овальное личико, высокий лобик, серые глазки, брови стрелками, красивый носик и немного широкий некрасивый рот. Этот рот придавал всему лицу какое-то невинное, нетронутое, слегка грустное выражение.

Валя — девочка высокого роста, стройная,

тонкая, с высоко подстриженными темно-коричневыми волосами, с карими смеющимися, лукавыми глазами. Лицо широкое, скуластое, глаза слегка раскосы.

Лицо отнюдь не красиво, но имеет какое-то притягивающее, многообещающее выражение. Как-то вечером мы собрались в одну кучу и они рассказали нам про их любовные похождения. Оказалось, что Зоя совсем не невинный младенец, как это кажется с первого взгляда, а даже наоборот, весьма «испорченная» девица. Она рассказала, что в ее жизни ее любили многие мальчики и она любила шутя, и ее целовали 3 раза. В лобик, в затылок и в щеку.

«Вот я в прошлом году была в Крыму в санатории, — рассказывала Зоя, — и там в меня влюбился один парнишка, Сережей звали, так он меня так любил, так любил, прямо ужас. Я его тоже полюбила. И вот я однажды заболела, и меня перевели в изолятор. И вот этот Сережа прямо не отходил от меня. У меня была большая температура. Я лежала в полузабытьи, вот открою глаза, а он сидит все около меня на стуле такой грустный, в белом халате и смотрит на меня так ласково…»

Зоя на минуту закрывает глаза, потом сердито ворочается.

— И знаете, девочки, мне другой раз так неудобно было, прямо ужас, мне, например, хочется в одно место, и так неудобно… — Зоя смущенно улыбнулась.

— А потом как-то… я уже выздоровела, а там в санатории девочки живут в отдельном доме от мальчиков… Вот один раз я была в комнате. Вдруг меня девочки зовут:

— Зоя, иди, тебя Сережа зовет.

Я выбежала на веранду, а он мне навстречу.

— Я пришел с тобой проститься, Зоя. Мне надо уезжать. Больше мы, наверно, не увидимся. Прощай!

Он постоял секунду молча, потом вдруг обхватил меня ладонями за виски, порывисто прижал меня к себе и поцеловал меня в лоб. Знаете, девочки, так прижал и так нежно, нежно поцеловал… А потом вдруг повернулся и убежал. Больше я его не видела…»

Через несколько дней эти девочки уехали. Потом на 3 дня приехали Вова, Миша, Яня и Кира Крутяков[41]. Я мало их видела. С Вовой совсем не удавалось поговорить. Я трусила, не решалась сама подойти к ним, а они ко мне тоже не

---

[41] Примечания: 41

Раньше в дневнике эта фамилия была написана по-другому — Крутиков.

подходили. Так что с Вовой мы были как чужие. Перед его отъездом я встретила его в коридоре, попросила его зайти к нам домой и рассказать поподробней, как я здесь живу, и передать открытку маме. Здесь опять промелькнул передо мной хороший, честный товарищ. Мы пожали друг другу крепко руку, он пожелал мне всего наилучшего и уехал. Я пошла на трассу, а вечером, когда вернулась и вошла в свою комнату, я ничего не узнала: комната была наполнена здоровенными парнями, причем все они курили и шум стоял такой, что ужас.

Так началось мое знакомство с 15-ой школой. Их приехало 16 человек: один учитель, 13 мальчишек и 2 девочки. Одна из девочек оказалась моей старой знакомой. Неля Кленочевская раньше училась в нашей школе, в нашем классе, потом она переехала и теперь учится в 15-ой школе. Другая девочка — ее подруга Кира Замышляева. И уже в этот вечер, хотя было совсем темно, я, поприглядевшись и прислушавшись, обратила внимание на одного мальчишку, который резко выделялся среди других.

Его товарищи были похожи на 17–18-летних парней, все они говорили басом, а он, его звали Андрей, был среднего роста, ниже всех осталь-

ных, с задорными мальчишескими манерами, с высоким мальчишечьим голосом. Андрей напоминал мальчишку не больше 15 лет. Я еще подумала, что вот уже вступит в действие закон о мобилизации 15-тилетних на спец. работы.

Мальчишки один за другим закурили. Андрей сидел на своем месте и изредка переговаривался с соседом. Я подумала: ну хорошо хоть, что этот мальчишка не курит. И как раз в это время Андрей встал, вытащил из кармана пальто плоский предмет, сунул в рот папиросу, ловким движением чиркнул спичкой о подошву ботинка, закурил. Здесь впервые я увидела его лицо, мне он очень понравился.

— Андрюха, кинь спички, — он кинул и немного вразвалку прошел по комнате, и направился к двери.

— Ах!

— Черт, ты же ошпарить меня мог!

— Ах! Как вас зовут, прекрасная красотка!

— Потом узнаешь, видишь, кипяток несу.

Так произошло знакомство Андрея с Валей Коробковой. Попив чаю, все мальчишки ушли на улицу. Мы, девочки, собрались уже спать, когда в комнату вошли двое: Андрей и Зоря. Вошли и закурили.

— Мальчики, не курите в комнате, ведь душно, — попросила Валя.

— Могу ли я осведомиться, кто это там пищит? — произнес Зоря.

— Не пищит, а говорит, не унижай мое достоинство, — ответила Валя.

Кто-то шагнул к Вале, нагнулся над ней и перед самым носом у Вали чиркнул спичкой и осветил ее лицо.

Валя дунула и потушила.

— Ах, это вот кто, — сказал Андрей.

Потом он чиркнул спичкой перед моим носом.

Я:

— Дальше наши девчонки спят.

— Андрей! Дурак, зачем ты спички жжешь! Потуши!

— А мы с девушками знакомились, — ответил Зорька.

— Хорошо знакомство. Вы, девушки, простите его. Это уж известный нахал.

— А ты, Сашка, не разоряйся, — ответил Андрей. — Теперь все в порядке, а то мы не знали, какие тут девчонки. Еще зарежут во сне.

Кто-то шумно ворвался в комнату.

— А я тебе, <…> говорю, этот город мы отбили.

— Стоп на бане, дамы едут, — голос Андрея. —

Тише, ребята, не ругайтесь хоть, ведь девушки здесь.

— Девки уж спят, наверно, без задних ног.

— Девушки, вы не спите?

Тишина.

— Де-ву-шки, вы спите?..

Мы молчим. Чиркнула спичка, осветила помещение.

— Спят.

Так мы и жили. Весело. Шумно. Бурно.

На другой день Андрей и Валя остались дневалить. К приходу всех у них уже и кипяток был, и комната убрана, и посуда вымыта. Все стали наперебой хвалить дневальных.

Андрей сказал: «У меня Валька не девчонка, а золото».

— Такую жену иметь — пальчики оближешь.

— Женить их, женить их, — закричали все.

— Правда, об чем, ребята, разговор. Жених согласен.

— А у невесты вы согласие получили?

— Вот еще, еще невест спрашивать, — голос Андрея.

— Да что там, ребята. Она от радости не знает, что и сказать.

Валька отбивалась от наседавших на нее маль-

чишек как могла.

— Пошли вы все к черту. Что вы, обалдели все, что ли.

— Отойдите все от нее, — приказал Андрей. — Вы не знаете, как надо с женщинами обращаться. К женщинам нужен особый подход.

Валя давится от смеха. Все тоже.

— Валя — умная девочка, вы не думайте, — говорит Андрей и обращается к Вале, берет ее за руку. — Ты теперь моя жена навеки. Да? Да?

— Да! Да! Да! Да! Отвяжитесь только. Измучили прямо.

— Она признала. Она признала, — завопили все. — Поздравляем, Андрюша, с новым приобретением.

Андрей смеется: «Спасибо, спасибо, кушайте на здоровье».

Мальчишки вываливаются из комнаты. Валя бухается на одеяло. Раскрасневшаяся, смеющаяся, счастливыми глазами обводит нас, девочек:

— Вот черти. Прямо измучили.

Потом поворачивается к нам спиной и лежит, уткнув лицо в подушки.

На пороге появился Андрей.

— Валька, иди скорей. Без тебя ничего не выходит.

Валя даже не пошевелилась.

Андрей подходит к ней. Валя закрыла лицо руками. Андрей смотрит на нее, присаживается на корточки.

— Валя, ты что, что с тобой?

Придвигается к ней. Я слышу его шепот.

— Валя, ты что — обиделась? Валечка, мы же только шутили. Мы тебя обидели? Да? Валя? Ответь. Прости нас, мы грубо пошутили. Ты простишь нас? Мы больше не будем.

— Андрей, отстань от меня!

Андрей сразу выпрямился, встал во весь рост.

— У-у, презренная! Ну и шут с тобой. Ломается, с ней и пошутить нельзя.

Андрей отходит к двери.

— Валя, последний раз спрашиваю, пойдешь нам помогать?

Валя живо поднимает голову.

— А что вам помогать?

Андрей озабоченно: «Да мы вот, понимаешь, кофе хотим сварить».

— Так ведь это пара пустяков. А вы что, не умеете?

— Да куда уж нам, — отвечает Андрей.

— Вот бестолковые.

Валя быстро вскакивает.

— Так бы и давно. А то ломается, терпеть не могу, когда девчонки ломаются… — и прибавляет, с усмешкой прибавляет: — А еще жена моя.

— Ну, ты насчет жены потише.

Убегает.

Андрей берет с подоконника кружку и тоже уходит, напевая: «Будем мы с тобой жениться, радость моя».

Я почти все свободное время проводила с Тамарой. Заберемся мы с ней на холм, что напротив школы, и начинаем петь песни, какие только в голову придут. Или размышляем, что такое любовь, как объяснить иными словами слово наивность.

Однажды после работы я лежала на склоне холма одна и думала о разных вещах и о разных людях. Было около 7 часов. Погода была хорошая, тепло, ласково грело солнце. Мимо меня в моем воображении проплывали лица людей, каких я когда-либо знала. Вдруг в моем воображении явственно прозвучали слова: «Будем мы с тобой жениться, радость моя!» Перед моим воображением стоял Андрей во весь рост. Бесстрашное, почти дерзкое выражение лица. Стройный, красивый, волнистая прядь волос ниспадает на высокий лоб. Боже мой, почему Вовка не похож на него,

и сразу перед воображением встал Вовка. Вот он — высокий, стройный, такой хороший. Почему он меня не любит, как бы я хотела, чтоб он меня полюбил, как Сережа Зою. Чем я хуже Зои.

Вот театр. Мы сидим рядом. Мы смотрим «Стакан воды»[42]. Я украдкой взглядываю на него. Вот он, совсем рядом, такой близкий и такой чужой, мне так хочется положить свою руку на его. Но ему не до меня. Он поглощен сценой.

Вот он с потертой тюбетейкой на спутанных волосах. Он лежит на животе, подперев ладонями щеки, и задумчиво смотрит куда-то. А поезд все мчится. Грохочут большие товарные вагоны. Мы едем в город. Мне хорошо лежать на боку на втором ярусе на дощатых полках. Через соседа лежит Вовка, рядом с ним спит Миша Ильяшев.

Вот он поворачивается ко мне. И его задумчивое лицо начинает расплываться в улыбку. Счастливая детская улыбка. Он ничего мне не говорит, он смотрит на меня и широко, дружески улыбается. Так может только улыбаться товарищ, когда хочет показать своему другу, что сейчас испытывает его душа. Я смотрела в его счастливые горящие глаза и также счастливо улыбалась.

---

[42] Примечания: 42

Мы смотрим «Стакан воды». — Спектакль по пьесе Эжена Скриба (1791–1861) «Стакан воды, или Следствия и причины» (1840).

Редко бывает Вова в таком расположении духа, в каком он сейчас. И мы долго еще смотрим друг на друга и без слов понимаем один другого.

Вот он стоит на углу улицы со своими товарищами. Весь в белом, стоит и сосет эскимо. Такой спокойный, равнодушный ко всему, как будто никакая в мире сила не может его взволновать.

А вот бывший кабинет директора в школе. Я стою у печки, Вова сидит на диване рядом с моей мамой. И мы смотрим друг на друга, и он опять улыбается той самой знакомой улыбкой, и неизвестно, что он хочет ею выразить. Или он опять счастлив, или обрадовался, увидев «старую знакомую», или еще от чего-нибудь…

Гул самолетов прерывает мои размышления. Я возвращаюсь к действительности. С соседнего холма спускаются шумной гурьбой ребята из 15-ой. Они поют какую-то песню, припевая все время «топай, то-па-ай!». Они направляются к подошве холма, на котором я сижу. Теперь я расслышиваю слова этой песни. Грубая, похабная песня. Можно подумать, что собрались какие-то хулиганы с бывшей Лиговки[43]. Потом они запели другую

[43] Примечания: 43

…хулиганы с бывшей Лиговки. — Район Лиговской улицы в дореволюционные времена и в первые советские годы слыл одним из самых неблагополучных в городе.

песню. Получше. Мне даже она понравилась. Я запомнила следующее:

Плыви ты, наша лодочка блатная! Ха-ха![44]

Куда тебя течение несет?

Воровская жизнь такая! Ха-ха!

С ней никто никогда не пропадет.

. . . . .

А урка никогда не станет прачкой! Ха-ха!

Воровка не наймется в повара.

Грязной тачкой руки пачкать! Ха-ха!

Это дело, это дело не вора.

Живем мы не под крышей, а на лодке! Ха-ха!

И с нею нас течение несет.

Деньги, девушки и водка! Ха-ха!

Вот чему у нас везде почет!

. . . . .

---

[44] Примечания: 44

«Плыви ты, наша лодочка блатная! Ха-ха!» — один из вариантов воровской песни 1930-х гг., известной также как «Плыви ты, наша лодка блатовская».

Воровка никогда не станет прачкой! Ха-ха!

Не выберем себе иной мы путь!

Грязной тачкой руки пачкать! Ха-ха!

Это дело перекурим как-нибудь.

Здесь были все: Сашка, Зорька, Андрей, Женька, Надер, Игорь, Левка.

Между прочим, о Надере. Надер — это не прозвище, это действительно его настоящее имя. Зовут его Надер, а фамилия его Авшар. По национальности он перс. На вид ему [можно] дать 18, даже 19 лет, а ему, оказывается, только недавно исполнилось 16. Высокий, мускулистый, хорошо сложенный. Смуглое костистое лицо с крупным, с небольшой горбинкой, восточным носом. Черные восточные глаза, черные вьющиеся волосы. Надер почти всегда носит берет, и он ему очень идет, как никому. Вообще, Надер очень красивый парень. Он очень похож на испанца. А от Нели я потом узнала, они в одном классе, что Надер исключительно хороший, честный мальчишка. Иногда он бывает груб с товарищами. Но это иногда только.

Раздались крики, мальчишки расступились, началась борьба. Сцепились Зорька и Женька.

Два слова о Зорьке. Высокий, стройный, довольно красивый еврей. Нахал высшей степени. Не имеет ни стыда ни совести. Нахален и дерзок с девочками. Когда разговаривает, так все, что он хочет сказать, выпаливает как из пушки.

Мне не нравится его наглый, быстрый, прожигающий взгляд и его толстые губы. Этот Зорька потом притащил из города свой патефон и целый вечер накручивал одну пластинку за другой. Любитель джаза, он без ума был от всех этих исполнительниц, все этих Клавдиев Шульженко[45] и Эдит Утесовых. Любитель порисоваться перед девушками, он отталкивает их своей наглостью.

Они боролись здорово. Ни тот, ни оный не уступал. Они давно уже валялись по земле, перекатываясь с боку на бок. Победителем оказался Женька.

Кстати, о нем. Обыкновенный мальчишка. Ничего особенного. Довольно приятное лицо. Курносый нос. Веселый, подвижный. Любил порисоваться перед девушками, отлично танцевал, после танца расшаркивался, ловко выпускал колечками дым изо рта. Носил синий берет.

Здесь все закричали, загалдели. Потом Женька

---

[45] Примечания: 45
В тексте: Шульзенко.

протянул Зорьке руку, помог ему встать. Андрей в это время прикатил откуда-то старую шину. Мальчишки начали играть в футбол. Андрей встал вратарем. Другим вратарем был Зорька. Андрей, хромая, отошел в сторону, снял брюки, и я увидела, что у него забинтована левая нога.

Андрей встал у шины и звонким голосом прокричал: «Э-эй. Что ж вы там. Вратарь волнуется» — и стал представлять волнующегося вратаря, это у него здорово выходило. Расставив ноги и весь сжавшись, он запрыгал из стороны в сторону, выставив вперед голову.

Игра началась. Зорька оказался плохим вратарем, он не отбил ни одного мяча. Зато Андрюша был молодцом. Он не пропустил ни одного мяча. Маленький[46], ловкий, он подкатывался под ноги играющим, вытравливал мяч и гнал его перед собой, ловко увертываясь в сторону всякий раз, когда ему ставили подножку. Но и ругался он тоже здорово. Его звонкий голос чаще всех выкрикивал ругательства. Мне надоело смотреть, я ушла.

Вечером того же дня я пошла за молоком. И вот иду обратно с бутылкой, и мне навстречу идут

---

[46] Примечания: 46
В тексте: мальной.

двое и разговаривают. Я посторонилась, чтоб их пропустить, вглядываюсь, и кто бы это был. Андрюша под ручку с Валей Коробковой. Так нарядно одет, брюки навыпуск и красивая вязаная шерстяная кофточка. Валя в белой новенькой шапочке, на плечах Андрюшин плащ. Ростом они одинаковые, идут, Андрей ей что-то неторопливо рассказывает. Идет такой спокойный, тихий. Прямо не поверить, что это тот самый Андрей, что еще недавно гонял в футбол и ругался почем зря. Острая иголочка зависти кольнула меня, я еще раз оглянулась на две удалявшиеся фигуры и побрела домой. Когда я подходила к школе, уже совсем стемнело. Но еще не было 10-ти. Валя с Андреем вернулись после 11-ти. Когда уже почти все спали. Это мне сперва все казалось странным. А потом привыкла. Валя с Андреем потом каждый вечер уходили гулять. И иногда возвращались очень поздно. Я перестала им завидовать. Им ведь по 18-ти лет, а мне только 16. Придет и мое время, нагуляюсь.

Хотя вот Зоя, ей еще 16, и она уже и гуляет, и целуется.

В этом-то и интерес в мои года вот так погулять, как Валя, на зависть своим сверстницам.

Да о чем разговор.

Пока не было еще патефона, мальчики каждый вечер устраивали нам концерты своего собственного джаза. Они довольно хорошо, стройно пели все басом, только Андрюша выделялся среди всех своим высоким, мягким голосом. Музыку они устраивали голосом, подвывали, щелкали языком, кричали петушиными голосами, и у них это здорово выходило. Любимыми их песнями были: «Танюша» и «На Кавказе есть гора». Вот они:

Карапет влюбился в красотку Тамару[47].

Ей душа любезный совсем не под пару.

(Далее Андрей поет очень похоже, как поет Тамара:)

Ах, отстань ты, старый Карапет!

У меня муж молодой Ахмед.

Как услышит он твои слова,

Оторвет тебе он голова.

(Все:)

На Кавказе есть гора. Самая большая.

А под ней течет Кура, мутная такая.

---

[47] Примечания: 47

Один из вариантов текста песни неизвестных авторов «На Кавказе есть гора». Песня входила в репертуар известного певца Петра Лещенко.

Если на гору залезть и с нее бросаться,

Очень много шансов есть с жизнию расстаться.

Карапет приходит под вечер к Ахмеду.

(Кто-нибудь один:)

– Ох, Ахмед, ты хочешь большую монету?

Ты отдай, конечно, за это Тамару.

Будем с нею мы жениться ехать в Тифлис.

(Все:)

Говорит Ахмед:

(Кто-нибудь один:)

– Зачем жалеть?

Женщин много, мало так монет.

Забирай жену, запьем вином.

Потерял одну, так пять найдем.

(Все:)

На Кавказе есть гора...

. . . . .

Мы весь народ кавказский,

Любим вино и ласки.

Если обманут ласки. О-о-о-о-о!
Будем мы с дурной ходить
И точить кинжалы.
А потом ее прирежем,
Чтоб не убежала.

Ничего не знаю[48]
И знать я не хочу.
Лишь одно я знаю:
Что тебя люблю.
Милая, признайся,
Можешь ли понять,

Как тяжело, любя, страдать?
(С еще большим воодушевлением:)
Целый день страдаю,
По ночам не сплю.
Ничего не знаю
И знать я не хочу.
Но твоей улыбки

---

[48] Примечания: 48

Неточное и неполное воспроизведение текста песни «Ничего не знаю» (музыка Г. Варса, слова Ф. Рефрена (Феликса Конарского). Пластинка с записью этого фокстрота в исполнении Е. Бодо вышла в 1941 г., незадолго до войны (http://www.a-pesni.golosa.info/drugije/nitchnezn.htm (19.02.2011)).

Мне уж не забыть.
И теперь не знаю,
Как мне быть.

Бевочка, пойми ж ты меня!
Бевочка, не мучь меня.
Бевочка, мне грустно без тебя.
Ведь ты душа моя, радость моя.

Я не стану тебя огорчать.
Пусть все это останется тайной,
Что я стал все скучать и скучать
И думать о встрече случайной.

Я живу в озвученной квартире[49],
Есть у нас рояль и саксофон,
Громкоговорителя четыре
И за каждой дверью патефон.

У меня есть тоже патефончик,
Только я его не завожу,
Потому что он меня прикончил.

---

[49] Примечания: 49

Искаженный текст песни «Джаз-болельщик» из репертуара Л. О. Утесова (музыка неизвестного автора, слова В. И. Лебедева-Кумача) (http://www.a-pesni.golosa.info/drugije/jazzbol.htm (19.02.2011)).

Я с ума от музыки схожу.

И в кого такой я только вышел?
Прямо удивляюсь на семью.
Чуть я только песенку услышу,
Я ее тотчас же запою.

И в кого такой я уродился?
Трудно мне с характером своим.
Чуть я только в девушку влюбился,
Смотришь, а она уже с другим.
Кошмар!!

Бывало, вечером соберется перед школой молодежь. Весело, шумно. Играет Зорькин патефон. А мне ничего этого не хочется. Я ухожу от этого шума. Спускаюсь по тропинке с холма. Вдали замирают звуки джаза, крики, смех.

Здесь, у подножья холма, совсем тихо. Я осматриваюсь кругом, какой чудесный вечер, крупные звезды глядят на меня с высоты. Какой удивительно теплый и тихий вечер. Легкий теплый ветерок шевелит на голове волосы. Мое сердце постепенно наполняется грустью. Мне становится жалко себя. Я сажусь на теплое сено и думаю, думаю. Грустные думы приходят мне в голову.

Вот я здесь одна, и никому нет до меня дела. У всех свои заботы, свои печали и радости. Андрей с Валей где-нибудь сейчас гуляют. Валя счастлива. Почему у меня нет счастья? Почему? Тамара, наверно, сейчас спит, счастливая. Да она, наверно, и не думает о таких глупостях. А может, и она об этом думает, как знать.

И почему рядом со мной нет никого. Ведь такой вечер. Прямо обидно. Зря пропадает такой вечер. Я не хочу быть одна, но и не хочу шума. Я бы хотела быть с тем, кого люблю и кто меня любит. Но меня никто не любит. Я люблю. Но что из того, что я его люблю. Только лишние страдания. Ведь он-то меня не любит и даже не знает, что я его люблю. Зачем я буду показывать ему это, когда знаю, что ответа не будет. Да, обидно, что мой 16-ый год проходит так пусто. Ну конечно, потом меня кто-нибудь да полюбит. Но что потом. Потом не уйдет. А я хочу сейчас, именно сейчас. В мои 16 лет. Я хочу почувствовать, что меня кто-то любит.

Как тоскливо одной в такой чудесный вечер. А Вова спит, наверно, в Ленинграде или нет, дежурит на чердаке. Да что мне до него. Будь же они прокляты, эти бесчувственные мальчишки.

Я медленно возвращаюсь к школе. Останови-

лась у патефона. С пластинки льются звуки танго. Андрей собирает пластинки. Танго кончилось. Андрей собирается закрывать патефон. К нему подбегают девушки:

— Андрей, поставь еще.

— Нет, девушки, на сегодня хватит. Хорошенького понемножку.

— Андрюша, ну только обратную сторону.

Он вытаскивает одну из пластинок.

— Андрей, какая?

— Танцуйте, девушки! Последний вальс!

Полились звуки вальса. Андрей пригласил одну из стоявших девушек. Вот он обхватил ее ловко за талию и повел плавно и нежно, покачивая из стороны в сторону, потом закружился, закружился быстро, умело, красиво… Кончилась пластинка. Андрей поблагодарил партнершу, подошел к патефону, снял пластинку, уложил ее в ящик.

— Андрей, последнюю. Ну что тебе стоит.

Андрей, вытаскивая ручку завода: «Нет, девушки, сегодня я буду неумолим».

— Ведь еще нет 11-ти.

— Все равно, девочки, всем уже пора спать. Таким маленьким вредно гулять так поздно вечером.

29-ого августа

Сегодня мне мама Лена открыла страшную истину. Сегодня она решилась сказать мне, что моей мамы нет в живых[50]. Я еще не верю. До моего сознания не дошло это. Но я уже чувствую, что пустота одиночества наваливается на меня. Никакими словами невозможно передать, как мы друг друга любили. Только родные дочь и мать могут так любить друг друга.

Ты моя звездочка ясная!
Ты мой цветок полевой!
Вся ты такая прекрасная,
Птенчик ты мой дорогой.
Нету и слов для сравненья
Милой Ленуси моей.
Нет таких девочек в мире,
Лучше Ленуси моей.

Моя рука дрожит. Сердце трепещет в груди. Ее

---

[50] Примечания: 50

Речь идет о смерти родной матери Лены Мухиной — Марии Николаевны Мухиной. Из-за ее длительной и тяжелой болезни Лена жила со своей тетей Еленой Николаевной Бернацкой (мамой Леной), родной сестрой матери.

не стало еще 1-ого июля.

* * *

1-ое июля 1941 года, во время кровавой войны с немцами скончалась ты на 44 году жизни, и я даже не знаю подробностей твоей смерти.

Моя мама, моя любимая, бесценная мама. Тебя уже нет в живых. Как я могу пережить это. Сердце надрывается. Так вот он, первый удар, который наносит мне судьба. Я вся дрожу. Мне страшно. Я сейчас побегу к Тамаре.

Мне хочется бежать к Вовке. Я не хочу оставаться дома. Мне все противно.

* * *

Немцы заняли Днепропетровск[51]. Говорят, они подходят к Гатчине. У нас в городе строятся ДОТы[52]. Ленинград превращается в крепость.

Как бы я хотела иметь любимого, чтоб в это грозное время мы дали бы друг другу клятвы, что, если останемся живы, через несколько лет

---

[51] Примечания: 51

Немцы заняли Днепропетровск. — Днепропетровск был оставлен нашими войсками 25 августа 1941 г.

[52] Примечания: 52

ДОТ — долговременная огневая точка.

соединим свои жизни навсегда.

О, лишенько! Как мне больно. Теперь, когда нет на свете родной мамы, мне так [хочется?], чтоб меня любили.

Как мне больно. Я все трясусь. Так вот он, первый удар. Мне еще только 16 лет, и я уже получила первый удар. А что мне дальше готовит судьба. Не знаю.

Тысячи людей гибнут на фронте, и среди них есть 16-тилетние мальчики, мои ровесники.

Сегодня по новому приказу Ворошилова я ограждена от спецработ[53]. Потому что мне 16 лет, а по новому закону на спецработы привлекаются девушки с 18-тилетнего возраста, а юноши с 16-тилетнего возраста. Сегодня ко мне пришла Тамара, мы с ней хорошо провели время. Она мне рассказала много интересного. Потом я читала вслух рассказ Тургенева «Собака».

Теперь из воспоминаний о прошлом:

Как-то раз, уже вечером, кто-то ворвался к нам в комнату и закричал:

---

[53] Примечания: 53

Сегодня по новому приказу Ворошилова я ограждена от спецработ. — Речь идет о постановлении Военного совета обороны г. Ленинграда от 29 августа 1941 г. «О привлечении населения к выполнению в порядке трудповинности работ по обороне Ленинграда».

— Ребята, смотрите, самолеты горят!

Мы, понятно, все выскочили. Смотрим, впереди, в поле, пылают три гигантских костра и густой черный дым поднимается вверх. Это действительно горели 3 самолета. Как потом оказалось, один из них — наш истребитель, 2 другие — немецкие бомбардировщики. Целую ночь пылали эти три необыкновенных костра. И еще утром слегка дымились их останки. Так кончилось наше спокойствие. А дня через 4 мы уже привыкли ко всему: над нашими головами происходили воздушные бои, как бешеные крутились самолеты, на разные лады трещали пулеметные очереди. Над нашими головами со свистом проносятся снаряды зениток, и видно, как они разрываются в вышине: сперва огненная вспышка, а потом белое легкое облачко, очень похожее на раскрытый парашют. Потом это облачко постепенно растаивает. Зенитки стреляют на разные лады: одни грохочут, другие рявкают, третьи бухают. Иногда начинается такой концерт зениток, что прямо страшно становится. Местность оглашается оглушительным громом и грохотом, это все пронизывает новый звук, высокий, пронзительный свист, это свистят снаряды. Бух, бух — фю-ють. Трах, бух — фю-ють. Бах, бух,

бах — фю-ють.

И ко всему этому присоединяется едва слышный, но настойчивый и зловещий гул вражеских самолетов. Они едва видны, эти вражеские самолеты. Обыкновенно это маленькие белые точки в чистом голубом небе и черные точки на фоне облаков. Вот они, враги, 9 штук. Зенитки неистовствуют, а они летят, летят настойчиво, летят упорно, летят туда, где в голубой дымке раскинулся родной Ленинград. Неужели зенитки их не достают? Но нет. Вот девятка рассредотачивается на звенья. Они поворачивают в сторону, они забирают еще выше, они прячутся за облачка, они уходят к солнцу. Вдруг один из них стал отставать от своего звена, ясно слышно: мотор дает перебои, все ниже и ниже спускается он. Его обступили вспышки взрывов, на месте которых тотчас же появляются белые облачка. Вдруг за самолетом появилось серое облачко. Оно неотступно следует за ним.

— Загорелся, смотрите, загорелся! — кричат рядом.

— Где?

— Да вон, видишь серое облачко за ним.

— Вижу. Так это разве загорелся?

— Ну конечно.

Я опять ловлю глазами гибнущий самолет. Он спускается, хотя очень отлого, но спускается. Серое облачко увеличилось в размерах. Сейчас он плавно зайдет за холм. Но что это, он накренился и почти по вертикали исчез за холмом.

— Готово! — сказал кто-то.

* * *

Сейчас я буду писать из далекого прошлого. Когда я ездила с жактом на ст. Тарковичи, я проработала там три дня. Работали мы с 6-ти вечера до 6-ти утра. Как это было мучительно. Под конец я совершенно обессилевала. Сил хватало только-только, чтоб дотащиться домой. Мы еле держались на ногах, голова кружится. Целый день потом до 6-ти часов вечера лежали мы на голых досках совершенно обессилевшие. Мы так уставали, что не успевали набраться сил до новой работы. Да и где взять силы. Нас же почти не кормили. Первый день нам вообще ничего не дали. На второй день каждому дали по 100 гр. хлеба и часа в три котелок пшенной каши. Но что это была за каша. Хотя я была очень голодна, но я с трудом проглатывала ее, делая огромное усилие, чтобы меня не вырвало.

В этот же день к нам приплыла баржа с продук-

тами. И в 5 часов нам раздали по 50 гр. колбасы и по 100 гр. сыра и хлеба. На барже также продавали пирожки с мясом, консервы «горох с мясом» и большое-большое количество бутылок с лимонадом. Но это все на деньги.

Наступил 4 день моего копания. Я, как пришли с работы, улеглась на доски, завернулась в одеяло, и через минуту я уже спала мертвым сном. Потом я полупроснулась и слышу тихие голоса:

— Бригадир просил составить список 16-тилетних. Кажется, их домой собираются отсылать.

Какая-то женщина сказала: «Да, это было бы правильно. А то они совсем измучились, бедные».

Услышав это, я окончательно проснулась и приподнялась на локте. Зоя уже составляла список, в который внесли и меня. Я боялась первое время, что я сплю. Я не верила своим ушам. Я так боялась, что вдруг они раздумают отсылать нас домой. На всех нас смотрели с завистью.

— Девочки, какие вы счастливые, уезжаете, — говорили нам наперебой.

Особенно досадовала одна 17-тилетняя девушка: «Господи, почему мне не 16 лет».

— Дорогие, — говорила одна женщина, — а когда же мы увидим снова Ленинград. А может, и

совсем не увидим.

Я лежала и думала. Неужели судьба надо мной смиловалась. Неужели я вырвусь из этого ада.

Пришел бригадир, никогда я его не забуду, это такой замечательный человек, так вот он к нам пришел и говорит, было уже около 6-ти:

— Вы, девочки, собирайте свои вещи и идите вот с этим списком к штабу, я потом к вам приду. А мы, — обратился он к остальным, — пойдем с вами, товарищи, на работу.

— Когда же мы-то поедем?

— Не знаю, ничего не знаю, товарищи. Только знаю одно, чем мы скорей сделаем, тем скорей и поедем.

Мы быстро собрались, простились со всеми. Как нам завидовали, трудно сказать.

Пришли к штабу. Там уже много было народу. Оказывается, это все больные. Мы расположились в сторонке. Вскоре к нам пристали цыгане. Потом они все ушли, а к нам подошла цыганка, девочка наших лет, и предложила нам погадать. Мы стали отказываться. Но она так приставала, что мы наконец согласились. Она всем гадала на сахар. Я тоже соблазнилась.

— А тебе вот что писано[54], барышня моя разлюбезная. Будет тебе с королем твоим в скором времени свидание. И будет то свидание нежданно-негаданно, и через то получишь ты радость несказанную сердцу своему.

Она говорила быстро, нараспев, поглядывая то на меня, то в зеркальце.

— А впереди ждет тебя дорога счастливая. Будет через ту дорогу тебе радость развеликая через короля твоего разлюбезного беленького.

— А откуда ты знаешь, — спросила я, — что у меня король беленький, а не черненький.

— А то, моя барышня дорогая, разлюбезная, в моем самом зеркальце показано.

— Да врешь ты все, — сказал кто-то. — Зеркало-то у тебя самое обыкновенное.

— Коли было обыкновенное, так через то другой разговор пошел, — сказала она, гневно сверкнув глазами, а потом, сразу же слащаво улыбаясь, продолжала.

Но я ее спросила: «А скажи мне, пожалуйста, если твое зеркало необыкновенное, как зовут моего короля?» Она посмотрела на меня как-то обиженно и злобно.

---

[54] Примечания: 54
Слово читается предположительно.

— Да, да, вот это интересно, — подхватили окружающие.

— Володя, — буркнула она и с необыкновенным жаром снова запела: — И будет тебе, барышня, в жизни твоей через мужа твоего разлюбезного счастье тебе превеликое. И будешь ты жить припеваючи. Злых дней не ведуючи.

Так нагадала мне цыганка. А через 1 $^{1}/_{2}$ часа я действительно неожиданно увидела Вовку. И единственно через него дорога в Ленинград была для меня счастливой.

Какие интересные случайности бывают в жизни.

2-го сентября

«Враг у ворот Ленинграда. В непосредственной близости от Ленинграда сражаются мужественные воины Красной Армии..!!» Так сказала диктор по радио.

Я спала, но говорят, что этой ночью ясней, чем раньше, была слышна артиллерийская канонада.

С сегодняшнего дня уменьшена норма на карточки. Теперь мы получаем только 1 кг хлеба в день[55].

Сейчас прошла по улице. Заходила в магазины. Как уныло и пусто везде. В Росконде[56], где всегда все было дорого, но зато имелось в изобилии, теперь прилавки пусты: ни одного пирожного, ни торта. Все окна магазинов заколочены досками. Проехали два грузовика. Первый с прицепом, на нем исковерканное туловище истребителя

---

[55] Примечания: 55

С сегодняшнего дня уменьшена норма на карточки. Теперь мы получаем только 1 кг хлеба в день. — Со 2 сентября 1941 г. ежедневная норма выдачи хлеба в Ленинграде составляла: для рабочих и ИТР — 600 г, для служащих — 400 г и для иждивенцев и детей до 12 лет — по 300 г.

[56] Примечания: 56

«Росконд» — сеть кондитерских магазинов.

без винта, с поломанным хвостовым оперением, покрыто брезентом. А на другом грузовике везут отдельно крылья, тоже поломанные, с красными звездами. И так печально на душе стало.

Мне воочию приходится переживать то, что до сих пор я знала по радио, по книгам, по рассказам родных. Но сейчас еще что, сейчас не звенят стены от канонады, не зияют пробоины в стенах.

4-ого сентября

Давно уже не было тревоги, но вчера в четверть восьмого вновь завыла сирена. В. Т. длилась ровно 1 час. Ночью в половине второго была вторая В. Т.

Сегодня утром В. Т. продолжалась полтора часа.

Она только недавно кончилась, но стрельба из орудий не кончается. Стреляют еще ближе. Уже воздух сотрясает стекла. Хорошо, что я вчера заклеила их марлей. Что ждет впереди?!

5-ого сентября

Сегодня к 8-ми часам вечера сразу после воздушной тревоги, которая продолжалась три четверти часа, я пошла к Тамаре и пробыла у нее до полдесятого. Мы мало разговаривали, так как слушали патефон. Вот мы слушаем с ней патефон, вдруг слышим в коридоре взволнованные голоса. Ольга Антоновна вышла узнать, в чем дело. Вскоре она вернулась и сообщила нам: «На углу Предтеченской и Глазовской артиллерийский снаряд ударил в трехэтажное здание, крыша осталась цела, а из третьего и второго этажа вырваны начисто две квартиры». Мы с Тамарой не поверили. Пока своими глазами не увидим, не поверим. Кроме того, говорили, что сегодня же где-то недалеко от Фонтанки на улицу упало

несколько бомб. Есть жертвы[57].

Еще только третьего дня по радио говорили, что благодаря нашим славным сталинским соколам на Ленинград еще не сброшено ни одной бомбы. В Ленинграде не разрушен ни один дом. В Ленинграде нет ни одной жертвы.

И это было правдой еще третьего дня, а на сегодняшний день мы имеем уже разрушенный дом, имеем бомбы и уже есть первые жертвы. Изверги фашисты, как горяча ненависть всех ленинградцев и меня к ним. Что они хотят сделать с нашим городом? Ведь какие сегодня были выстрелы. Прямо жутко. А ведь это стреляла только одна пушка. А если их будет 20. Во что превратится наш город? И останемся ли мы живы? Я теперь, ложась спать, раздеваюсь только наполовину. Какой ужас, приближается зима. Какой будет эта

---

[57] Примечания: 57

…«На углу Предтеченской и Глазовской артиллерийский снаряд ударил в трехэтажное здание» (…) Кроме того, говорили, что сегодня же где-то недалеко от Фонтанки на улицу упало несколько бомб. Есть жертвы. — Первый обстрел города произошел 4 сентября 1941 г. Выпущенные из 240-миллиметровых орудий немецкие снаряды разорвались на ст. Витебск-Сортировочная, территориях заводов «Большевик», «Салолин», «Красный нефтяник». Впервые немцы бомбили Ленинград 6 сентября. В результате бомбардировки был разрушен дом № 119 по пр. 25 Октября (Невскому) и поврежден дом № 115 по тому же проспекту. На Лиговской улице разбило водопровод, а в одном из цехов фабрики «Пятилетка» вспыхнул пожар. *Предтеченская ул.* — ныне ул. Черняховского. *Глазовская ул.* — ныне ул. Константина Заслонова.

зима? Что предстоит пережить? Если немцы прорвутся к Ленинграду и бои будут итти на улицах моего города, я побегу, я здесь не останусь. Пусть мама и Ака делают что хотят. Я знаю, что будет со мною, если я не убегу. Мы вместе с Тамарой побежим.

6-ого сентября

Сегодня целый день время от времени раздавались одиночные выстрелы. Сегодня я пошла к Люсе. Как у ней скучно. Она ни о чем первая не заговаривает. То ли дело Тамара. Правда, когда я Тамару мало знала, она тоже казалась мне скучной, малоразговорчивой. Но теперь, когда мы так сблизились, мы болтаем все время, не выискивая специально темы для разговора. Но Люсю я знаю хорошо. Просто она по натуре такая. Нет, Тамара, вот кто настоящий друг. Когда вчера вечером мы подошли с ней к моему дому, я ей откровенно призналась:

— Тамарочка, когда мы с тобой опять встретимся. Ведь ты у меня единственная.

— И ты у меня тоже единственная.

— Ну как же, а Надя, а Лева?

— Ну, Надю я совсем не вижу, а Лева — это так только. Я ему совсем и не нужна. Он теперь занимается в своем техникуме.

— Ты давно его не видела?

— Да, с 31-ого. Я теперь ни за что первая не буду напрашиваться. А то потом еще раскаиваться придется.

Тамара засмеялась.

— Не правда ли, как глупо так говорить, — сказала она. — Знаешь, — продолжала она, — может быть, я ему совсем и не нужна. Может, он только из-за вежливости говорит мне каждый раз перед моим уходом, чтобы я опять приходила.

— Да нет, Тамара. Просто он хорошо к тебе относится и ему приятно, когда ты к нему приходишь.

— Да нет. Просто ему было скучно. А теперь он занимается, ему не скучно. Вот уже сколько времени прошло, а он не звонит мне. Конечно, придти ко мне он не придет, но позвонить он мог бы, если [бы] захотел. Значит, не хочет.

— Ну что ты, Тамара!

— Что ты, что ты. Когда он захотел, позвонил мне. Попросил придти. Мы тогда с ним в кино пошли.

— Ну, так он тебе звонил. Так в чем же дело?

— Звонил. А только когда. Когда я приехала.

— Ну, так у тебя хоть это. А у меня и этого нет.

Тамара не обратила особого внимания на эти слова. А в них я заключила многое. Вот у Тамары есть настоящий товарищ. Товарищ, так как он захотел увидеть Тамару, он ей позвонил, он ее позвал.

У меня есть тоже так называемый «товарищ». Но какой он мне товарищ, если он даже забыл о моем существовании. Мы так давно не виделись, и его это даже не беспокоит. Такие люди не называются товарищами. У него нет телефона, хорошо, он мог бы передать записку мне через Тамару. Пригласить меня к себе или самому придти. А зачем он так просто удерживает за собой звание «товарища».

Мое мнение такое: или отрекись от этого звания, или будь достоин его. Слово товарищ — это не пустой звук. И он обязывает [к] кое-чему.

7-ого [сентября]

Сегодня МЮД[58]. Всеобщий воскресник. Мама тоже работает. По радио сегодня транслировали митинг женщин из Москвы. Я слышала взволнованные голоса Барсовой, Марины Расковой, Долорес Ибаррури[59], немецкой писательницы, румынской женщины и многих других.

Глубоко волнующие слова!

Говорят, что вчера в 12 часов вечера на Старом Невском были сброшены бомбы, которые разрушили 3 здания[60]. Пока я жива, а что будет дальше — неизвестно.

---

[58] Примечания: 58

МЮД (Международный юношеский день) — праздник прогрессивной молодежи, отмечавшийся в 1915–1945 гг. Решение о его проведении было принято в 1915 г. на Бернской международной социалистической конференции молодежи. В России МЮД впервые прошел в 1917 г.

[59] Примечания: 59

По радио сегодня транслировали митинг женщин из Москвы. Я слышала взволнованные голоса Барсовой, Марины Расковой, Долорес Ибаррури… — 7 сентября 1941 г. в Москве в Колонном зале Дома союзов прошел митинг «Женщины всего мира — на борьбу с фашизмом». После выступлений делегатов, которые транслировались по радио, собравшиеся приняли обращение к женщинам всего мира. *В. В. Барсова* (настоящая фамилия — Владимирова) (1892–1967) — русская и советская оперная певица, народная артистка СССР (1937); *М. М. Раскова* (1912–1943) — советская летчица-штурман, Герой Советского Союза (1938); *Долорес Ибаррури Гомес* (1895–1989) — деятель испанского и

международного рабочего движения, лидер испанских коммунистов.

[60] Примечания: 60

…на Старом Невском были сброшены бомбы, которые разрушили 3 здания. — См. прим. 38.

8-ого сентября

С утра была небольшая воздушная тревога. Вчера я дочитала книгу Водовозовой «История одного детства»[61]. Люся дала мне книгу — роман Густава Эмара «Курумилла»[62].

Сегодня, как всегда, мама пришла в 7 часов. Она принесла помидоры, капусту, и мы сели обедать. Не успели мы съесть и 3-ех ложек, как завыла зловеще сирена. Мы продолжали спокойно есть, только приоткрыли слегка окно. Но не успели мы и 2-ух ложек съесть, как послышались первые залпы зениток, потом еще и еще и все ближе и ближе, потом что-то застрекотало. И наконец больше оставаться в комнате было невозможно. Мама побежала узнать, в чем дело. У меня глаза от страха расширились, я вскочила как ужаленная, потому что творилось что-то непонятное,

---

[61] Примечания: 61

Е. Н. Водовозова (1844–1923) — русская детская писательница, педагог. Книга «История одного детства» является переработкой для детей ее мемуаров «На заре жизни» (1911).

[62] Примечания: 62

Густав Эмар (настоящее имя — Оливер Глуа) (1818–1883) — французский писатель. Видимо, автор дневника читала отдельное издание романа «Курумилла», выпущенное в Москве товариществом И. Д. Сытина в 1900 г.

был такой грохот, шум, что казалось, что само небо раскалывается. Я уже подумала, что рвутся бомбы, что наступил конец. Я схватила пальто, дрожащими руками стала его натягивать, нахлобучила берет и помчалась в бомбоубежище. По лестнице горохом сыпались люди, одни в охапку тащат детей, другие тянут старух. А на улице что-то творится, какое-то страшное. У меня в голове только одно: скорей вниз, там спасенье.

В бомбоубежище полно народу. Кое-как мы протолкались во 2-ую комнату и там сели. А за стеной все грохотало и гремело, несмотря на то что в бомбоубежище было очень шумно.

Когда совсем стихло, мама пошла домой, так как устала и была голодна. Ушла домой и Ака. Я осталась. Вскоре мама пришла и, наклонившись к нам, чтоб другие не слышали, сказала, что недалеко огромный пожар, так как столб дыма закрыл половину горизонта. Вскоре был дан отбой. Я помчалась на улицу. Выбежав на двор, я заметила, что на дворе совсем сумрачно. Все смотрели наверх, я тоже посмотрела и ужаснулась. Клубясь и извиваясь, по небу расползалось облако дыма, подобно грозовой туче. Зловещее и грозное, оно представляло величественную картинку, оно напоминало извержение вул-

кана. Никогда я не видела ничего подобного. Я побежала к Ивановской улице[63]. На улице все суетилось. Все куда-то торопились, взмахивали руками. Мальчишки, парни, подростки, расталкивая прохожих, целыми толпами устремились туда, откуда надвигалась эта страшная туча. В воздухе пахло гарью. Я дошла по Ивановской на улицу Правды и немного продвинулась по ней. В просвете между домами я увидела, что внизу этот дым был багрово-красным, он клубился и медленно полз по небу. По Звенигородской машина за машиной мчались пожарные части. Какая-то женщина мимоходом заметила, что «это» за Александро-Невской лаврой, километрах в 3-ех отсюда.

— Химический завод горит. Там, где лаки, краски…[64] — сказала она и побежала дальше.

Я пошла домой. На Ивановской ребята хва-

---

[63] Примечания: 63

Автор употребляет старое название. В 1918 г. Ивановская ул. была переименована в Социалистическую.

[64] Примечания: 64

Химический завод горит. Там, где лаки, краски… — Речь идет о Коксогазовом заводе (наб. Обводного канала, 72–74). Подобные слухи отмечены и в других источниках. «Как-то сразу стало известно, что это горит коксохимический завод на Обводном…» — записала в дневнике 9 сентября 1941 г. работник 7-й Государственной электростанции И. Д. Зеленская (см.: *Зеленская И. Д.* Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего…»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 22).

стались количеством подобранных осколков от снарядов зениток. По Загородному тоже промчались пожарные машины 11-ой пожарной команды. Да, хороший подарочек припасли фашисты Ленинграду. И как они, сволочи, прорвались. Непонятно.

А говорят, на Старом Невском бомбами разрушен 6-тиэтажный дом. Говорят, то место оцеплено милицией и сегодня весь день вывозили трупы.

Сегодня я не буду раздеваться. Боже, какая будет эта ночь!

С половины одиннадцатого до без четверти час продолжалась эта В. Т. Я только что легла и собиралась заснуть. Я как бы предчувствовала, что сегодня будет, поэтому я даже ботинок не раздевала. Как только завыла сирена, я вскочила, одела пальто и вместе с другими [вышла] из квартиры. Побежала в бомбоубежище. Моя поспешность была не излишней, уже, когда мы спускались в подвал, на улице уже все грохотало и гремело. В убежище было еще больше народа, чем днем. За стеной свирепствовали зенитки, потом послышались разрывы и под нами задрожал пол. На минуту погасло электричество, и все погрузилось в темноту.

Мы просидели в убежище не так уж долго, всего

каких-нибудь 2 часа, а уж под конец совершенно измучились. Дети плакали, просились домой, матери устали держать их на руках, все хотели спать. В течение первого часа все приходили и приходили люди с завернутыми в одеяло детьми. Убежище было битком набито. И это только 2 часа. А если б пришлось сидеть 6 или 8 часов. Как бы мы вытерпели? Я сегодня совершенно не выспалась. Голова трещит.

В сегодняшнем Информбюро сообщается, что под Смоленском в результате 26-тидневных боев разбито несколько дивизий противника. Остатки этих дивизий поспешно отходят.

Сегодня впервые объявили: «Налет немецких самолетов на Ленинград». Оказывается, что прорвалась группа вражеских самолетов и в первом налете были сброшены на разные районы города зажигательные бомбы. Возникло несколько пожаров жилых зданий и складов, которые быстро ликвидировались. (Хорошее «быстро» — 5 часов горело.)

Во втором налете враг сбросил фугасные бомбы. Разрушены здания. Имеются убитые и раненые. Военные объекты не пострадали.

Сейчас еще нет 9 часов утра. Только кончилась небольшая тревога. И странно. Уже давно был

дан отбой, а я ясно слышала гуденье самолета и одиночные выстрелы зениток.

Вот и сейчас гудит. Это разведчик осматривает результаты работы вчерашних гостей.

Что ж, для начала неплохо. Сгорели вчера газовый завод, продовольственные Бадаевские склады, склады текстиль-сырья и товарно-разгрузочная станция Витебской железной дороги. А как вчера тряслся пол под ногами. Бомбы, наверно, крупного калибра. Да, хорош подарочек Гитлера. Но мы ответим, мы за все «им» ответим.

Кровь за кровь! Смерть за смерть! Эти звери в образе человеческом подвергают советских граждан, попавших в их лапы, таким пыткам, перед которыми бледнеют пытки мрачного средневекового застенка. Например, обрубают человеку руки и ноги и этот еще живой обрубок бросают в огонь.

Нет, они заплатят сполна. За погибших от бомб и снарядов ленинградцев, москвичей, киевлян и многих других, за замученных, изуродованных, раненых бойцов Красной Армии, за расстрелянных, растерзанных, заколотых, повешенных, погребенных живьем, сожженных, раздавленных женщин и детей они заплатят сполна. За изнасилованных девушек и маленьких еще де-

вочек, за повешенного мальчика Сашу, который не побоялся и надел красный галстук[65], за изрешеченных разрывными пулями маленьких ребятишек и женщин с младенцами на руках, за которыми эти дикари, сидящие за штурвалом самолетов, охотились ради развлечения, — за все, за все это они заплатят.

[65] Примечания: 65

…за повешенного мальчика Сашу, который не побоялся и надел красный галстук… — В «Ленинградской правде» днем позже был опубликован рассказ работника коммунального хозяйства г. Тарту А. Янсена об 11-летнем сыне его соседа Карла Веске, который в городском парке столкнулся с группой штурмовиков. «Заметив на мальчике красный галстук, — продолжает Янсен, — фашисты схватили пионера и потащили к высокому каштановому дереву. Один из бандитов принес веревку. С хладнокровием садистов они сделали петлю, надели ее на мальчика и повесили его на дереве» (Ленинградская правда. 1941. 9 сентября). Возможно, этот рассказ и слышала по радио Лена Мухина, но не исключено, что речь идет об аналогичном случае.

Сегодня 9-ое сентября

Сейчас 12 часов ночи. За сегодняшний день было девять тревог, из них две продолжались по два с лишним часа. Боже, как эти частые тревоги изматывают. По-моему, если в течение 10-ти дней сряду будет по 9 воздушных тревог, то в городе станет гораздо больше умалишенных, чем здравомыслящих людей. Я это говорю потому, что прошел только один такой день, а как уже люди нерв[н]ичают. На улицах суматоха, неразбериха. Люди мчатся по тротуару как угорелые. На трамваях висят, на троллейбус очередь. Это, конечно, легко сказать: были 9 В. Т. А какие это были В. Т: неистовствовали зенитки, грохотали, сотрясая все кругом, разрывы бомб.

Каждая В. Т. уносила с собой жизнь десятков людей. Каждая В. Т. — это разрушенные здания, это жертвы.

Девять В. Т. — это сотни человеческих жизней, это десятки разрушенных зданий, это завалы, пробоины, воронки.

Последняя, 9-ая В. Т. была жуткая. Я дежурила в домовой конторе с 9 до 11-ти. Здесь же сидела мама и еще одна общественница. То и дело со-

трясалась земля от разрывов фугасов. И за все время тревоги продолжали, не умолкая, гудеть самолеты, хотя зенитки неистовствовали. Бомбы разрывались, казалось, где-то совсем близко. И каждый раз мы инстинктивно съеживались, нам казалось, что вот-вот бомба попадет в наш дом. Но все обошлось благополучно.

10-ого сентября

Еще только 11 часов утра, а уже было 3 В. Т. Я теперь каждый раз хожу в бомбоубежище. Одеваюсь в зимнее, надеваю галоши и беру с собой мой маленький чемоданчик. Я теперь с ним не расстанусь до окончания войны, у меня там чистая тетрадь, Вовин портрет, деньги, 2 носовых платка, бутылка с чаем, хлеб и этот самый дневник. На крышке чемодана, внутри, я написала свой телефон и адрес, если что со мной случится, можно будет сообщить домой. Вот сейчас тревоги нет, а слышно, как бьют зенитки.

Боже, как наш город кишит врагами. Сколько уже выловили ракетчиков, и все-таки, как только ночной налет, предательские ракеты, выпущенные неуловимым врагом, показывают цель для бомбометания. Вот многие люди, которые вчера во время налета были у ворот, на чердаке, на крыше, говорили, что над местом, где находится банк (на Фонтанке), Витебский вокзал и другие важные объекты, до тех пор вспыхивали ракеты, пока туда не сброшены были бомбы.

Вот еще факт, где враг наглеет: во время налета, под носом у дежурных и дворников, какой-то

тип разлил на улице керосин и поджег его. Негодяя сейчас же задержали, но керосин удалось потушить не сразу, так как горящий керосин расползся по всей мостовой.

Четвертая тревога продолжалась около 2-ух часов. Сейчас 12–55 дня. Только что кончилась 8-ая В. Т. Сейчас около 5-ти. Кончилась 9-ая тревога.

Сейчас четверть 11-ого. Мама и Ака спят. У меня такое предчувствие, что скоро уже начнется ночное «представление». А сейчас я ложусь спать тоже. Я не ошиблась. Воет сирена. Половина 11-ого. Дан отбой 20 минут 1-ого.

30 минут первого снова В. Т. И только ровно в час отпустили наши души на покаяние.

11-ого сентября

Сейчас половина десятого. Уже были две В. Т. Во время второй В. Т. были сброшены бомбы. Нет, зря думают те люди, которые успокаиваются мыслью, что днем-де не страшно, днем только разведчики летают. А вот нет, и днем бросают бомбы. Жутко!

А разве теперь отбой даст спокойствие. Бомб бояться нечего, а снаряды. Каждую минуту тебя может убить снарядом. Вот и сейчас тревоги нет, а где-то что-то грохает.

Третий день изматываются люди. Нет спокойствия ни днем ни ночью. Одна В. Т. сменяет другую. Вчера было 10 В. Т. Третьего дня 9. Всего 21 В. Т. — это только за 2 с $^1/_2$ дня. И сколько впереди таких дней.

Рабочий — день и ночь у станка. В свободные часы — на посту. И только он придет домой на каких-нибудь 2–3 часа, как начинается В. Т. Одна В. Т. сменяет другую, и он идет [на] крышу, качаясь от усталости. Уже теперь большинство людей как сонные мухи. Идут ничего, но стоит присесть, глаза сами собой закрываются.

Сегодня хоть маленькая радость с фронта. На-

ши отбили у врага Вильно[66].

Я совсем уже измучилась. 5-ая тревога продолжалась час с четвертью. Не прошло и 5-ти минут, как снова В. Т. Уже 6-ая. Я теперь не раздеваю пальто. Грохочут раскаты дальнобойного орудия.

Настали тяжелые дни. И вот в эти-то дни как я горда, что и я ленинградец. На нас смотрит весь дружественный нам мир. За нами следит вся страна. К нам на помощь, на помощь ленинградцам, готовы придти тысячи и миллионы советских граждан.

Впереди еще столько трудностей, лишений, борьбы! Но немецкий сапог не вступит на наши улицы. Только когда умрет последний ленинградец, враг вступит в наш город. Но ведь и враг не бесчислен. Наши нервы напряжены, нервы врага тоже. Враг раньше нас обессилет. Так должно быть, и так будет.

Как приятно слышать, когда горнист играет отбой. Ведь этот звук трубы да «Интернационал» в 11 часов — это и вся «музыка», которую мы слышим. Давно уже по радио не слышно ни песни, ни

---

[66] Примечания: 66

Наши отбили у врага Вильно. — Вильнюс (Вильно), захваченный немцами 23 июня 1941 г., находился под их оккупацией по 13 июля 1944 г.

музыки. Только последние известия, передача для молодежи (вместо хроники) и изредка передача для старших школьников. А все больше разные подбадривающие внушительные статьи. Смысл все один и тот же: «Впереди тяжелые испытания и жертвы, но победа будет за нами. Мы не одни. С нами вся страна, с нами весь цивилизованный мир. Все следят за нами, все уверены в нашей победе. Ленинградец, собери все свои силы. Не позволь запятнать славное имя нашего города».

Рвутся фугасы, трясется земля.
Зарево красное, словно заря.
Злися, гадюка, бесись, но не взять,
Город родной мой тебе не отнять.

Вражья ракета встревожила тьму.
Мы за все это отплатим ему.
Земли советские кровь залила.
Гитлер за это заплатит сполна.

Рушатся здания, стекла звенят.
Летчики с свастикой город бомбят.
Наших зениток снаряды поют.
Сбросив свой груз, фашисты бегут.

Утра рассвет над домами стоит[67].
Раненый город тревожно молчит.
Трудятся люди, сил не жалея,
Чтоб его раны закрыть поскорее.

Город, тебя разрушает бандит.
Злобою лютой к тебе он горит.
Но не увидеть врагу никогда
Улиц широких, прямых как стрела.

Город, носящий имя вождя,
Город великий, творенье Петра.
Все как один желаньем горят,
Чтобы тебя отстоять, Ленинград.

---

[67] Примечания: 67
В тексте: стоял.

14/IX-41 года

Немцы стреляют в нас из дальнобойных орудий. Вчера подвергся обстрелу наш район. Наш дом пока цел, но вокруг нас, буквально вокруг нас падали снаряды: на Ивановской, на Разъезжей, 16, во Владимирском садике, на ул. Марата, на ул. Правды, около Большого драматического театра, недалеко от Александринского театра и в др. местах. Снаряды перелетали через наш дом, или не долетали до нас, или пролетали стороной. Но каждую минуту мы можем быть убиты. Почему наши не найдут и [не] разбомбят эти проклятые орудия. Казалось, что может быть проще, спустить 2 бомбочки по 2000 кг, и были бы спасены 1000 жизней. Ведь всем хочется жить. И тем, которые уже убиты, тоже хотелось жить. А среди убитых дети, грудные младенцы, старые люди, молодые: девушки, парни, всем так хотелось жить. Но снаряд не выбирает жертву, он слеп, этот зловещий кусок металла, он не щадит никого, и никак от него не убережешься, только и спасенье, что безвыходно сидеть в подвале. Но это невозможно для многих.

Я своими ушами слышала жужжанье непри-

ятельского снаряда, потом свист, треск и грохот рушащегося здания и гулкое эхо. Жутко! Страшно!

Но зато совсем нет В. Т.

Как ни странно, 10-ого было 10 В. Т., 11-ого — 11 В. Т., а 12-ого только 2 В. Т.: утром в 10 часов и вечером в 10 часов, причем ночная В. Т. не имела «представления». 13-ого, вчера, была только одна В. Т., и в такое время, когда никто не ожидал, в 3 часа ночи.

Мы, ленинградцы, за эти страшные 3 дня: 8, 9, 10-ое сентября привыкли к тому, что ровно около 11-ти выла сирена, все спешили в убежище (кому жизнь дорога) и начиналось представление: ракеты, гул самолетов, грохот фугасов, свист зажигательных бомб. Поэтому 11-ого многие уже заранее спустились вниз, а В. Т. продолжалась только полчаса. Но 12-ого начался интенсивный обстрел из орудий, и поэтому многие ночуют в бомбоубежище, особенно те, которые живут в 5-ом этаже той части здания, которая обращена в сторону, откуда стреляют.

И потом зря называется это подвальное помещение бомбоубежищем. Это, скорее, снарядоубежище, а перед бомбой не устоит. На основании наблюдений в эти 3 дня бомбардировки Ленин-

града стало известно, что почти всегда убежище или пробивалось насквозь, или его заваливало. Так, например, было на 5-ой Красноармейской улице. Бомба большой взрывной силы ударила в каменный, очень прочный 9-тиэтажный дом и разрушила большую часть его до основания, но одна часть стены, над самым тем местом, где находилось бомбоубежище, устояла, но грозила каждую минуту рухнуть, и поэтому невозможно было откопать засыпанных в убежище, надо было рушить стену, но пока это делали, многие из несчастных погибли.

19 сентября

Сегодня в 4 часа дня завыли сирены и гудки. Эта была 4 воздушная тревога. Я быстро оделась и продолжала читать книгу, я почему-то успокаивала себя мыслью, что днем бомбы не бросают. В общем, я не спустилась сразу вниз, но оделась.

Началась стрельба зениток. Все ближе, ближе. Дело в том, что за нашим домом на катке устроена военная площадка, там установлены зенитки. Это очень опасно. И вот когда зарявкали зенитки с катка, я решила, что пора итти. Когда я выбежала на лестницу, послышался совсем над головой, как мне показалось, жуткий вой и свист. Из квартир выскакивали люди и мчались стрелой вниз.

— Скорей, скорей, на нас летят бомбы! — закричал кто-то.

Мы помчались еще быстрей. Послышался какой-то глухой взрыв, потом еще и еще. Опять свист, вой, и опять взрыв. Мы инстинктивно съежились, нам казалось, что на нас рухнет потолок.

Наконец мы в бомбоубежище. Мы все тряслись. Мы были спасены. Но никто не верил этому счастью. И действительно, наше счастье, бомбы

упали не на дома, а на мостовую.

К вечеру мы узнали о результатах бомбардировки: были сброшены фугасные бомбы. 3 упали у 5-ти углов[68], 3 поразили расстояние от 5-ти углов до площади Нахимсона[69]. Одна бомба разрушила дом на Колокольной, и одна упала опять-таки на мостовую на ул. Правды. Благодаря счастливой случайности наш дом остался цел. Даже стекла целы. А на улице по обеим сторонам у тех мест, где упали бомбы, стекла выбиты. Да, я забыла еще сказать, что на площади Нахимсона бомба попала в трамвай, но пустой. Пассажиры уже все вышли.

Бомбы во многих местах разрушили трамвайную линию. Разорваны электрические провода, так что трамваи все стоят.

Да, жуткий денек, а сколько их таких еще впереди!

---

[68] Примечания: 68

...у 5-ти углов... — неофициальное название перекрестка, образованного пересечением Загородного пр. и улиц Ломоносова, Рубинштейна и Разъезжей.

[69] Примечания: 69

Площадь Нахимсона — ныне Владимирская пл.

22 сентября

Я пока жива и могу писать дневник.

У меня теперь совсем нет уверенности в том, что Ленинград не сдадут.

Сколько говорили, сколько было громких слов и речей: Киев и Ленинград стоят неприступной крепостью!!.. Никогда фашистская нога не вступит в цветущую столицу Украины, в северную жемчужину нашей страны — Ленинград. И что же, сегодня по радио сообщают: после ожесточенных многодневных боев наши войска оставили… Киев! Что же это значит? Никто не понимает.

Нас обстреливают, нас бомбят.

Вчера в 4 часа ко мне пришла Тамара, мы пошли с ней гулять. Первым делом мы пошли смотреть разрушенные дома. Это совсем близко. На Большой Московской, рядом с домом Веры Никитичны, бомба попала в дом и разрушила почти все здание. Но с улицы разрушений не видно, они со двора. В соседних домах, в том числе и в доме Веры Никитичны, отсутствуют стекла. На площади Нахимсона в 4-ех местах взломан асфальт, это следы от бомб. Далее, по стороне, где

зоомагазин, от загиба пр. Нахимсона до переулка, что напротив Нового ТЮЗа[70], также отсутствуют стекла. Но еще ужасней разрушения на Стрелькином переулке[71]. Там в одном месте разрушены здания по обеим сторонам переулка. Переулок засыпан обломками. Кругом ни одного стекла. Но страшней всего это вид одного здания: у него срезан весь угол и видно все: комнаты, коридоры и их содержимое. В комнате на 6-ом этаже у стенки стоит дубовый буфет, рядом маленький столик, на стене висят (это очень странно), висят старинные часы с длинным маятником. Спинкой к нам, как раз у той стенки, которая отсутствует, стоит диван, покрытый белым покрывалом.

Когда мы с Тамарой шли домой, нам повстречался Миша Ильяшев. Он все время нашей встречи как-то смущенно улыбался, чем смущал и нас. Мы поздоровались за руку. Поговорили.

---

[70] Примечания: 70

...Нового ТЮЗа... — Ленинградский новый театр юного зрителя, директором и художественным руководителем которого был Б. В. Зон, работал с 1935 по 1945 г., сначала в Ленинграде, а затем в эвакуации. Первоначально театр располагался на ул. Желябова (ныне Большой Конюшенной), потом на пр. Нахимсона (ныне Владимирском) // *Белинский А.* Храм довоенного детства. Из книги «Недосказанное» (http://www.theatre.spb.ru/seasons/ 2_2_2000/1_case/2.htm (11.03.2011)).

[71] Примечания: 71

...на *Стрелькином переулке.* — В «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (СПб., 2002) сведения о таком топониме отсутствуют.

Потом простились за руку. Он сказал, что идет в столовую чего-нибудь пошамать. Я опять вела себя не так, как следовало. Не смотрела на него, а только взглядывала. Я чего-то опять боялась. Миша очень возмужал, окреп. Руки у него заскорузлые, рабочие. Совсем изменился мальчик.

Простившись с Мишей, буквально через 5 шагов мы встретили Гришу Хаунина. Он нас не заметил или сделал вид, что не заметил, уж не знаю, но только мы так и прошли мимо.

Потом мы с Тамарой стояли в булочной в очереди за газированной водой, потом сидели полчаса в бомбоубежище, потом полчаса спорили, кто к кому пойдет. Победила я, мы пошли ко мне. Тамара застряла у меня из-за В. Т. до 8-ми часов, мы с ней общими усилиями написали записку от меня Вовке. Дело в том, что этот негодяй снова по-свински поступил со мной: весь дом красит известкой чердак, за нашу долю чердака надо заплатить 15 рублей. Мы с мамой решили, что выкрасим сами. Я решила позвать на помощь своего товарища, тем более ему это не ново. Я пошла к нему, его не было дома, я оставила ему записку, которую передала его отцу. Я просила притти и помочь мне. Но он не пришел. Если бы он был занят, он мог бы забежать и сказать, что «я, мол,

занят». Нет, непростительно. И даже если он был бы только знакомый (уж не говоря о товарище), то из рыцарского чувства, которое должно быть свойственно всем воспитанным мальчишкам его возраста, он должен был бы притти. Я написала ему очень крепкую записку и передала Тамаре для передачи ему. С Тамарой же мы сговорились, что, если будет ответ, она сама после 5-ти зайдет ко мне, если ответа не будет, я сама иду к ней.

Сегодня Тамара не пришла, я к ней тоже не пошла, так как все время воздушные тревоги. Вот я и не знаю, есть ответ или нет. А это весьма любопытно. По-моему, так: если Вова все же считает, что мы товарищи, и ему станет совестно за свое свинское обращение, то он, конечно, напишет ответ. Если эта записка явилась для него пустой бумажкой и ему нет до меня дела, ответа не будет. Хотя может быть и так: он покажет эту записку ребятам и они сообща настрочат мне ответ. Но тогда такой ответ не будет для меня иметь никакой цены.

4/X-41 г.[72]

Как давно я не писала. Но сегодня прорвалось. О Господи Боже мой, что с нами делают, с нами, ленинградцами, и со мной в том числе.

Я работаю в госпитале при Инст[иту]те охраны материнства и младенчества им. Клары Цеткин[73]. У нас, санитарок, суточное дежурство: с 9-ти утра до 9-ти утра следующего дня работаю, а потом сутки отдыхаю до 9-ти утра следующего дня. Итак, я должна спать через ночь. Это очень тяжело, но еще терпимо. Но когда вообще не приходится спать, а только дремать в бомбоубежище, это уже страшно. Вот сейчас без четверти 7 утра. С полвосьмого вечера вчерашнего дня до 6 часов утра было 6 воздушных тревог, из коих 2 продол-

---

[72] Примечания: 72

Здесь, а также в записях за 12, 13, 16 и 18-е числа ошибочно указан сентябрь. Исправлено, исходя из датировки событий, указанных в записи. См. комментарии.

[73] Примечания: 73

…Инст[иту]те охраны материнства и младенчества им. Клары Цеткин. — Научно-практический институт охраны материнства и младенчества был открыт 7 января 1925 г. В 1928–1932 гг. назывался НИИ охраны материнства и младенчества им. Клары Цеткин; с 1932 г. становится вузом (медвуз-больница); с февраля 1935 г. — Педиатрический медицинский институт; с 1995 г. — Педиатрическая медицинская академия.

жались по 3 часа, 2 по два часа, а остальные две по полчаса и по часу. Я работаю в госпитале, и работа очень трудная, но я понемногу привыкаю. Зато я в дни дежурств бываю сыта и получаю карточку первой категории с 400 гр. хлеба в день.

С того раза, как мы вечером сочиняли Вове записку и условились увидеться на другой день, я не видела Тамару. Вчера я написала ей записку и попросила Розалию Павловну передать ее Осе, чтоб он передал ее Тамаре. Так я до сих пор не знаю ничего о судьбе моего послания к Вове. Но я нисколько не раскаиваюсь, что так резко написала ему.

Как-то во время В. Т. я разговорилась с Идой Исаевной о дружбе между мужчиной и женщиной. Ведь любить можно только одного, а помимо любви можно дружить со многими мужчинами. Ида Исаевна рассказывала мне, что когда ей было еще 17 лет, у ней были друзья из мальчиков. И до сих пор их дружба ничем не омрачается. Из класса они дружили впятером, двое девочек и трое мальчиков.

У нас тоже ведь двое девочек: я и Тамара, и трое мальчиков — Вова, Миша, Яня. Почему же мы не дружим — не знаю. Разве мальчики плохо к нам относятся — нет. Разве они неподходящие для

дружбы — тоже нет, даже наоборот. Именно с таким типом мальчиков, как они, можно дружить. Но в чем же дело? Не знаю. Но, по-моему, мы не знаем, как подойти к друг другу.

Прямо обидно, прямо обидно. В суровые дни войны мы только впятером из всего класса остались в Ленинграде. Как бы могли за это время хорошо сдружиться на всю жизнь. Нам ведь никто не мешает. Нет ни Димы, ни Эммы, ни Розы, ни других девочек. Но!

У нас с Тамарой мало кипучий характер. Мальчики тоже какие-то сухие. Между нами отношения какие-то натянутые, уж очень мы почтительны друг к другу. Да еще Яня не очень подходит. Такой профессор, разве можно с ним дружить. Мы могли бы сдружиться, если бы у нас были простые, незатейливые отношения. Обыкновенные отношения между мальчиками и девочками. Если бы мы друг другу нравились. Если бы они заигрывали с нами. А мы держали себя.

5-ого

В ночь с 4-ого на 5-ое было еще страшней, чем в предыдущей ночи. Правда, было только 4 воздушных тревоги, а не 6. Но зато какие страшные. Непрерывно пол содрогался от разрывов фугасных бомб. Во время 2-ой тревоги я сидела рядом с двумя женщинами. Одна [моло]дая, другая пожилая. Молодая все плакала [и] причитала. Вскоре мы узнали от нее, что они пережили во время первой воздуш[ной] тревоги. Они с трамвая попали в одно [из] бомбоубежищ на Загородном проспекте. Они-то (мать и дочка) вошли в бомбоубеж[ище], но многие, особенно мужчины, остались у в[хода]. И в это время трахнула бомба и завалила вход в бомбоубежище, и всех, кто находился [у] входа, засыпало. Те, кто был внутри, остались целы, у них потолок только сл[егка] осел. Они вышибли одно из окон и через не[го] вылезли наружу. Они видели, как откапывали засыпанных, многие были живы, но помешались.

В третью тревогу было следующее: я проснулась от беготни по коридору, в это время завыла сирена. Я быстрее всех оделась и побежала вниз. Слышу на дворе громкие возбужденные голоса. Я

заглянула во двор. Слышу: «Горит, горит под воротами, на чердаке». Я ничего толком не поняла, поняла лишь то, что что-то горит в нашем доме. Я бегом помчалась к нам и предупредила своих об опасности, а потом также бегом спустилась в убежище. Там было полно народу. Какие-то полуодетые люди с детьми, большими чемоданами сидели и стояли. В это время началась пальба.

12-ого октября

Я буду работать в военном госпитале санитаркой. Буду помогать раненым бойцам. Большое спасибо Иде Исаевне. Это она все устроила. Буду помогать тем, [благо]даря которым я имею еще дом и родных. [Я] все силы отдам для этого. Дома я буду равноправным членом семьи. [Никто] не посмеет назвать меня паразиткой. [Ида] Исаевна говорит, что там много девушек-санитарок. Может быть, я подружусь с [кем-]нибудь из них. А бойцы, раненые — это все люди. И может, среди раненых [найду]тся мальчишки, 17–18-летние ребята. [Мо]жет быть, я приглянусь кому-нибудь и я найду друга. Да я ни минуты не [за]думаюсь, итти мне санитаркой [или] нет.

[Коне]чно, я пойду и буду помогать родным, [и бу]ду иметь свои деньги, и буду [рав]ноправной.

Прочь сомненья, печаль.
Я гляжу смело вдаль.
Скоро увидишь труд малый мой,
Город прекрасный, город-герой.

Помощь, ласка, любовь

Тем, кто пролил за нас кровь.
Мы, ленинградцы, все отдадим,
Город от черной чумы отстоим.

Из Лондона нам шлют братский привет. Они говорят нам: «Темза родная сестра Неве. Лондон и Ленинград — братья по [борьбе] против фашистских зверей»[74].

Без десяти четыре. Кончилась 7-ая тревога. Голова трещит. Спать хочется. Ко[нчилась] 8-ая В. Т. Ко мне пришла Тамара. Мы поговорили, опять В. Т. Пошли в убежище, наговорились досыта. Отбой. Я упросила Тамару подняться ко мне еще на полчасика. Но когда мы вошли уже в ку[хню], опять завыла сирена. Опять мы спус[тились], на этот раз ненадолго. В убежище встретили Капу Лобанову, поговорили с ней. Потом Тамара ушла. Как [мне с] ней хорошо. Как свободно мы с ней [бол]таем о чем вздумается.

---

[74] Примечания: 74

Из Лондона нам шлют братский привет. — Не совсем ясно, строки из какого приветствия из Англии цитирует автор дневника. В эти дни многие английские организации выражали свою поддержку ленинградцам. Так, в «Ленинградской правде» в течение нескольких дней были напечатаны приветствия Оксфордского университета Ленинградскому государственному универси-тету, Британского музея Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, английского отряда противовоздушной обороны Северо-Восточной Англии защитникам Ленинграда (см.: Ленинградская правда. 1941. 8, 10, 11 октября).

Сейчас без четверти восемь. Было уже десять В. Т.

Интересно, Тамара не любит маленьких детей. А я обожаю. Тамара не может выносить, когда они плачут. Плач ее бесит. Ей хочется треснуть плачущего по голове чем-нибудь тяжелым. А мне при виде плачущего ребенка хочется его приласкать, чтоб он проникся ко мне доверием.

12[75] – ого октября

Я уже совсем свыклась с работой. Больные меня любят. 8-ого впервые увидела мертвого. В этот день в нашем отделении умерли сразу двое: женщина, она беременна была и ранена в живот. Мужчина, он умер от газовой гангрены. Я совсем [не] боюсь мертвых. Мне только до слез их жалко. [Особе]нно мужчину, ведь еще недавно я видела его жи[вым], он, как и другие, улыбался, курил папиросу, и лицо его мне очень понравилось, такой молодой, симпатичный. Потом его взяли в перевязочную, и там его продержали часов 5. [С ни]м совершали всяческие процедуры: пере[лива]ние крови, впрыскивание[76] и др. Наконец его [вывез]ли в коридор, и я узнала, что его повезут в операционную отрезать ногу. [Он] лежал и улыбался, потом его увезли. [А] когда его привезли, его нельзя было [узна]ть, он тяжело дышал, мучительно [сто]нал, бледный, трепещу-

---

[75] Примечания: 75

Текст в этом месте поврежден. Возможно, продолжена запись за 12-е число.

[76] Примечания: 76

В тексте: вспрыскивание.

щий. Вот ка[ким] я его помню перед смертью. А потом [меня] погнали за кислородом в аптеку. И вот я прибегаю, мне встречается в коридоре врач и говорит: «Мухина, мо-жете не торопиться, кисло[род] больше не нужен, он умер». Я не верю своим ушам, вбегаю в свое отделение, а он уже лежит, вынесен из палаты, лицо простыней прикрыто. Жутко.

А 7-ого была самая большая из всех тревог. С полвосьмого до пол 2-ого. Ровно 6 часов. Мы с Тамарой сидели в бомбоубежище. Подумать только, 6 часов.

А вчера (меня дома не было), говорят, были страшные тревоги. На наш район было сброшено много фугасных бомб. Многие из них не разорвались, и их успели обезвредить. Говорят, на Ямской[77] разорвались 6 фугасных бомб.

Завтра (если я доживу до завтра) я увижу Тамару.

---

[77] Примечания: 77

…на Ямской… — Автор употребляет старое название. В 1915 г. Ямская ул. была переименована в ул. Достоевского.

13-ого октября

Сейчас $^1/_4$ 8-ого.

Только что кончилась воздушная тревога. Она продолжалась недолго, но зато какая страшная. Наш Загородный был засыпан зажигательными бомбами. Я решила итти не в бомбоубежище, а сразу в домовую контору, так как я сегодня там дежурю с 8-ми до 11. Когда я вышла на улицу, то сразу же увидела, что в стороне Витебского вокзала полыхает трамвай, с крыш падают зеленые звездочки, куски горящего фосфора. У Пяти углов, в том доме, где радиоэлектропринадлежности, такая еще башенка наверху, так вот, у самой этой башенки горело.

А у нашего дома стояла «девятка». Так вот, зажигательная бомба упала на трамвайную линию возле самого вагона. И если б не наши ребята, которые потушили ее, трамвай бы загорелся. Ребята из нашего дома спасли трамвай. Где-то близко упала фугасная бомба, так что весь дом до основания содрогнулся. Да, настали денечки. А сегодня днем мы с Тамарой ходили в кино «Октябрь» и смотрели новые фильмы, они все маленькие, с крошечным концертом, «Старая

гвардия» и «Приключения Корзинкиной»[78]. Последний фильм очень комичный, веселый, мы от души нахохотались.

[78] Примечания: 78

…мы с Тамарой ходили в кино «Октябрь» и смотрели новые фильмы, они все маленькие, с крошечным концертом, «Старая гвардия» и «Приключения Корзинкиной». — 16 октября 1941 г. «Ленинградская правда» опубликовала в рубрике «Кино» анонс: «Смотрите новые художественные фильмы: 1) Скрипичный концерт. Режиссер-орденоносец В. Петров; в главной роли — артист Бонди. 2) Старая гвардия. Режиссер-орденоносец С. Герасимов; в главной роли — Б. Пославский и артист Блинов. 3) Приключение Корзинкиной. В главных ролях — артистка-орденоносец Янина Жеймо и артист цирка — орденоносец Мусин. Производство ордена Ленина киностудии «Ленфильм». Художественный руководитель Ф. Эрмлер». Однако премьера фильмов состоялась раньше, 9 октября 1941 г., и сразу в 10 кинотеатрах города. Примечательно, что в репертуаре ленинградских кинотеатров упоминался только фильм «Приключения Корзинкиной», хотя в действительности, как явствует из дневника Лены Мухиной, зрители могли увидеть сразу все три короткометражные ленты.

16-ого октября

Наступила зима. Вчера выпал первый снег[79]. Немцы непреодолимой стеной напирают на нас. Страшно посмотреть на карту. Последние сведения удручающие. Наши войска оставили Мариуполь, Брянск, Вязьму[80]. Напряженные бои идут на Калининском направлении. Ну, это уже значит, что Калинин можно считать взятым. Ведь это жуть что делается. Вязьма в 150 км от Москвы. Значит, немцы в 150 км от Москвы. Сегодня по радио впервые объявили: «На Западном фронте положение тяжелое. Немцы сконцентрировали огромное количество танков и мотомеханизированной пехоты и прорвали нашу оборону. Наши войска, неся огромные потери, отступили». Вот

---

[79] Примечания: 79

О первом снеге в середине октября 1941 г. упоминали и другие горожане. «Со вчерашнего дня Ленинград покрылся белым налетом. Выпал снег», — записал 15 октября в дневнике театральный художник А. А. Грязнов (см.: *Грязнов А. А.* Дневник 1941–1942 гг. // Человек в блокаде. Новые свидетельства. СПб., 2008. С. 35). А 21 октября исполком Ленгорсовета принял решение о начале отопительного сезона с 25 октября (см.: Ленинградская правда. 1941. 21 октября).

[80] Примечания: 80

Наши войска оставили Мариуполь, Брянск, Вязьму. — Немцы оккупировали Брянск 6 октября 1941 г. На следующий день была захвачена Вязьма, а 8 октября — Мариуполь.

что сообщило нам радио. Никогда еще нам ничего подобного не сообщали.

Настроение подавленное. Начинает казаться, что нам уже не суждено увидеть светлые дни. Не суждено дожить до светлого, радостного мая.

Немцы, наверно, превратят Ленинград в развалины, потом займут его. Мы все, кто успеет убежать, будем жить в лесах. И там мы умрем, или замерзнем от холода, или умрем от голода, или нас убьют.

Да, наступила страшная зима, холодная и голодная для многих тысяч людей. Сегодня ко мне придет Тамара, и мы с Акой будем заниматься по-английски. Завтра я опять иду на работу. Там тоже не легче. Умерла Анечка и еще две женщины. Я почти все прошлое дежурство сидела у постели одной умирающей.

Мельком видела Валерия, он, по-видимому, не будет у нас работать. Он стоял в коридоре без халата, я его не узнала. Он первый со мной поздоровался. Хороший мальчишка, жаль, что наше знакомство было так непродолжительно.

Сегодня во сне и вчера днем, когда спала, мне все снился Вовка. Как будто он пришел ко мне совсем раздетый, голодный и я его накормила, одела, и он меня очень благодарил и сказал, что

только теперь очень осознает, что такое настоящий друг. А потом за мной кто-то бежал с ножом. И меня уже совсем настигали, это было в саду осенью, вдруг вижу, идут Вовка с мальчишками, и он подставил моему преследователю подножку, и я была спасена и еще, и еще что-то.

18-ого октября

Вчера вечером было очень страшно. В 8 часов начались В. Т. Как раз больным раздали ужин. Сразу стали стрелять зенитки очень близко. Потом вдруг как грохнет и послышался звон разбитых стекол. Я как раз находилась в палате женщин. Они сразу же закричали, застонали, со многими сделалась истерика. Прибежали Анисимов, дежурный врач. Кое-как успокоили больных. Когда немножко поутихло, я и другая санитарка понесли посуду в буфет. Мне сказали, что можно выскрести котел с остатками каши. Я стала подъедать остатки, а в это время за окном были слышны какой-то странный шум, слышались крики, свистки милиционеров. Я спросила одну из нянечек, что там такое. Она очень удивилась: «А ты разве не знаешь, ведь пожар, вот, через улицу, завод Карла Маркса горит. Вот иди посмотри». Она повела меня в ванну и отвернула штору. И я увидела, что на улице светло, светлее, чем днем. И из этого света вырываются огромные языки пламени и клубится красный дым. Да, это был огромный пожар на заводе Карла Маркса, через улицу от нашего корпуса. Теперь я сразу

поняла, что это за шум. Там работали пожарные, шумели подъезжающие пожарные машины, гудели насосы, слышались крики команды. Пожар загасили только к 4 часам утра.

В эту же ночь умерла Владимирова, а привезли новую больную, раненную в голову, и больного мальчика 17-ти лет. Он ранен в шею, был пожарником на крыше.

11-ого XI[81]

Уже ноябрь. Везде лежит снег. Мороз. Я хожу в школу[82], учусь, и все, что мне пришлось пережить в октябре, кажется мне сейчас тяжелым сном. Даже трудно себе представить, что еще совсем недавно я вставала в 6 часов. Без четверти семь мы с мамой уже выходили из дому. Холодно, темно. Потом трамвай, битком набитый народом, проходная, сад с протоптанной напрямик тропинкой. Я раздеваюсь, и вот я уже в белом халате, в белой косынке… Вот они, больные, судна, судна, понукания: Лена, иди туда, Лена, иди сюда, Лена, сбегай в аптеку, Лена, сбегай в лабораторию, Лена, отнеси мочу на анализ. Да, это не сон, это правда. Я зарабатывала деньги. И вдруг меня уволили. И вот я опять в школе. Я учусь в

---

[81] Примечания: 81

В тексте: X. Кроме того, в первом предложении ошибочно указан октябрь вместо ноября, а в четвертом — сентябрь вместо октября. Исправлено, исходя из датировки событий, указанных в записи. См. комментарии.

[82] Примечания: 82

Я хожу в школу… — По постановлению исполкома Ленгорсовета от 26 октября 1941 г. для учеников 7–10-х классов учебный год начинался в школьных зданиях с 3 ноября (см.: [Воспоминания Л. Е. Раскина] // Оборона Ленинграда. 1941–1944. Л., 1968. С. 747).

30-ой школе на Чернышевом, 30[83]. Из нашего класса еще вчера было 5 человек мальчиков и 4 девочки: Миша И., Миша Ц., Вова И., Яня Я., Ося Б. и Тамара А., Надя К., Лида С., Белла К. да еще Галя В. Да, еще вчера я видела Вову, а сегодня все 5 человек не пришли. От Тамары я узнала, а она узнала от Оси, когда встретилась с ним сегодня утром в коридоре, узнала, что Миша И., Миша Ц., Яня, Вова Иткинсон перешли в другую школу, а именно в 36-ую на Бородинской. Как все на свете неустойчиво.

8 лет мы с ними учились в одном классе. Мы были, так сказать, товарищами, и вдруг они, ни слова нам не говоря, даже не попрощавшись, ушли, исчезли. Вова, я же его так (не стоит говорить). Мы же были одно время так близки друг к другу, мы же вместе ходили в кино, мы же вели такие горячие беседы, мы же были товарищами, и вдруг он, его имя, его лицо вычеркивается из моей жизни, вычеркивается навсегда. Я не могу понять, как это они решились. Неужели

---

[83] Примечания: 83

Я учусь в 30-ой школе на Чернышевом, 30. — Школа № 30 располагалась в доме № 13 по Чернышеву (ныне Ломоносова) пер. По решению исполкома Ленгорсовета от 14 января 1941 г. она получила новый номер — 318. После зимних каникул занятия в школе не возобновлялись. С мая по июль 1942 г. работала школа № 319 (бывшая 32-я), размещавшаяся в соседнем здании (в доме № 11 по Чернышеву пер.).

это так просто, взять и перейти в другую школу, ради чего? По какой причине? Ничего этого они не объяснили. Неужели мы ничем не связаны с ними? Неужели для них 8 лет ничего не значат? Как они осмелились на такой шаг? Нет, это неправдоподобно. А почему неправдоподобно? Наоборот, все так просто! Проще простого! Какая же я чудачка! Надо привыкать. Все так и делается в наше время.

Привязанность! Чувство товарищества! Нет, эти понятия так же далеки от нас, нынешней молодежи, как мы от солнца.

Итак, все кончено. Вова, мы знали друг друга и расстались. Все рассеется как дым, и мы забудем друг друга, и, только когда ты как-нибудь будешь просматривать альбом с фотокарточками, ты вспомнишь, что была когда-то такая Лена Мухина, простодушная девочка, и улыбнешься, прочтя на обороте фотокарточки: «Гадкому утенку от Лены». Может быть, судьба еще где-нибудь столкнет нас с тобой, но, Вова, я тебя никогда не забуду.

Я тебя всю жизнь помнить буду.
Я тебя не могу не любить.
Я тебя никогда не забуду
И с тоской о тебе буду жить.

Пусть ты самый последний негодяй на земле. Низкая тварь, недостойная внимания. Но нет, ты первая моя любовь, ты тот мальчишка, который первый, сам того не зная, зажег у меня что-то в душе, и это что-то будет гореть во мне, пока я жива, то ярко вспыхивая и обдавая все мое существо горечью досады и обиды на что-то, то медленно тлея. Ты для меня самый дорогой человек на земле. Будь же счастлив в своей жизни, не ведай никаких забот и печалей.

Дай Бог тебе всего наилучшего.
Прощай, Вовка!
Прощай.

Фу ты, я совсем разнервничалась. И стоит ли. Найдутся другие мальчишки, другие ребята. В нашем классе есть мальчишки лучше Вовки. Вовка Фридман, Генька К. и др. А вожатый Толька, как он похож на Андрея. И голосом, и манерами. И Генька, что сидит сзади меня, тоже хороший парень, только мне кажется, что он тихоня. Ну да ничего, мы еще успеем узнать друг друга.

Не унывай, Лена. За первой любовью всегда следует вторая.

Смелей, вперед.

Если я останусь жива, все пойдет как по маслу.

Но вот останусь ли я жива. Каждый день в наш город посылаются по воздуху довольно неприятные гостинцы. Ленинград окружен. Враг окружает Москву. Немец под Тулой[84]. Занята вся Украина. Донбасс. США нам помогают оружием и продовольствием. Что будет дальше, неизвестно. Но что бы то ни было, я хочу жить, и, пока я живу, я хочу любить, а кого, это мы еще посмотрим. Может быть, вот в этом новом классе среди этих новых мальчишек сидит мой будущий друг.

[84] Примечания: 84

Немец под Тулой. — Тульская оборонительная операция продолжалась с 24 октября по 5 декабря 1941 г.

12/XI[85]

Каждый день страшные бомбардировки, каждый день артиллерийский обстрел.

[85] Примечания: 85
В тексте здесь и в записях за 16 и 22-е числа ошибочно поставлено: X.

16/XI

Опять воздушная тревога. Как половина восьмого вечера, так пожалуйте, немец тут как тут.

Сегодня день прошел как-то гадко. Ака ушла искать чего-нибудь съедобного в 9 часов утра и пришла только в 5 часов. Мы с мамой уже смирились с мыслью, что Ака ничего не достала и мы не будем вообще сегодня обедать, и вдруг Ака явилась, и не с пустыми руками, а со студнем. Принесла 500 гр. мясного студня. Мы сразу сварили суп и поели горячий суп по две полных тарелки. Как мы сейчас живем, еще сносно, но если положение ухудшится, то не знаю, как мы это переживем. Раньше, еще сравнительно совсем недавно, мама могла получить у себя на работе суп без карточки, и у нас в школе уже первый раз дали суп. Но на другой же день вышло постановление о том, что суп давать тоже по карточкам.

150 грамм хлеба нам явно не хватает[86]. Ака утром покупает себе и мне хлеба, и я до школы

---

[86] Примечания: 86

150 грамм хлеба нам явно не хватает. — С 13 ноября 1941 г. служащие, иждивенцы и дети до 12 лет получали по 150 г хлеба. Ежедневная норма снабжения рабочих и ИТР составляла по 300 г.

почти все съедаю и целый день сижу без хлеба. Прямо не знаю, как и быть, может быть, лучше поступать так: через день в школьной столовой брать второе на 50 грамм по крупяной карточке и в тот день хлеба не брать, а в другой день питаться 300 граммами хлеба. Надо будет попробовать. А вообще, самочувствие неважное. Все время внутри что-то сосет. Скоро, 21-ого этого месяца, у меня день рождения, мне исполнится 17 лет. Как-нибудь отпраздную, хорошо, что это первый день третьей декады, так что конфеты будут обязательно. Как хочется поесть.

Когда после войны опять наступит равновесие и можно будет все купить, я куплю кило черного хлеба, кило пряников, пол-литра хлопкового масла. Раскрошу хлеб и пряники, оболью обильно маслом и хорошенько все это разотру и перемешаю, потом возьму столовую ложку и буду наслаждаться, наемся до отвала. Потом мы с мамой напекем разных пирожков, с мясом, с картошкой, с капустой, с тертой морковью. И потом мы с мамой нажарим картошки и будем кушать румяную, шипящую картошку прямо с огня. И мы будем кушать ушки со сметаной и пельмени, и макароны с томатом и с жареным луком, и горячий белый, с хрустящей корочкой

батон, намазанный сливочным маслом, с колбасой или сыром, причем обязательно большой кусок колбасы, чтобы зубы так и утопали во всем этом при откусывании. Мы будем кушать с мамой рассыпчатую гречневую кашу с холодным молоком, а потом ту же кашу, поджаренную на сковородке с луком, блестящую от избытка масла. Мы, наконец, будем кушать горячие жирные блинчики с вареньем и пухлые, толстые оладьи. Боже мой, мы так будем кушать, что самим станет страшно.

Мы с Тамарой решили писать книгу о жизни в наше время советских ребят так[87] 9-ого, 10-ого классов. О мимолетных увлечениях и о первой любви, о дружбе. Вообще написать такую книгу, которую мы хотели бы прочесть, но которой, к сожалению, не существует.

Отбой, отбой воздушной тревоги. Сейчас четверть девятого. Пора идти спать. Завтра в школу.

До следующего раза.

---

[87] Примечания: 87
Слово читается предположительно.

21 ноября 1941 года

Вот и наступил мой день рождения. Сегодня мне исполнилось 17 лет. Я лежу в кровати с повышенной температурой и пишу. Ака ушла на поиски какого-нибудь масла, крупы или макарон. Когда она придет, неизвестно. Может быть, придет с пустыми руками. Но я и то рада, сегодня утром Ака вручила мне мои 125 гр. хлеба[88] и 200 гр. конфет. Хлеб я уже почти весь съела, что такое 125 гр., это маленький ломтик, а конфеты эти мне надо растянуть на 10 дней. Сперва я рассчитала по 3 конфеты в день, но уже съела 9 штук, так что решила съесть сегодня ради моего праздника еще 4 конфеты, а с завтрашнего дня ст[р]ого соблюдать порядок и есть по 2 конфеты в день.

Положение нашего города продолжает оставаться очень напряженным. Нас бомбят с самолетов, обстреливают из орудий, но это все еще ничего, мы к этому уже так привыкли, что просто сами себе удивляемся. Но вот что наше продо-

---

[88] Примечания: 88

...Ака вручила мне мои 125 гр. хлеба... — Самая низкая норма хлебного пайка в Ленинграде была установлена с 20 ноября 1941 г. Рабочие и ИТР получали по 250 г, а служащие, иждивенцы и дети до 12 лет — по 125 г хлеба.

вольственное положение ухудшается с каждым днем, это ужасно. У нас не хватает хлеба. Надо сказать спасибо Англии, что она нам кое-что присылает. Так, какао, шоколад, настоящее кофе, кокосовое масло, сахар — это все английское, и Ака очень этим гордится. Но хлеба, хлеба, почему нам не присылают муку, ленинградцы должны есть хлеб, иначе понизится их работоспособность. Все говорят, и по радио только об этом и говорят, что скоро мы отбросим врага от Ленинграда, что теперь осталось недолго. А как враг будет отброшен, в Ленинград прихлынут живительные потоки продовольствия. Но пока надо терпеть. Да, и мы терпим, но как это тяжело. Иногда даже отчаиваешься, думаешь, нет, п[о]дохнем мы все как мухи, не видать нам светлого дня победы. Но такие мысли надо гнать прочь. Это вредные мысли. Боже мой! Как хочется, чтобы и Ака, и мама Лена, и я, и все мы благополучно это тяжелое время пережили и могли снова жить, дыша полной грудью. Как хочется, чтобы мама опять пополнела и чтобы Ака тоже чувствовала себя хорошо. Я так боюсь за маму и за Аку. Ведь настоящего голода они не переживут. А неизвестно, что нас ждет впереди. Может быть, хлеб будут давать через день или через два дня, и в столовых

ничего не будет, что тогда! Но нет, до этого не должны допустить! Англия и США должны нас подкармливать. Ведь это в их интересах, чтобы немцы потерпели поражение под Ленинградом. Ведь победа под Ленинградом — это самая лучшая помощь Москве. А разгром немцев под Москвой приблизит дни, когда свершится перелом в ходе этой исторической войны, а именно начнется отступление врага. Но скорей бы, скорей бы это было. Каждый день несет надежды о прорыве вражеского кольца вокруг Ленинграда.

Пришла ко мне Тамара и… и ничего не принесла. Дело в том, что вчера я дала ей свои карточки на крупу и мясо и просила сегодня взять в нашей школьной столовой обед, а именно 2 вторых на крупу, и если еще можно, то и на мясную карточку 2 котлетки или 2 порции колбасы, что будет. Она обещала.

У нас сегодня с Акой была вся надежда только на то, что принесет Тамара. Мы решили из второго, будь это каша, или макароны, или что-либо другое, Ака сделает прекрасный густой суп, 2 кастрюльки, а котлеты мы разделим на 3-их как ради праздника, будем кушать бутерброд с котлетой. И вдруг, о ужас! Тамара приходит и ничего не приносит, ничего, ни второго, ни супа,

ничего… Рассерженная, надутая, она клянется, что никогда, ничего, никому больше не будет обещать, ничего не будет делать. Из ее рассказа я понимаю только то, что она 2 переменки стояла в очереди и ей не хватило. Второе кончилось, тогда она купила одну порцию супа и пролила его. Как ей это угораздило его пролить, я до сих пор не понимаю. Но только я одно понимаю, что это все ужасно.

Скоро придет Ака, замерзшая, усталая и, наверно, с пустыми руками. Тогда гроб. Она узнает, что Тамара ничего не принесла, и я не знаю, как она это переживет. А потом придет мама, усталая, голодная, она постарается придти сегодня пораньше, она знает, что у меня сегодня день рождения, и, Боже мой, что будет, если Ака не успеет ничего состряпать. Да, мы действительно «отпразднуем» мой день рождения. Нет, я не буду ни при Аке, ни при маме защищать Тамару, но я не хочу ее и ругать. С человеком случилось несчастье, ведь это несчастье, это все равно что если бы у нас украли карточки или еще что-нибудь в этом роде. Со всяким ведь может случиться несчастье.

Конечно, обидно, обидно до слез, что как раз в мой день рождения мы будем сидеть без обеда, голодные, и все из-за моей самой лучшей подруги.

Ну что ж, теперь можно и съесть тот кусочек хлебца, который я берегла для котлеты. А потом постараться заснуть, заснуть до завтра.

Дорогая, золотая мамочка придет голодная. Я прижму ее к своему сердцу, крепко, крепко обниму и скажу ей о постигшем нас горе. И она, я думаю, не будет сердиться. Ведь она что-нибудь, наверно, там поест. Только бы она не сердилась, не омрачала моего праздника. Больше мне ничего не надо. Мы выпьем по рюмке вина, а потом будем пить чай с конфетами.

Только бы не ссориться, только бы все было тихо и мирно. Вот в чем мое горячее желание.

Уже без $^1/_2$ 7, а мамы все нет. За окном отчаянно бьют зенитки, длится 2-ая тревога. Уже и задаст нам сегодня Гитлер трепку и за вчера, и за сегодня.

Да, так, как и предполагалось, так и случилось. В 5 часов пришла Ака, уставшая, замерзшая, с пустыми руками. Она стояла за вермишелью, и ей не хватило. Тетя Саша стояла ближе, получила, а Ака нет. Тетя Саша даже не взглянула на Аку. Какая сволочь! Не могла поставить старушку перед собой. Боже, нельзя себе представить, как нам не везет. Как будто все боги и дьяволы ополчились против нас.

Ужасно хочется есть. В желудке ощущается отвратительная пустота. Как хочется хлеба, как хочется. Я, кажется, все бы сейчас отдала, чтобы наполнить свой желудок.

Когда же мы будем сыты? Когда мы перестанем мучиться? Когда же мы сможем покушать чего-нибудь плотного, сытного, целую тарелку каши или макарон, все, на одном жидком далеко не уедешь. А мы уже месяц с лишним питаемся одной жижей. Нет, так жить немыслимо. Господи, когда же конец мучениям!! И это мой праздник, мой день рождения, который бывает только раз в году. Я помню, в этот день Ака всегда пекла пирог и крендель. Мы сидели за столом, пили чай, вино, чокались. На столе всегда были конфеты, пирожное, а иногда и торт, и бутерброды с колбасой и сыром. В этот день, особенно [в] последние годы, у нас не бывало гостей, но мы втроем по-настоящему справляли этот праздник. Нет, никогда мне не забыть 21-ое ноября 1941 года. Всю жизнь буду помнить я этот день. 21-ого ноября 1942 года (если я буду еще жива) я вспомню, отрезая огромный ломоть черного хлеба и мажа его толстым слоем масла, я вспомню этот день таким, каким он был год тому назад, в 1941 году, и этот толстый ломоть хлеба с маслом будет для меня роскошней всех

деликатесов, всех вкусных вещей, вместе взятых, всех пирожных, всех тортов. О Боже, с каким удовольствием я буду откусывать и жевать этот хлеб, хлеб, настоящий хлеб.

Мамочка, милая, мамочка, где ты. Ты лежишь в земле, ты умерла. Ты успокоилась навсегда[89]. Я, я, я мучаюсь, страдаю, страдаю вместе с сотнями и миллионами советских граждан, и из-за кого, из-за бредовой фантазии этого психа. Он решил покорить весь мир. Это безумный бред, и из-за него мы страдаем, у нас пусто в желудках, и полно мученья в сердцах. Господи, когда все это кончится. Ведь должно же это когда-нибудь кончиться!?!!

---

[89] Примечания: 89
См. прим. 32.

22/XI

Сегодня утром можно сказать, что я отпраздновала свой вчерашний день. В 7 часов Ака ушла за шоколадом, и в 9 часов она дала мне чай, мой хлеб, 125 грамм, и 50 грамм шоколада, настоящего английского шоколада. О таком шоколаде можно только мечтать. У нас никогда не было настоящего заграничного шоколада. Настоящий английский шоколад, жирный, душистый, твердый, тяжелый, красивый. Разделен на большие плитки. 50 грамм — 4 таких плитки. Значит, одна плитка 12 с $^1/_2$ гр. А какой вкусный, горько-сладкий, ну, одним словом, настоящий шоколад, прямо из Индии.

Если в Ленинграде не будет хватать хлеба и будут вместо него давать шоколад, то мы не умрем с голоду. А шоколаду нам Англия, наверно, привезла достаточно и еще привезет. На детскую карточку выдают такие английские продукты, как настоящее саго, изюм, (нрзб.). Но это все на детскую карточку, на нее же дают манную крупу и рис.

Вот это суп, всем супам суп! Ака принесла его из школы. И ведь экая досада, как мы сразу не

догадались, ведь Ака могла и вчера прекрасно пойти и взять обед и незачем было это поручать Тамаре.

Сегодня Ака там взяла 2 вторых, а именно порция рисовой каши с кусочком масла. Один кусочек масла Ака дала мне, а другой кусочек положила в рис и сварила такой чудесный суп, такой вкусный, и много, чтобы каждый получил 1 полную тарелку и еще три поварешки добавки.

Теперь мы все перестроим. Я забираю все три крупяные карточки и рассчитываю так, чтобы хватило на всю декаду, а именно на 8 дней. Хорошо, если б вышло бы по 100 гр. крупы в день, ну, в крайнем случае, будем брать по 75 гр., т. е. один суп и одно второе.

В моей скляночке вместо 3 добротных плиток шоколада, как я сперва предполагала, остался один ничтожный огрызочек, который я тоже скоро съем, потому что смешно оставлять такой кусочек. А что осталось от моих конфет? Вчера же Ака передала мне пакетик с конфетами. Я их сейчас же сосчитала. Их было 34 штуки, круглых нарядных конфеток. 4 конфеты я обменяла на 2 соевых. Сегодняшний день увидели только 5 несчастных конфеток. Куда же делись остальные? Да, я их всех съела вчера, ведь я же вчера не

обедала. Да, я вчера питалась хлебом и конфетами. За вчера я съела 25 штук этих конфет, утешая себя мыслью, что сегодня мой день рождения, сегодня я поем, а уж завтра не съем ни одной. Но наступило «завтра», и те 5 бедняжек, что остались помилованы мною, тоже нашли свой конец в моем бессовестном рту. И уж прямо стыдно, ну, вчера я была голодная, ну, другое дело. Но сегодня, сегодня я имела хлеб, шоколад, суп, кажется, можно было оставить эти несчастные жертвы в покое, все равно они обречены на съедение, дать бы им пожить еще денька два. Но нет, я не вытерпела, долго крепилась, наконец съела одну, ну а это значило, что теперь я не остановлюсь, пока не уничтожу все, что есть под рукой съедобного. И я принялась есть и съела все конфеты и весь шоколад. А впереди 8 дней. И я опять буду 8 этих дней пить чай без всего и досадовать, как это мне угораздило съесть в один день 25 штук конфет.

Моя плитка, красивая плитка настоящего английского шоколада, где ты? Почему я тебя съела? Такая нарядная, только и любоваться тобой, а я тебя съела. Какая я свинья. Теперь только одна надежда, т. е., вернее, одно утешенье, если мама пожелает поделиться с нами, то я получу еще одну плитку. И я не буду ее есть, нет, Боже

сохрани. Я буду ею только любоваться и съем ее только тогда, когда у мамы не останется ни крошки шоколада.

Сейчас я перечла опять весь свой дневник. Боже, как я измельчала. Думаю и пишу только о еде, а ведь существует, кроме еды, еще масса разных вещей.

Как расшалились немцы. Стреляют и стреляют из дальнобойных. Ну, ничего. Скоро их успокоят. Сейчас над самыми крышами пролетел самолет как раз в ту сторону, откуда стреляют.

Город продолжает нормально жить. Заводы выпускают свою продукцию. Магазины торгуют. Кино, театры, цирк работают[90]. Школьники учатся. Правда, жизнь перестроилась на новый лад: газ не работает, керосин не продается, люди варят обед в печках, на дровах, на щепках. Но большинство людей прикреплено к разным столовым. Теперь мало кто спускается в бомбоубежище, так как люди истощены систематическим недоеданием и истомлять себя хождением по

[90] Примечания: 90

Кино, театры, цирк работают. — В этот день, судя по репертуару театров и кино, в Ленинграде продолжали работу 7 театров: им. Ленсовета, им. Ленинского комсомола, Комедии, музыкальной комедии, драмы, а также ТЮЗ и Театр эстрады и миниатюр. В 34 кинотеатрах и домах культуры и клубах демонстрировались 24 кинокартины, а в помещении Госцирка выступал джаз-ансамбль при участии Клавдии Шульженко и Владимира Коралли (Ленинградская правда. 1941. 22 ноября).

лестнице взад и вперед просто не в силах, а жить хочется всем в равной мере. Сейчас такое время, что ничего не купишь, и поэтому ребята имеют при себе много денег. Они каждый почти день ходят в кино и театры, а на переменках и во время тревог — в бомбоубежище, занимаются картежной игрой. Все переменки и даже на некоторых уроках дуются в «очко» на деньги. А ведь это самый настоящий разврат. Я часто наблюдала за их игрой. Ведь они выигрывают зараз часто рублей 5–7, а иногда и 8. И я видела, как они теряют всякое уважение к деньгам, как небрежно бросается на парту, «в банк», «трешка» — 3 рубля. А если случайно упадет рубль, то владелец не торопится нагнуться, чтоб его поднять, а о 20-ти копейках и говорить не стоит. Зато с какой жадностью многие ребята прячут выигранные деньги, а другие, наоборот, с напускной небрежностью.

Вчера я просмотрела свои открытки. Какие раньше выпускались красивые открытки с разными видами, а теперь выпускают такие неаккуратные открытки, без всякого старанья, без всякой заботы. Пересмотрела я и все открытки с письмами для меня на обратной стороне, которые присылала мне мама из Пятигорска три года тому назад.

И я вспомнила, что когда-то мы с мамой мечтали, да и не так уж давно, еще прошлой зимой, поехать на пароходе по Волге. Узнавали, высматривали[91], сколько все будет стоить. Я помню, мы с мамой твердо решили поехать куда-нибудь летом путешествовать. И это от нас не уйдет. Мы с мамой сядем еще в мягкий вагон с голубыми занавесочками, с лампочкой под абажуром, и вот наступит тот счастливый момент, когда наш поезд покинет стеклянный купол вокзала и вырвется на свободу, и мы помчимся вдаль, далеко, далеко. Мы будем сидеть у столика, есть что-нибудь вкусное и знать, что впереди нас ждут развлечения, вкусные вещи, незнакомые места, природа с ее голубым небом, с ее зеленью и цветами. Что впереди нас ждут удовольствия, одни лучше другого. И мы скажем, смотря, как уплывает вдаль назад Ленинград. Тот город, где мы столько пережили, столько перестрадали, где мы сидели голодные в холодной комнате и прислушивались к грохоту зениток и гулу вражеских самолетов. И мы отмахнемся от этих воспоминаний как от тяжелого кошмарного сновиденья и переведем взгляд вперед, туда,

[91] Примечания: 91
Слово читается предположительно.

вдаль, куда мчит нас краснозвездный экспресс. Вот по этой земле ходили немцы, тогда земля эта была покрыта снегом, испещрена воронками от снарядов, траншеями, окопами, оплетена колючей проволокой, холодный, ледяной ветер свистел в ушах. Этот путь, по которому мы сейчас несемся, был разобран. Это партизаны разобрали его. А вот под этим откосом валялись разбитые в щепы вагоны и чернели там и сям по откосу полузанесенные снегом трупы вражеских солдат. И мы с мамой невольно будем вглядываться в густую траву откоса, но мы там ничего уже не увидим, что напомнило бы о пережитой войне. Уже ушли, хотя в недалекое, но все же прошлое, те исторические дни, когда совершился перелом и немцы перестали продвигаться вперед, когда немцы попятились и начали откатываться, когда немцы побежали, когда мы вошли в Берлин, когда прогремел последний орудийный залп, последний разрыв снаряда, последний винтовочный выстрел. Уже уплыли назад и стушевались, покрывшись дымкой, далекий серый Ленинград, те дни, когда мы встречали с победой наших доблестных воинов, истинных героев, покрывших себя славой, какую не сотрут и века. Все это ушло назад, отодвинулось на задний план, дало место

новому. И это новое тоже уже прошло. Мы уже похоронили и почтили вечной памятью славных наших бойцов, погибших в бою. Уже залечил Ленинград свои раны, мы вставили новые стекла и отстроили разрушенные здания. Да, все это уже прошло. И тот день, когда впервые, шипя, зажегся газ в конфорке на кухне и когда появилось первое эскимо.

Мы с мамой смотрим в окно, и, Боже, как мы счастливы. И снова, и снова воспоминания роем носятся в голове. Вспоминать и наслаждаться тем, что ты можешь об этом только вспоминать, что это уже прошло, что больше не вернется. Вспоминать, как отзвучал горн последнего отбоя, как запылал огнями, нет, не огнем пожаров, а радостными и светлыми огнями электричества праздничный Ленинград, засверкали вновь стекла витрин, сбросившие с себя бремя досок и песка, зазвенели трамваи и загудели автомобили, ослепительно вспыхнув фарами, и засветились тысячами окон счастливые дома. И рекламы, и вывески, все сверкало и переливалось в этот первый праздничный день…

23 ноября

Вчера я прочла моей маме мой рассказ-фантазию, и ей он очень понравился. Дальше его писать мне не хочется. Я теперь буду делать так, после школы оставаться в пустом и тихом классе и выучивать все уроки, которые были только что заданы. Ведь интервалы между предметами в расписании, ну, самое большее два-три [дня]. И я думаю, что если я выучу сегодня ну, предположим, географию, только что заданный урок в обстановке тишины и спокойствия, то я за три дня не смогу совершенно его забыть, а если и забуду, то на повторение уйдет очень мало. Зато, если я буду точно выполнять свой план, то я смогу много читать, дома я буду читать. Мне надо как можно скорей прочесть Дик[к]енса «Большие надежды» и начать читать что-нибудь другое. Я хочу завести полочку большевика, покупать разные брошюры. Да, потом мне надо будет купить русскую грамматику и повторить все правила правописания, чтобы не обесценивать свои сочинения по литературе безграмотностью. Ну, хватит болтать понапрасну. «Больше дела, меньше слов!» Сейчас буду учить литературу, потом

другие уроки. К этому времени Ака разогреет суп, поем, потом встану и спишу алгебру.

27/XI-41 г.

Сегодня я пришла из школы половина второго. И это еще хорошо, а 25/XI мы пришли из школы в 5 часов вечера, вчера — в 4 часа. Дело в том, что все эти дни получалось так: на 5-ом уроке, когда до звонка оставалось 5–3 минуты, раздаются прерывистые звонки, мы поспешно одеваемся, вешалка наша стоит тут же, в классе, и спускаемся вниз, перебегаем двор и спускаемся в школьное бомбоубежище. Бомбоубежище у нас хорошее, занимает 5 отдельных отделений, разделенных капитальной стеной. В каждой отдельной комнате помещаются два класса. Здесь светло, тепло, воздух чистый (работает вентиляция). Здесь стоят лавки, скамейки, тут же находится классная доска с мелом. Мы размещаемся по скамейкам, преподаватель занимает место у доски, и урок продолжается. Сегодня в середине урока литературы вошла директор и объявила о начавшемся артиллерийском обстреле. Литература продолжалась в бомбоубежище, потом была история, и снова должна была быть литература согласно расписанию. Но пришла директор и объявила, что воздушная тревога кончилась, бегите скорей

домой. Мы не заставили себя долго ждать, так как не очень-то охота сидеть в подвале до 4,5 часов голодной, и мы побежали домой. Только мы вышли за ворота… тревога. Так что мы только-только успели проскочить. Сейчас я пишу эти строки в самый разгар тревоги.

Ака греет суп, сейчас мы будем обедать. Сегодня мы с мамой решили не брать хлеб, чтоб 30-ого, в выходной день, не сидеть без хлеба. У нас еще есть немного льняных семян. Это, оказывается, очень вкусная вещь, жареные льняные семечки. Вчера мы все трое были сыты и сегодня голодными не будем. А что будет потом — неизвестно. Между прочим, по карточкам вместо мяса дают шоколад или конфеты, а вместо масла раньше давали сыр, а теперь повидло.

Нам же в школе каждый день продолжают выдавать по одной шоколадной конфете за 30 коп. Раньше нам надо было спускаться в буфет, в связи с чем создавались очереди и некоторые опаздывали на урок, теперь же дело обстоит иначе. В середине второго урока в класс входит директор в сопровождении буфетчицы в белом халате, с большим узлом и несколькими тарелками в руках. Подсчитывается число присутствующих, буфетчица отсчитывает на тарелку соответствую-

щее число конфет, затем кто-нибудь из учащихся с этой тарелкой обходит весь класс, дает по конфете и собирает деньги, которые директор тут же уносит. После всего этого прерванный урок продолжается. Но, конечно, внимания никакого нет, больше половины класса жует конфеты. И никто из нас больше не спускается в буфет пить чай, т. е., вернее, кипяток.

Сегодня в бомбоубежище я сидела рядом с Геней Кобышевым. Это как раз тот мальчик, который меня заинтересовал с первого же раза. Он кажется скромным, тихим мальчиком. Никогда он [не] высказывает своего мнения. Сам никогда первый не заговаривает.

Когда была переменка перед историей, он, в противоположность того, что все кругом разговаривали, он читал «Мертвые души». Я его спросила: «Тебе нравятся „М[ертвые] д[уши]“?» Он ответил без слов, тем неопределенным жестом, который всегда понятен. Потом я его спросила: «Какой предмет ты больше всего любишь?» Он опять ответил тем же неопределенным жестом, смущенно улыбаясь. Но я на этом не успокоилась: «Ну… историю любишь?» — «Нет». — «Географию?» — «Да, география ничего. Математику люблю». — «Математику? А естествознание?» — «Нет, не люблю».

Больше я не нашлась продолжать разговор. А он еще некоторое время смотрел на меня как-то задумчиво, потом снова стал читать «М[ертвые] д[уши]».

Геня низенький, довольно стройный. Светлые волосы на темени образуют забавный хохолок. Взгляд его голубых глаз какой-то теплый, мягкий, выражение лица невинное, извиняющееся. Улыбка смущенная, иногда даже какая-то заискивающая. Интересно, какой же он сам по себе.

Уже $^1/_4$ 4-ого, а тревога все продолжается. Залпы зениток то стихают, то вновь учащаются.

Сейчас начну учить уроки. Особенно литературу.

Тревога кончилась без 5 минут 6. Но в $^1/_2$ 7-ого начался артиллерийский обстрел. Мама пришла пешком. Сейчас слушали статью академика Орбели, из которой узнали, что немцы расхитили петергофские и пушкинские сокровища[92]. Они

---

[92] Примечания: 92

Сейчас слушали статью академика Орбели, из которой узнали, что немцы расхитили петергофские и пушкинские сокровища. — Статья директора Государственного Эрмитажа академика И. А. Орбели «Фашистские вандалы» была опубликована в «Ленинградской правде» 27 ноября. «В Петергофе (…) оккупанты срывают с места золоченые и бронзовые статуи фонтанов, распиливают фигуру Самсона, одну из самых замечательных в мире парковых фигур, и увозят к себе. А вчера пришло известие, что их мерзкие грубые руки, хозяйничавшие в Большом дворце Детского Села (…) рассекли, искалечили одно из дивных украшений этого дворца — Янтарную комнату», — писал Орбели.

распилили Самсона, увезли в Германию, а также разорили Янтарную комнату в Пушкине и тоже увезли в Германию. Германскому народу придется хоть из-под земли достать нам янтарь для реставрации Янтарной комнаты.

У меня последнее время что-то такое творится в душе, что я сама ничего не понимаю. Мало желаний, предположений, вопросов, столько мыслей, и все они свились клубком, шевелятся, и никак их не распутаешь. Хоть бы ухватиться за какой-нибудь конец. Ведь вот, кажется, все ясно, и действительно начинает казаться, что все мне ясно, ну буквально все, а потом вдруг сразу все как туманом подернется и ничего не понять. И главное, поделиться не с кем. Мама? Домой придет, поест и спать ляжет. Ведь она сейчас так устает. Тамара? Но как с ней поделиться и что она поймет из того, что я ей скажу, да и о чем делиться. Ведь во мне одна пустота, сущая пустота. Я ничего не понимаю, вернее, я все понимаю, только не знаю, что понимать.

Я никак не могу забыть Вовку, он мне каждый день снится. Неужели я его действительно любила, я никак себе не могу дать отчета. И почему я не могу познакомиться ни с одним мальчишкой из нашего класса. Вирон Галю уже все маль-

чишки называют Галькой, на большой ноге, а меня сторонятся, а некоторые называют на вы. В чем тут дело? Почему я все хочу с кем-нибудь завести разговор, то не знаю, на какую тему. Черт знает что такое. Я прямо не человек, а одно недоразумение. Никому не нравится химик, ну буквально все смеются почему-то над ним. А мне он нравится, я, черт знает почему, вижу в нем советского преподавателя, и я бы хотела, сама не знаю хорошенько, что именно, но я бы хотела, чтоб он стал нашим руководителем, и начал бы нас перевоспитывать, и добрался бы до наших душ, и мы бы стали советскими школьниками, коммунистами в душе. И чтобы он изжил из нас всю обывательщину, чтобы мы пошли с ним слушать симфонию, чтобы мы, т. е. у нас открылись глаза на весь мир, чтобы мы увидели, что мы живем, живем единственную свою жизнь. И чтоб каждый из нас твердо решил прожить свою жизнь по-настоящему. Стать действительной сменой наших родителей, быть лучше родителей. Культурней, образованней. И самим стать такими родителями, чтоб вырастить детей своих еще лучше, чем мы сами. Вот тогда будет для человека счастливая, плодотворная, радостная жизнь. И, умирая стариками, мы бы могли радоваться за

прожитую жизнь. Знать, что она прожита так, что нет обиды за нее. Ах, Боже мой, как мне хочется, чтобы начали перевоспитывать ребят.

Как бы мне хотелось жить где-нибудь в другом месте, среди других ребят и еще что-то, и еще, сама не знаю, чего мне хочется. И мне хочется, чтоб Тамарка была другой. И чтоб Вовка был другой. И чтоб все они стремились к чему-то светлому, прекрасному. Может быть, я хочу, чтобы все ребята были романтиками? Может быть. Но, по-моему, нет. Нет. Конечно нет.

Я хочу, чтоб мы жили, как говорил Ленин. И чтоб школа была другая, и условия другие.

Ленин сказал: «Учиться, учиться и учиться!!»[93] Это, по-моему, первое, о чем должен думать советский школьник! И советский школьник должен

---

[93] Примечания: 93

Ленин сказал: «Учиться, учиться и учиться!!» — О необходимости учиться В. И. Ленин писал в одной из самых известных своих статей «Лучше меньше, да лучше» (1923): «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391). Составитель «Словаря современных цитат» К. Душенко отмечает, что как цельное словосочетание эта фраза была использована Лениным еще раньше, в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (1899), но опубликована только в 1924 г. (см.: *Душенко К.* Словарь современных цитат. М., 1997. С. 157).

бороться со списыванием, с картами, с папиросами. И еще со многим.

Как бы мне найти человека, который бы интересовался естествознанием, геологией, минералогией. Ведь это камни в минералогическом музее[94]. Почему они меня так волнуют? Не знаю. Мне хочется изучить по нитке, до атома всю природу. И все интересное в ней. И написать книгу о людях. И иметь альбомы с фото с разных концов нашей страны. И гору мне хочется, горы и море. Может быть, я хочу быть простым туристом? Может быть.

Нет! Нет! Не только туристом. Я сама не знаю, кем я хочу быть. Путаница в голове! Хаос!..

---

[94] Примечания: 94

Скорее всего, автор имеет в виду Центральный научно-исследовательский геологоразведочный музей им. академика Ф. Н. Чернышева (ЦНИГР музей), основанный в 1882 г. и открытый для посетителей в 1930 г. При музее до 1982 г. было Бюро минералов. В Ленинграде был и другой аналогичный музей — Геологический и минералогический им. А. П. Карпинского, но он не работал с 1934 по 1945 г.

28/XI

Сегодня пришла из школы четверть 6-ого. В. Т. началась в 12 часов. 4, 5 и 6-ой уроки проходили в бомбоубежище. Потом началась бомбежка и у нас замигал, замигал свет и погас. И мы до отбоя сидели в темноте. Там рядом зажгли фонарь. Но мы сидели и разговаривали. Но когда теперь учить уроки.

Без 5 минут 6 пришла мама. Она сказала, что на Невском нет движения, а один дом весь разрушен, вообще дома не существует[95]. Да, дожили мы до таких деньков, по 5-ти часов тревоги. Когда мы входили в бомбоубежище, был день, а когда выходили, было уже темно, вечер. На улице все бегут, спешат. Все с посудой для обеда. По тротуару идут как стадо баранов, не придерживаясь правой стороны. Толкаются, сталкиваются друг с другом.

Город продолжает жить до следующей тревоги!

---

[95] Примечания: 95

Она сказала, что на Невском нет движения, а один дом весь разрушен, вообще дома не существует. — 28 ноября 1941 г. фугасная авиабомба разрушила центральную часть фасада здания Куйбышевского райсовета (дома № 68 по пр. 25 Октября (Невскому) и № 40 по наб. Фонтанки).

29/XI

Сегодня вставала со свечкой, свет потух. Пришла в школу, та же история, темнота. Первый урок был физика, опрос. В середине урока нам раздали по одной ромовой конфетке. Потом алгебра, история. На истории у нас был мед. осмотр, потом пришли и раздали нам всем по талончику на желе. Потом, за три минуты до конца урока, тревога. На этот раз в бомбоубежище просидели недолго. Отбой. Сразу же, раздевшись предварительно в классе, помчались в буфет за желе. В коридоре, что ведет в буфет, темно, свет опять погас, в буфете горит только одна керосиновая лампочка. Долго мы стояли в очереди, давно уже был звонок на урок, я думаю, почему же нас на урок не гонят, оказывается, 9 и 7 классы могут после желе сразу итти домой.

Когда я получила желе и отошла в сторону ждать, когда освободится ложка, объявили, что тревога. Съедите желе, сейчас же в бомбоубежище. Я попробовала желе, оно такое вкусное, я решила: съем-ка я его дома. Сделала фунтик из бумаги, положила его туда. Пошла в класс, оделась и думаю, ну, домой все равно не пустят, посижу

в бомбоубежище. Вышла на двор, грязь, слякоть, настоящая оттепель. Смотрю, никого нет, ни у ворот, ни у бомбоубежища. Я свободно вышла на улицу. И сразу не поняла, тревога сейчас или нет. Народ ходит как ни в чем не бывало, на углу за чем-то очередь стоит, только трамваи стоят пустые. Пришла я домой без четверти час. Ну, пока комнату убрала, началась стрельба, потом где-то посыпались бомбы. Дом несколько раз качнуло, я — под стол. Ака приходит с обедом, я из-под стола вылезаю. Разделили мы с Акой хлеб, она купила и мне, и себе на два дня. Я поела хлеб с льняным маслом, а желе спрятала. И вот теперь не знаю, как поступить. То ли съесть его одной, то ли поделиться с мамой и с Акой, сделать им сюрприз. Да только маловато будет, что же один стакан желе поделить на 3 части, это только облизнуться. Нет, лучше я и не буду их раздразнивать, съем в этот раз одна, а буду носить обязательно с собой банку чистую, и если еще будут давать желе, то сделаю то, что хотела сделать с компотом, т. е. накоплю 3 порции и угощу их.

1/XII

Сегодня я сыта. Я ложусь спать сытой. Ака у меня в школе получила суп и 2 вторых. Днем мы с Акой съели по полной тарелке супа, с одним вторым, а когда пришла мама, каждый получил еще 2 тарелки супа со вторым вторым, да мама еще принесла одну порцию каши и одну котлетку. Так что у нас сегодня было и первое, и второе. Кроме того, у меня и в хлебе недостатку не было: и Ака, и мама отдали мне свой долг, дело в том, что мама получила карточки себе и Аке только сегодня, я же — вчера вечером, и вчера же я купила свои 125 грамм хлеба на 1-ое. И мы разделили их на 3 части. Вчера я никуда не выходила целый день и ничего не делала. Вчера целый день были тревоги и артиллерийский обстрел. Сегодня мне надо было итти в школу к 10-ти часам, но как раз была тревога. Так что у нас первого урока не было, не было и последнего. Сегодня на геометрии присутствовало 17 человек, а на предпоследнем — на химии — 7 человек. Вообще не ученье, а черт знает что. Тамара сегодня тоже не была. После школы я к ней зашла, ее не было дома. Но она сама потом пришла ко мне. Я написала

Вове записку, завтра передам Тамаре. Это очень удобно, что Тамара и Ося живут в одной квартире, можно переписываться с Вовой. Кстати, нам теперь в школе не будут давать больше конфет. За конфету будут вырезать 10 грамм сахара[96]. Ну вот, кажется, все новости. Иду спать.

Сегодня днем был очень сильный артиллерийский обстрел, я думала, что у нас стекла лопнут, но ничего пока. У нас в комнате тепло, очень греет 40-свечовая лампочка.

Вчера я вскрыла Тамарин «секрет», что она дала мне на сохранение. Я узнала, что Тамара любит Леву Хохома и что у них что-то произошло, по-видимому, Тамара поступила слишком откровенно, и теперь она терзается, что Лева смеется над ней.

[96] Примечания: 96

За конфету будут вырезать 10 грамм сахара. — «С 1.XII. 41 г. введен 100 % зачет в счет норм продкарточек по сахару, кондитерским изделиям и жирам», — отмечалось в отчете городского отдела торговли о работе с июня 1941 г. по сентябрь 1943 г. (см.: Ленинград в осаде: Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб., 1995. С. 268).

5/XII

Наступили новые испытания. Уже 5-ый день новой декады, а мы не имеем конфет. Сегодня я уж не вытерпела и купила на свою карточку 250 гр. патоки. Уже второй день, как мы с Акой на наши карточки не можем получить обеда, так как истрачены все талоны на 1 декаду. Да ведь и понятно: у нас талоны на крупу по 12,5 грамм, и в других столовых теперь так и дают: на суп один талон, на кашу 2 талона, а у нас в столовой на суп вырезают 25 гр. крупы и 5 гр. масла, так вполне понятно, что у нас за 4 дня израсходовались все талоны.

Уже второй день мы сидим без электричества. И неизвестно, когда оно будет. Это очень неприятно сидеть без электричества. А вчера ночью было так страшно, и чувствуешь себя так беспомощно, темнота кромешная, а самолет гудит, гудит жутко, назойливо, и потом бомбы, одна за другой, одна за другой, а кругом темнота, хоть глаз выколи, и только чувствуешь, как будто дом после каждого бомбового разрыва слегка кренится на бок и вздрагивает.

7/XII

Сегодня выходной день, мама дома. На улице мороз. Сегодня мы сыты. Вчера Ака выпросила у тети Саши немного дуранды[97], и мы сварили суп из нее и из 75 грамм мясных канадских консервов, которые Ака сегодня утром достала. Дуранда мне очень понравилась, очень сытная и вкусная. Вчера я с 5 часов до 9-ти часов вечера стояла в очереди за конфетами и выстояла 600 грамм конфет «Утро» за 18 р. 90 коп. Мы разделили их, каждый получил 10 с половиной конфет. Везде ходят упорные слухи, что завтра будет прибавка хлеба. Посмотрим. Я почему-то в это верю. Потому что, вероятно, нам доставляют продукты. Белые макароны, канадские консервы, американские конфеты и другие продукты показывают на то, что нам помогают и не дадут умереть с голоду. С фронтов на сей день поступили довольно хорошие сведения, как-то: наши продолжают успешное наступление на Таганрог, несмотря на все старания немцев остановить их. Под Моск-

[97] Примечания: 97

Дуранда — остатки семян масличных растений после выжимания из них масла; жмых.

вой наши успешно контратаковали немцев, но немцы еще крепче сжали кольцо вокруг Тулы. Под Ленинградом наши захватили несколько сел и деревень, немножко оттеснили поганую немчуру[98].

Сейчас я пишу эти строки, сидя в пальто при свете елочного огарка. Передо мной блюдечко с кусочком конфетки и хлеба. Я слушаю музыку, рояль, передающуюся по радио, и откусываю по крошечкам хлеб, чтобы продлить свое удовольствие. Сейчас мы ложимся спать уже без 10 минут 7. Надо экономить свечку. Завтра, лежа еще в постели, с каким нетерпением буду я ждать возвращения Аки из булочной. Вдруг Ака принесет не 125 грамм, а больше, хотя бы 150 грамм. За сегодняшний день я съела 4 конфеты, а хотела съесть 2. Теперь у меня осталось 3 конфеты на 8, 9 и 10-ое. По одной конфете в день. По радио играет симфония, а за окном грохают залпы. Это проклятые немцы производят очередной обстрел Ленинграда. А ночью опять завоет зловеще сире-

---

[98] Примечания: 98

Под Ленинградом наши захватили несколько сел и деревень, немножко оттеснили поганую немчуру. — В результате начавшегося в середине ноября 1941 г. контрнаступления советским войскам удалось к концу декабря отбросить фашистов на рубеж, с которого они начали наступление в октябре. Были возвращены многие населенные пункты, в том числе 20 ноября — Малая Вишера, а 9 декабря — Тихвин.

на и опять содрогнется дом от близкого разрыва бомб. Смерть все время висит над каждым из нас, и мы так к этому привыкли, что перестали это замечать или, вернее, просто не хотим это замечать. Но мы еще живем хорошо. Правда, у нас 3-ий день уже не горит электричество, но у нас еще в полной исправности уборная, ванная. Мы имеем возможность пить горячую воду. У нас есть еще на два дня дуранда и мясо для супа, и завтра или, может быть, на днях нам, наверно, прибавят хлеба.

Ну, надо спать.

8-ого декабря

Наступили грандиозные события. Англия объявила войну Финляндии, Румынии и Венгрии, а Япония объявила войну Соединенным Штатам Америки. Рузвельт объявил Америку в состоянии войны с Японией. В Америке объявлена мобилизация.

У нас за сегодняшнюю ночь выпало столько снега, что ужас, окна замерзли, трамваи не ходят, все идут пешком. Уже два дня мы живем без воздушных тревог, только артиллерийские обстрелы, но они совсем не такие страшные. Хлеба нам не прибавили, зато выдали по 100 грамм сливочного масла иждивенцам и служащим, но говорят, что хлеб обязательно прибавят с 15-ого. Ну что ж, подождем до 15-ого. Да, декабрь — последний месяц 1941 года будет, наверно, историческим. До нового года надо ждать больших событий.

9/XII

Вчера в 8 часов вечера зажегся свет. Сегодня в школе нам дали без карточек тарелку супа с капустой и стакан желе. Говорят, что каждый день будут давать. Пришла домой и выпила две чашки горячего кипятка с хлебом со сливочным маслом. Говорят, нам скоро прибавят хлеба. Правда, немного, всего 25 грамм, да и то хорошо. Будем получать не 125 г, а 150 грамм.

Благодаря всем этим новшествам сразу и настроение поднялось, и жить стало лучше, стало веселей!![99]

[99] Примечания: 99

…жить стало лучше, стало веселей!! — Скорее всего, автор цитирует строку из одноименной песни, написанной в 1936 г. поэтом В. И. Лебедевым-Кумачом и композитором А. В. Александровым и исполнявшейся ансамблем под управлением А. В. Александрова. Эта строка явно перекликается с фразой И. В. Сталина из выступления на I Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г.: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее».

10 декабря

Ура, ура, наши войска отбили обратно Тихвин, почти прорвали кольцо блокады вокруг Ленинграда. Под Тихвином наголову разбиты 3 дивизии немцев. Это очень крупная победа.

Уже четыре дня у нас не было ни одной воздушной тревоги.

Сегодня мама не пошла на работу. Она пойдет искать другую, ведь невозможно каждый день голодной ходить пешком на Выборгскую сторону и обратно.

Что мне сейчас хочется? Единственно только того, чтобы дни летели за днями, как телеграфные столбы в окне курьерского поезда. Скорей, скорей, скорей бы пролетели эти тяжелые зимние дни. Скорей бы весна, тепло, зелень.

События, развертывайтесь, как кадры на экране.

Скорей, скорей, скорей бегите, стрелки часов.

14/XII

Еще один день и половина месяца прошла. Останется еще одна половина месяца, и наступит новый, 1942 год.

Германия и Италия объявили войну США.

Под Москвой произошел полный разгром немцев. Сорвалось 2-ое генеральное наступление немцев на Москву. Началось отступление немцев. Начался новый этап в ходе войны. У нас на 2-ую декаду все прибавлено — и крупа, и мясо, и сахар. С завтрашнего дня, говорят, прибавят хлеб. Мы живем спокойно, тревог нет. Страшно поверить, но, это кажется так, самые трудные дни ушли в прошлое.

16/XII

Сегодня я опоздала на алгебру. Контрольную не докончила. На первом уроке у нас присутствовало 26 человек. Обедало 20 человек, а после обеда на истории было всего 7 человек. Сегодня на обед был суп за 26 коп., суп густой, с нечищеной картошкой и с твердой темной лапшой. Суп горячий, вкусный, только мало соли. Завтра нам дадут желе, его дают через день.

Сегодня радио сообщило о взятии нашими Клина и Красной Поляны. На литературе раздали сочинения, мне плохо, а Тамаре единственной отл[ично]. Ее сочинение потом прочли вслух как наилучшее. Действительно, прекрасное сочинение, даже не похоже на Тамарино.

Пришла из школы. Ака попросила стоять в очереди за мясом. Стояла до без 4-ти пять, и зря, мяса не хватило.

17/XII

Уже 17-ое декабря. Сегодня мы услышали радостную весть. На Западном фронте наши войска, продолжая преследовать отступающего противника, заняли город Калинин и еще 3 маленьких городка. Под Москвой почти полностью разгромлена одна из армий Гитлера: около 6-ти пехотных дивизий, 3 мотострелковых, их остатки поспешно отступают, грабя все что ни попадется. Раздевают людей прямо на улице, забирают все, даже елочные украшения. Партизаны наносят им одно поражение за другим.

Итак, в середине декабря 1941 года в войне между Германией и СССР произошел переломный момент. После 6-тимесячного наступления немцев началось их отступление, продолжавшееся… пока неизвестно сколько месяцев.

Жить сейчас очень тяжело. И учиться очень тяжело. Но уже тяжелее не будет, и если будут какие изменения, то уже в сторону улучшения.

Нам сейчас очень тяжело. Наступила суровая зима. На улице мороз. Дома холодно, ибо дрова надо очень экономить, и печка топится только для того, чтобы приготовить обед; темно, окна у

большинства жителей заколочены, а если и не заколочены, то завешены, чтоб было теплей. У некоторых, особенно кто живет в верхних этажах, кроме всего этого, нет еще и воды. За водой приходится ходить. В связи с тем, что частые снегопады затрудняют расчистку улиц от снега, трамваи ходят очень плохо. Сегодня ходят, завтра нет. А большинство людей пользовалось трамваем, чтобы попасть на работу. Теперь же все они идут на работу и домой пешком, полуголодные, холодные. Идут, падают, плетутся, волочатся, но идут. А некоторые идут очень далеко: кто на Петроградскую, кто на Выборгскую сторону. Хорошо, что еще спокойно насчет тревог. Уже давно не было воздушных тревог. А артиллерийские обстрелы очень непродолжительны. Хлеба мало: рабочие получают 250 гр., служащие и иждивенцы по 125 грамм. 125 грамм, маленький кусочек, это очень мало. Все остальные продукты, полагающиеся по карточкам, можно достать, только стоя в очередях. А сейчас стоять в очередях очень мучительно: очень мерзнут ноги и руки, хотя не такой уж сильный мороз.

Учиться в школе очень трудно. Школа не отапливается, в некоторых классах замерзли чернила, хорошо еще, что школьникам дают без карточек

по горячей тарелке супа.

Но все ничего. Скоро станет лучше. Дело только во времени.

18 декабря

Наши захватили, вернее, взяли обратно еще два новых города на Калин[ин]ском направлении. На Ленинградском участке фронта наши тоже потеснили противника, так что дорога от Тихвина до Волхова полностью освобождена от немцев. Сегодня нам в школе дали не желе, а простоквашу из соевого молока, четверть литра. Очень вкусно, я принесла домой и поделилась с мамой и Акой. Им тоже очень понравилось. Сегодня Ака стояла за мясом и получила прекрасное американское прессованное мясо, жирное, без косточек. Мама уже второй день не ходила на работу. Нет сил, и потом все равно их всех скоро уволят, т. к. госпиталь там ликвидируют. Раненые уже все рассредоточены по разным госпиталям. Мама опять будет без работы. Неизвестно, куда ей удастся устроиться.

Завтра уже 19-ое, а мы еще не получили конфет и масла.

Сегодня в 7 часов зажглось электричество, так что я пишу эту запись при свете электричества, но зато у нас не идет вода.

Сегодня у нас был вкусный суп с мясом и мака-

ронами. Кошачьего мяса хватит еще на два раза. Да на 3 раза американского, а что будет потом, неизвестно. Хорошо бы раздобыть где-нибудь еще кошку, тогда бы нам опять надолго бы хватило. Да, я никогда не думала, что кошачье мясо такое вкусное, нежное.

Со школой у меня дела, можно сказать, — дрянь. Геометрию я запустила, по алгебре по контрольной получила плохо. Черчение запустила. По химии получила отказ. Ну это все равно что единица. Только вот по немецкому имею хор[ошо] да по истории. В субботу буду делать по истории доклад о Гангутском сражении и, может быть, получу по истории отл[ично]. По литературе сочинение написала на плохо. Масса грамматических ошибок, да и само сочинение неважное. Завтра можно будет писать снова. Я думаю, что надо попытать счастья, авось напишу на хорошо. Но и так, если я писать второй раз не стану, двойки мне в четверти не будет, у меня там четверка стоит. Очень обидно было слышать от учительницы по литературе, что она обманулась во мне, что считала меня лучше, чем я есть на самом деле. Что я одна из наиболее антисоветски настроенных. Нет, она в этом не права, я в душе Советский Школьник, но на деле действитель-

но этого про меня сказать нельзя, потому что я сейчас очень распускаюсь, мне лень собраться с силами, я слишком много думаю о себе. Вот ведь скоро кончается первая четверть, а я совсем не учу уроки, ст[р]ашно запускаю материал, и, конечно, это мне не пройдет даром. Я своими плохими успехами очень огорчу маму. Конечно, можно сослаться на то, что учиться трудно. Но кто же это отрицает. Вот в том-то и мог бы проявиться мой патриотизм, что я, несмотря на трудности, наперекор всему прилагала бы все усилия к тому, чтобы хорошо учиться.

А то что же выходит! Разговоры, мечты о том, что я буду достойна звания Советского гражданина, все пустая болтовня. Первые же испытания на моем пути сломили меня, согнули. Я сдалась. Я тряпка. Трудности испугали меня. Я кутаюсь в сто одежек и ничего не делаю, зря ем хлеб и только ною — холодно, холодно.

Да, холодно. Но разве холод — это такая вещь, которую нельзя преодолеть? Нет, холод можно преодолеть.

19/XII

Без десяти девять. В 9 часов мы должны тушить свет. По новому лимиту 15-тисвечовая лампочка может гореть только 3 часа в сутки. Завтра я делаю доклад по истории и отвечаю по химии, в прошлый раз я отказалась. Он поставил мне двойку. Надо знать кремний и углерод. Я очень боюсь по истории. Никогда докладов не делала, первый раз взялась. А вдруг я выйду и все забуду. Сегодня писала второй раз сочинение по литературе на тему: «Маниловщина».

Сегодня нам в столовой дали только один пустой суп. Странный тип этот Адамович.

22/XII

Сегодня оттепель. На улице совсем тепло. Снег растаял, и так скользко, что невозможно ходить. Но это счастье, настоящее счастье, что не холодно. Когда голодно — это еще терпимо, но когда холодно и голодно — это уже совсем невыносимо.

Сегодня утром я так хотела есть, что попросила Аку купить и мне хлеба. Мама вскоре вернулась и сварила бульон из шкуры. Пришла Ака, принесла хлеба. Я выпила две чашки горячего бульона и съела больше половины хлеба. Я чувствовала себя такой несчастной, несчастней меня не было, кажется, человека на земле. Еще бы, ведь я два дня ничего для школы не делала. Я была в ужасе и, наконец, примирилась со своей участью, что получу опять двойки. Но мне повезло, мне ужасно повезло. Первый урок был физика, и меня первую спросили и как раз самое легкое: о звуке, самое начало. Он поставил мне, кажется, хор[ошо]. На геометрии он объяснял новое. Следующий урок была химия, и меня опять вызвали.

— Мухина, вы нам расскажете про кремний. Реакцию получения кремния, кремнистого водорода.

Долго я стояла у доски. Мне было все равно. Я знала, что получу двойку. Наконец он обратился ко мне. Я к этому времени написала обе реакции, вспоминала, вспоминала и вспомнила наконец. Дело в том, что я основательно выучила кремний к прошлому уроку, но он тогда как раз не спрашивал, а объяснял, и я еще подумала, что зря учила. Оказывается, не зря. Не выучи я эту тему тогда, сидеть бы мне на двойке.

Я не торопясь, совершенно равнодушно ответила ему все, что знала. И он больше ничего не стал меня спрашивать, посадил на место и поставил, кажется, хор[ошо].

На химии была диктовка. Двойки не будет. Диктовка легкая.

На географии была контрольная. Я только что пришла из буфета, где покупала лепешки, и он сразу пришел и роздал билетики. Я надеялась, что просмотрю записи по тетради, и не успела. Мне попался билет № 1:

1. Население Англии.
2. Район Южного Уэльса.
3. Британские владения в Зап[адной] Африке.

И опять счастье. Такой легкий билет попался. Я почти все знала. Правда, напутала там немного, но все же мне повезло, и здесь счастливо избегла

двойки.

После 5-ого урока помчались обедать. Нам дали суп с макаронами и филе. В супе мне попались 3 кусочка картофеля и 8 средних макаронин. Кроме этого, я купила еще порцию лепешек. Всего купила 4 лепешки.

Сытая и довольная, я вышла из школы на улицу. На улице было совсем тепло. На Загородном стояли трамваи. Посередине трамвайной линии.

25/XII

Какое счастье, какое счастье! Мне хочется кричать во все горло. Боже мой, какое счастье!

Прибавили хлеб! И еще сколько. Какая разница: 125 грамм и 200 грамм. Служащие и иждивенцы 200 грамм, рабочие 350 грамм.

Нет, это просто спасение, а то за последние дни мы так все ослабли, что еле передвигали ногами. А теперь, теперь и мама, и Ака выживут. Вот в чем счастье, а еще в том, что это является началом начинающегося улучшения. Теперь начнутся улучшения.

Новый год мы встретим весело. С хлебом, с конфетами, с шоколадом, с вином.

Ура, ура и еще раз ура. Да здравствует жизнь.

27/XII

У меня еще руки не сгибаются, хотя я уже давно пришла. Я пришла из театра. Сегодня я снова была в театре. Смотрела и слушала постановку театра драмы «Дворянское гнездо»[100]. Мне было очень хорошо, я бы каждый день ходила бы в театр, но все-таки я больше в театр этой зимой не пойду. Потому что каким маленьким кажется удовольствие по сравнению с тем мучением, которое представляет возвращение домой. Однако скажу обо всем поподробнее.

Сегодня утром мама пошла за хлебом в 6 часов утра и принесла очень хороший хлеб. Благодаря тому что он был сухой и в нем было мало дуран-

---

[100] Примечания: 100

…постановку театра драмы «Дворянское гнездо». — Ленинградский театр драмы был образован Управлением по делам искусств при исполкоме Ленгорсовета в 20-х числах октября 1941 г. из актеров, не уехавших со своими театрами в эвакуацию. В состав коллектива театра вошли, в частности, народная артистка СССР В. А. Мичурина-Самойлова, народный артист РСФСР Б. А. Горин-Горяйнов, заслуженные артисты И. К. Самарин-Эльский, П. И. Лешков, А. П. Нелидов и др. Режиссерами стали А. П. Нелидов и Л. П. Юренин. Театр открылся в начале ноября 1941 г. спектаклем «Дворянское гнездо» и давал представления сначала в помещении Театра комедии (пр. 25 Октября (Невский), 56), затем в здании Большого драматического театра им. М. Горького. Последний раз упоминание о спектакле Ленинградского театра драмы появилось в газете 10 января 1942 г. (см.: Ленинградская правда. 1941. 17, 30 октября, 27 декабря; 1942. 10 января; *Мичурина-Самойлова В. А.* Шестьдесят лет

в искусстве. Л.; М., 1946. С. 144–145).

ды, кусок в 200 грамм имел основательный вид. Хлеб был очень вкусный. Я утром же съела все 200 грамм. По радио говорили радостные вещи. Наши войска продолжают наступление и захватили города Белев и Наро-Фоминск.

28/XII

Вчера впервые после долгого перерыва была передача «Театр у микрофона».

Сейчас около 12-ти часов дня. Только что пошла вода, так что удалось набрать запас. Последнее время вода очень редко идет, приходится ее караулить. У нас в комнате очень холодно. Мама ушла работать в театр, а Ака спит.

Ака очень плоха. Мама боится, что она не выживет. Ака уже не встает вовсе с постели. Позавчера, когда она утром ходила за хлебом, как раз когда прибавили, она, оказывается, три раза упала на спину, на нос, именно на нос, разбила себе нос, и с тех пор ей все хуже и хуже. Теперь придется мне вести хозяйство, а мама будет работать.

По правде говоря, если Ака умрет, это будет лучше и для нее, и для нас с мамой. Так нам приходится все делить на три части, а так мы с мамой все будем делить пополам. Ака — лишний только рот. Я сама не знаю, как я могу писать такие строки. Но у меня сердце теперь как каменное. Мне совсем не страшно. Умрет Ака или нет, мне все равно. Уж если умрет, то пусть после

1-ого, тогда ее карточка достанется нам. Какая я бессердечная.

30 декабря

Завтра Новый год, но ничто не напоминает об этом. В магазине ничего нет, только на детские карточки дают муку маисовую и сахарный песок. А говорили, что к празднику дадут добавочно шоколад и еще что-нибудь. Но пока ничего нет. Правда, еще завтра целый день. Может быть, завтра что-нибудь дадут.

Сегодня я сижу без хлеба. Зато завтра буду встречать Новый год с 200 граммами хлеба. Очень обидно в этот раз получилось с шоколадными конфетами. Вчера у мамы в театре давали хорошие шоколадные конфеты по 22 рубля кило. И мы могли бы получить 800 гр., но получили только 300, так как я за день до этого купила в дом[е] 28 за 9 рублей кило конфетную массу. Это такой суррогат, нельзя понять, из чего он сделан. Одним словом, замазка, только окна ей и замазывать. На вкус совсем несладкая, но есть ее все же можно, особенно на голодный желудок.

Ака уже лежит 5-ый день, но теперь ей лучше. Мама замечательно быстро умеет готовить обед. Я ей заготавливаю дрова, и она в полчаса приготовляет очень вкусный обед. Вот уже три дня, как

мы имеем на обед по 2 тарелки супа каждый. И какой вкусный суп, а потом еще по чашке какао.

Вот сегодня мама принесла 3 тарелки дрожжевого супа и два стакана какао. А я сегодня принесла мало, только гущу от своего супа и одну мясную котлетку. Суп сегодня очень бедный. Он крупяной, засыпан перловкой, но крупы очень мало. Сегодня нам дали желе, а вот дурандовых лепешек не было.

Завтра последний день в школе, потом каникулы до 7-ого. Седьмого опять в школу. 6-ого же у нас будет елка. В помещении Малого оперного театра будет устроена районная елка для школьников старших классов. Будет показан спектакль, танцы и обед стоимостью в 5 рублей. Это очень любопытно. Чем нас угостят? Да, завтра Новый год. Как-то мы его встретим?

Говорят, новые карточки такие же. Напечатано, что служащим и иждивенцам по 125 гр. хлеба, но на самом же деле дают не 125 гр., а 200. А говорят, что и еще прибавят. Но говорят много. И верить этому нельзя. Как хочется кушать. И не только кушать, но и еще чего-то хочется. Сама точно не знаю, чего именно. Хочется чего-то хорошего, веселого. Хочется увидеть блестящую елку.

2-ое января 1942 года

Давно я уже не бралась за перо. Сколько всего произошло за это время.

Наступил новый, 1942-ой год.

Теперь мы с мамой одни. Ака умерла. Она умерла в день своего рождения, в день, когда ей исполнилось 76 лет. Она умерла вчера, 1-ого января, в 9 часов утра. Меня дома в это время как раз не было. Я ходила за хлебом. Когда я пришла из булочной, меня очень удивило, что Ака так тихо лежит. Мама была, как всегда, спокойна внешне и сказала мне, что Ака спит. Мы попили чаю, причем мама отрезала мне от Акиной порции кусочек, сказав, что Ака все равно не съест столько. Потом мама предложила мне пойти вместе с ней в театр за обедом. Я охотно согласилась, потому что мне было страшно одной оставаться с Акой. А вдруг она умрет, что я буду делать. Я даже боялась, что мама попросит меня поухаживать за Акой, пока она будет ходить. А мне не хотелось даже подходить к Аке, потому что мне было очень тяжело видеть, как она умирает. Я привыкла видеть Аку на ногах, дорогую, милую, хлопотливую старушку, всегда она была чем-нибудь занята.

А тут вдруг Ака лежит беспомощная, худая как скелет и такая бессильная, что даже ничего у ней в руке не держалось.

Такую Аку я не хотела видеть, и поэтому я охотно пошла вместе с мамой. Мама закрыла дверь на ключ и отнесла его в комнату к Саше.

— Мама, зачем же ты Аку-то закрыла, а вдруг ей что-нибудь будет нужно.

Но мама мне ответила, что Аке уже больше ничего не нужно. Что Ака умерла.

— Когда?

— Пока ты была за хлебом. Я нарочно тебя увела.

— Да что ты, мама, я бы и сама не осталась бы одна в комнате с мертвой. А простилась она с тобой?

— Нет, она уже ничего не соображала.

Итак, я узнала, что Аки уже более не существует, что **Аки** уже нет.

По словам мамы, она умерла очень тихо. Как замерла. Похрипела, похрипела и затихла. А перед этим, в новогоднюю ночь, ей было очень плохо, и мама все время подходила к ней. Я же спала, но сквозь сон я слышала, как кто-то мучительно стонет.

Ака умерла.

Мы с мамой остались одни. У меня никого больше нет, кроме мамы Лены, а у ней — никого, кроме меня.

Теперь мне надо беречь маму, как никогда. Ведь она для меня все. Если она умрет, я пропала. Куда я одна пойду? Что буду делать? А ведь мама сейчас живет почти только одним своим духом. Дух у ней сильный. Она знает, что ей нельзя свалиться, потому что у нее **я**.

Теперь могу продолжать писать. Я ходила в школу за обедом. Сегодня суп по 15 коп. без карточек. Суп хороший. Засыпан перловой крупой. Крупы много. Потом я взяла одну порцию каши перловой со сливочным маслом и 4 дурандовых лепешки.

Посмотрим, что принесет мама. Если мама принесет много, то мы не все съедим, а оставим на завтра. Завтра опять завтракать в школу к 2-ум часам. Это очень хорошо, что мы можем без карточек получать на каникулах тарелку супа.

Вот наступил Новый год, мы получили новые карточки. И пока в продовольственном вопросе никакого улучшения. На хлеб норма прежняя: 200 грамм иждивенцам и служащим, 350 грамм рабочим. В магазинах ничего нет, а если что и бывает, то дают еще только на 1-ую и 2-ую декаду.

А о третьей еще и не слышно. У нас на третью декаду не взято только масло, и довольно много.

Да, масло. Вот чего нам не хватает. Хлеба кое-как хватает, но жиров никаких. Так что многие сейчас только и живут что хлебом.

Так вот мы и живем. Без света, даже на Новый год света не дали, без воды, за водой приходится спускаться на первый этаж в жакт. Радио тоже почти все время не работает, только изредка вдруг заговорит или запоет, а потом опять молчит.

Если был бы свет, можно было бы все-таки както жить. Почитать, пошить и т[ому] под[обное]. А теперь без света приходится волей-неволей в 6 часов вечера уже ложиться спать. Потому что какой же интерес сидеть в абсолютной темноте. Под одеялом, по крайней мере, тепло.

Вот как мы живем. Трамваи уже давно не ходят, и нам с мамой предстоит еще удовольствие тащиться пешком на Выборгскую сторону. Это такая даль, а итти придется. Надо же получить деньги. Одну пустить маму в такое далекое путешествие я не могу. Да у меня бы все сердце изболелось, если б она пошла одна. Но, к счастью, у меня сейчас каникулы, и мы пойдем вместе. Как-нибудь доползем.

Сейчас маме очень важно устроиться на посто-

янную работу в этот театр. И может быть, ей это удастся. Тогда она получит рабочую карточку и право пользоваться столовой и брать два супа. А столовая там очень хорошая.

Теперь Аки нет, и жить нам с мамой будет гораздо дешевле. Теперь мы все будем делить пополам, а не на три части, как раньше, а это большая разница. Так двое иждивенцев существовали на мамин заработок, а теперь один человек. Если раньше нам еле хватало 600 руб. в месяц, то теперь нам, наученным самой судьбой, 400 руб. будет вполне хватать.

Так что вот даже и смерть такого дорогого человека, как Ака, имеет свои положительные стороны. Как говорит русская пословица: «Не было [бы] счастья, да несчастье помогло». Теперь мама каждый день будет иметь 400 гр. хлеба, это что-нибудь да значит. Да и в столовой мы можем брать побольше. И это на целый месяц. А в следующем месяце наше положение, наверно, улучшится.

Но как все удивительно одно за другое зацепляется. Если бы мы не зарезали нашего кота, Ака умерла бы раньше и мы бы не получили бы теперь эту лишнюю карточку, которая теперь, в свою очередь, спасет нас. Да, спасибо нашему

котоше. Он кормил нас 10 дней. Целую декаду мы одним только котом и поддерживали свое существование.

Ничего, не надо унывать. Все говорят, что самое трудное уже позади. И действительно, кольцо блокады Ленинграда уже в одном месте прорвано[101].

[101] Примечания: 101

…кольцо блокады Ленинграда уже в одном месте прорвано. — Эта информация не соответствовала действительности, но в качестве слуха циркулировала не только в Ленинграде, но и за его пределами. «В январе 1942 г. я получила от своего товарища с фронта поздравление (…) с освобождением от блокады. Это давало пищу догадкам самым фантастическим», — вспоминала О. Гречина (цит. по: *Пянкевич В. Л.* Слухи в блокадном Ленинграде // Великая Отечественная война: Правда и вымысел. Сборник статей и воспоминаний. Вып. 6. СПб., 2009. С. 37).

3/I-42 г.

Ничего нам не остается дальше, как ложиться и умереть. С каждым днем все хуже и хуже. Последние дни единственным источником нашего существования был хлеб. В хлебе мы не имели отказа, то есть я хочу сказать, что до сих пор мы всегда имели возможность получить свой хлеб. Никогда нам не приходилось ждать в булочной, когда привезут хлеб. А сегодня вот уже 11 часов утра, а хлеба ни в одной булочной нет, и неизвестно, когда будет. Голодные, спотыкающиеся, шатающиеся люди рыскают по булочным с 7 часов утра, но, увы, везде их встречают пустые полки и больше ничего.

Хорошо, что мы с мамой оставили на сегодня кашу и одну дурандовую лепешку, а то бы я даже не знаю, что бы было. Мы с мамой сегодня утром вместо чая поели супа, по 2 с половиной тарелки горячего супа, и поэтому мы еще можем вытерпеть отсутствие хлеба.

Но это не к добру, если даже и хлеб надо «ловить».

Когда же начнутся, наконец, улучшения? Уже пора, ведь люди все так истощены, что я не знаю,

много ли останется живых в Ленинграде, если такое продовольственное состояние продержится еще месяц. Многие тогда не выживут.

Не знаю, выживу ли и я. Сегодня почему-то я чувствую в себе такую слабость. Ей-Богу, я еле стою на ногах, колени подгибаются, голова кружится. А ведь еще вчера я чувствовала себя совсем хорошо, бодро. И совсем я не такая уж голодная. Чем же объяснить этот упадок сил? Может быть, это Акина смерть на меня так подействовала.

А мама меня очень тревожит. Последние дни она проявляет столько энергии. Все время носится сломя голову, движется, а саму ее бросает из стороны в сторону как пьяную. Я так боюсь, что после этого необыкновенного подъема у нее наступит сильный упадок сил. Но что я могу сделать, как предотвратить это? Не знаю.

А может быть, все и не так страшно. И все обойдется благополучно. Дай, Боже, что[бы] это было так.

Скорей бы покончить все с Акой. Ведь она же лежит в кухне. Никак не добиться этого Яковлева, а без него нельзя. Он должен составить акт о смерти. Потом маме нужно будет куда-то еще сходить, и потом мы отвезем Аку на саночках на

ипподром[102]. Это от нас недалеко.

Да, забыла сказать, сегодня у нас работает радио и мы слышали сообщение Информбюро. Наши войска захватили город Малый Ярославец[103]. Но о Ленинградском фронте ни слова. Что это значит? Наверно, временное ухудшение. Вот мы здесь с голода мрем, как мухи, а в Москве Сталин вчера дал опять обед в честь Идена[104]. Прямо безобразие, они там жрут, как черти, а мы даже куска своего хлеба не можем получить по-человечески. Они там устраивают всякие блестящие встречи, а мы как пещерные люди, как кроты слепые живем.

Когда же это кончится? Неужели нам не суждено увидеть нежные зеленые весенние молодые листья!? Неужели мы не увидим майского сол-

---

[102] Примечания: 102

...мы отвезем Аку на саночках на ипподром. — На территории ипподрома осенью 1941 г. была размещена зенитная батарея. Зимой 1941/42 г. в бывшие казармы Семеновского полка на Звенигородской ул. (между ул. Марата и Загородным пр.), примыкавшие к комплексу ипподрома, свозили трупы умерших горожан. В апреле 1942 г. их стали вывозить на кладбища. Позже в одном из строений ипподрома содержались немецкие военнопленные.

[103] Примечания: 103

Наши войска захватили город Малый Ярославец. — 18 октября 1941 г. город был занят немецкими войсками, освобожден 2 января 1942 г.

[104] Примечания: 104

...в Москве Сталин вчера дал опять обед в честь Идена. — Переговоры И. В. Сталина и В. М. Молотова с министром иностранных

дел Великобритании А. Иденом проходили в Москве 16–20 декабря 1941 г. Официальная информация о них последовала с заметным опозданием.

нышка!? Уже седьмой месяц идет эта жуткая война. Более полгода.

Вчера мы с мамой сидели у потухнувшей печки, тесно прижавшись друг к другу. Нам было так хорошо, из печки нас обдавало теплом, желудки наши были сыты.

Ничего, что в комнате было темно и стояла мертвенная тишина. Мы крепко-крепко прижались друг к другу и мечтали о нашей будущей жизни. О том, что мы будем готовить на обед. Мы решили, что обязательно нажарим много, много свиных шкварок и будем в горячее сало прямо макать хлеб и кушать, и еще мы решили побольше кушать лука. Питаться самыми дешевыми кашами, заправленными обильным количеством жареного лука, такого румяного, сочного, пропитанного маслом. Еще мы решили печь овсяные, перловые, ячневые, чечевичные блины и многое, многое другое.

Но хватит писать, а то у меня пальцы закоченели.

4-ого января

Сегодня отвезли наконец Аку. С нас как гора прямо свалилась. Все обошлось как нельзя лучше. Мертвых, после того как их оформляют, прямо сдают к носильщикам и сразу на грузовик и на Волково кладбище. К этому приемному пункту вереницей тянутся санки с покойниками. На иных санках два-три покойника. Да, много умирает народу.

Сегодня утром я пошла за хлебом четверть 8-ого. В булочной дом 28 хлеба не было. Я пошла в булочную за кино «Правда» и простояла в очереди на улице 1 $^{1}/_{2}$ часа. Но зато получила очень вкусный хлеб, совсем теплый, мягкий, душистый, так что как пришла, почти весь и съела с горячим чаем.

Потом мы отвезли Аку, и вот мы вернулись освобожденные от этой неприятной заботы.

А карточки-то Акины нам все-таки пришлось отдать. Иначе товарищ Яковлев отказывался оформлять труп. Очень обидно, но что же делать. Так надо.

Теперь мы с мамой имеем по 200 грамм хлеба в день. Может быть, ей удастся устроиться на рабо-

ту и она получит рабочую карточку. Может быть, нам прибавят хлеба, а пока будет очень трудно. Но ничего, унывать не стоит. Не так страшен черт, как его малюют.

8/I

Положение наше с мамой очень тяжелое. До конца первой декады осталось еще 2 дня, а у нас в столовых ни на мою, ни на мамину карточку ничего больше не дают. Так что эти два дня должны питаться только той тарелкой супа, которая мне полагается. Правда, мы можем еще получить 3 мясные котлеты, но неизвестно еще, будут ли вообще котлеты.

Сегодня я выклянчила вторую тарелку супа, но завтра я уже не смогу это сделать. Совесть не позволит каждый день так клянчить.

Пришла из театра мама и принесла два стакана кофе, порцию желе и одну котлетку из конины. Мы с мамой сейчас выпьем кофе с желе, а вечером, часов в 5, съедим по тарелке супа, а котлетку оставим на завтра. Как-нибудь надо протянуть до конца 1-ой декады, а потом строго рассчитать все на 2-ую декаду.

Такая обида: сегодня я 3 часа стояла на улице в очереди за вином, и, когда до двери оставалось человек 8, вино кончилось. Зря я только измерзлась. У меня так замерзли ноги, что я шла домой и

ревела. Стоять я больше не могла, я чувствовала, что если еще останусь стоять, то упаду и умру.

Наши каникулы продлены неизвестно до какого времени. Говорят, до 12-ого, а другие — до 16-ого.

В магазине ничего нет. Вот сегодня давали муку на 3-ью декаду. А у нас на 3-ью декаду не взято масло. Вот я слышала, в другом магазине вместо масла дали повидлу. Правда, это очень невыгодно, но, когда ничего нет, хоть что-нибудь получить.

9 января

Мы с мамой еще живы. Улучшения пока еще никакого нет. На сегодняшний день мы имеем 200 гр. хлеба, хлеб сегодня хороший, очень вкусный, хлеб мы получили сегодня без очереди. Также мы имеем говорящее радио, идущую воду.

Вчера мы с мамой после двух тарелок супа съели и ту котлетку, которую хотели оставить до сегодня. И как съели: по маленькому кусочку поджаривали на вилке на угольках. И, Боже мой, как это было вкусно. Это было такое наслаждение. Если сегодня мама принесет две мясные котлетки, мы опять будем наслаждаться.

6-ого января я была на елке в театре имени Горького[105]. Сперва был спектакль «Дворянское гнездо», затем обед, танцы вокруг елки, выступление артистов. На елке было очень весело, хорошо. Я очень осталась довольна.

---

[105] Примечания: 105

6-ого января я была на елке в театре имени Горького. — «Для учащихся 7–10-х классов елки были устроены в помещениях Театра драмы им. Пушкина, Большом драматическом и Малом оперном театрах. Сюрпризом было то, что во всех театрах было электрическое освещение. Играли духовые оркестры» (http://www.otvoyna.ru/deti.htm 14.02.2011)).

Я немного опоздала, у входа я получила талончик с цифрой 3, розовый, и билет «балкон, 2-ой ярус, № 31». До антракта я сидела в партере, потом нашла свое место. В следующем антракте пошла в фойе. Здесь стояла красавица-елка, богато разукрашенная, сверкающая разноцветными лампочками. Музыка играла, вокруг елки кружились танцующие, сверху елку освещал цветной луч прожектора. Хлопали выстрелы хлопушек, обсыпая танцующих дождем конфетти, шуршали разноцветные ленты серпантина, опутывая присутствующих. Народу было так много, что я едва протолкалась и нашла своих ребят.

Когда начался следующий антракт, я, спускаясь по лестнице, встретила Леву Савченко.

— Лена, где все наши ребята?

— Здравствуй, Лева, ты тоже здесь? А никого больше из ребят, кажется, нет. Я никого не видала.

— Ну, ладно, я потом вас разыщу.

— Вы уже обедать?

— Ага.

И он побежал вверх по лестнице догонять своих товарищей. А я еще долго стояла, пропуская спецшколовцев. Вся Левкина спецшкола была 6-ого на елке. И их в первую очередь повели

обедать. А вообще на обед было 4 очереди. Вот я обедала в 3-тью очередь, и большинство наших ребят — в 4-ую.

В следующем антракте я сразу же в фойе увидела Тамару. Рядом с ней стоял Лева. Весь этот антракт мы втроем стояли и разговаривали. Лева рассказал, как они живут. Их очень хорошо кормят.

— А сегодня нам на завтрак, перед тем как вести сюда, дали полную тарелку лапши, вот такую вот полную, до краев, со сливочным маслом, и тарелку пшенной каши, — говорил Лева.

— Лева, а что ты сейчас кушал? Вкусный обед?

— Вкусный, значит, так: на первое суп-рассольник, на второе котлеты мясные с гречневой кашей, на третье что-то вроде мусса. Очень все вкусно, да только порции крошечные, облизнуться только.

— Лева, а как Димка, ничего не пишет?

— Нет, ничего, сам не понимаю, ни слова.

— А как Тамара, Эмка?

— А я от нее тоже ничего не получаю. Ничего не знаю.

— Какие все-таки наши ребята свиньи. Уехали и забыли нас, скоты.

Встреча с Левой и этот непродолжительный

разговор доставил мне большое удовольствие. Оказывается, Лева ничего не знает о наших мальчишках. Они к нему не приходят, он к ним не ходит. Адьку он тоже не видел. Еще он нам сказал, что, может быть, их школу эвакуируют. Тогда он обещал зайти к Тамаре проститься.

Пока обедала 2-ая очередь, мы, кто в 3-ью, смотрели выступление артистов. Они представляли отдельные сценки из жизни Чапаева. Наконец я добралась до столовой. У входа нам вручили по столовой ложке, потом мы сели за длинный стол. Нам раздали по кусочку черного хлеба и суп в небольшом глиняном горшочке. Суп-рассольник был довольно густой, заправлен гречневой кашей.

Я съела всю жижу и начала перекладывать гущу в банку, в это время погасло электричество. В темноте я благополучно переложила всю гущу и, воспользовавшись темнотой, вылизала пальцами начисто весь горшок. Потом мы около часу сидели в темноте. Я уже съела весь свой кусочек хлеба и задремала, когда наконец принесли свет.

Подали второе. На маленькой тарелочке лежали одна, но довольно большая мясная котлета и не больше двух столовых ложек гречневой каши с соусом. Второе было совершенно холодное. Я все

переложила в ту же баночку, а соус тщательно вычистила пальцем.

На третье дали на блюдечке желе из соевого молока. Весьма неаппетитная штука. Я ее положила в другую баночку. Больше ничего не дали. Я думала, что дадут ну хотя бы по конфетке или по печенью. Нет, ничего не дали. Было четверть 7-ого, когда мы кончили обедать. Я помчалась домой, ведь дома меня ждала голодная мамочка, ведь мы так решили, что в этот день у нас на обед будет то, что я принесу из театра. Я рассчитывала придти домой не позднее 4-ех часов, а пришла домой полседьмого. Ну и бежала же я, ног под собой не чуяла. Прибежала, мы сейчас же сварили из всего, что я принесла, суп, по две тарелки вышло, и разделили желе. Потом мы посидели у печки, погрелись и легли спать.

Так прошел этот день, о котором я мечтала еще в прошлом году, когда мы впервые узнали о том, что у нас будет елка с обедом. Я ждала этого дня с таким нетерпением. Мне казалось, что нас накормят настоящим праздничным обедом и потом дадут какое-нибудь угощение.

Я слышала, что в другом каком-то театре на елке для 7-ого, кажется, класса дали обед: суп мясной с чечевицей, запеканка из макарон, желе

и угощение: кусочек шоколаду, пряник, два печенья и 3 соевых конфетки.

Вот и не знаю, правда это или сказка. Наверно, брехня.

10-ое января 1942 года

Конец первой декады. А в магазинах по-прежнему пусто. Люди не получили еще продукты за вторую и третью декаду за прошлый год.

Мы слабеем с каждым днем. Мы стараемся с мамой как можно меньше тратить энергии, побольше сидим и лежим. Это очень хорошо, что мы не учимся пока. Сейчас не до ученья, когда жизнь чуть теплится в тебе.

Наши школьные каникулы продлены до 15-ого, но говорят, что их еще продлят. Не знаю, по какой причине это делается, но, так или иначе, это как нельзя кстати.

Я очень беспокоюсь за маму. Как она должна себя чувствовать, если я уже начинаю шататься от слабости. Вот совсем не преувеличиваю, когда я сижу долго, а потом хочу встать, мне надо сделать большое усилие мышц, чтобы встать. А когда с постели встаешь на горшок, ноги подгибаются и не хотят тебя держать. На улице я стараюсь итти быстро и преодолеть нужное расстояние одним махом, если же замедлишь шаги, то ноги начинают заплетаться.

Как назло, стоят все время морозы. Они не та-

кие уж сравнительно большие, но эту зиму мы мерзнем как-то особенно сильно. На улице мороз небольшой, а мы страдаем как в 40-усный мороз. Это опять-таки сказывается недостаток питания, систематическое недоедание, крайнее истощение. Больше месяца это продолжаться не может. Одно из двух — или нам дадут питание, или мы все протянем ноги.

И вот что интересно, ведь нельзя сказать, что мы голодаем. Нет, мы даже с мамой, часто ложась спать, чувствуем себя вполне сытыми, но наш организм уже давно не получает такие необходимые виды питания, как **жиры** и **сахар**. А это две необходимейшие вещи. Мы получаем пищу, наш желудок полон, отсюда то обманчивое чувство сытости, но мало что из этой пищи усваивается организмом, большая же часть выходит вон в виде мочи. Ведь мы очень много ходим на горшок. Что мы едим: суп, горячий суп. Сыты мы от него именно потому, что он горячий и что его много, то есть много жидкости, а самого питательного и 10 грамм не будет. Ведь уже в столовых суп дают очень жидкий, да мы еще, сверх того, разбавляем его водой. Вот поэтому мы слабнем с каждым днем.

Вчера тетя Саша поделилась с нами своим

изобретением. Может быть, мы ей за это обязаны будем жизнью. А дело вот в чем.

Вчера мама за чем-то пошла к ней и возвратилась веселая и радостная. Оказывается, тетя Саша дала ей попробовать студня, сделанного из высшего сорта столярного клея, и дала ей одну плитку этого клея, чтобы мы тоже попробовали. Мама сейчас же принялась за дело. Вскипятила воду, примерно две тарелки, и распустила всю плитку, потом все это прокипятила и разлила по тарелкам, поставив на окно. Утром в 6 часов мы проснулись и увидели, что наш студень готов. Обеим нам он очень понравился. Мне лично очень. А когда мы прибавили немного уксуса, это было замечательно. Вкус мясного студня, так и кажется, что вот сейчас тебе в рот попадет кусочек мяса. И совсем не пахнет столярным клеем. Этот студень совершенно безвреден, наоборот, он очень питателен. Ведь высший сорт столярного клея делается из копыт и рогов домашних животных. А ведь некоторые специально покупают самые ножки с копытами молодых животных и делают рагу и студень. Таким образом, у нас с мамой есть широкая возможность получать без карточки добавочное питание.

У мамы в театре есть точно такой клей. Она

как раз недавно выписала для работы себе из кладовой 4 кило, это приблизительно 20 плиток, а 1 плитка — это 3 полных тарелки. Мама постарается выписать еще такого клея, и мы будем обеспечены на месяц вкусным, питательным студнем по полной тарелке в день.

Но говорит русская пословица «голь на выдумки хитра», я уже придумала и разработала дальнейшие пути применения этого студня. Если в тарелку еще горячего клея положить повидлы, сиропа, вина и еще что-нибудь в этом роде, то, когда все это застынет, получится прекрасное желе (из вина и сока), а с повидлой, а еще лучше джемом, если их положить побольше, должен выйти своеобразный мармелад, то есть сладкая масса, которую можно будет резать ножом на кусочки и пить с чаем.

Можно придумать и еще что-нибудь, стоит только начать. Вот, например, сегодня, если мама получит мясные котлетки, мы с мамой хотим сделать настоящий мясной студень: сварим в этом клею раскрошенную мясную котлетку, и от этого вся масса приобретет мясной вкус и можно будет выловить и кусочки мяса.

Я так рада, что мы вспомнили об этом клее. Это нас, особенно маму, я думаю, должно очень

подкрепить.

Сегодня с утра радио говорило, а сейчас молчит. У нас в комнате очень холодно, я сижу, закутавшись в одеяло, и пишу этот дневник. Жду маму, уже четвертый час, а она сказала, что придет в 2. Что-то она сегодня принесет. А может быть, она потому долго не идет, что стоит в очереди за конфетами. Ведь давали же у ней в театре под Новый год конфеты, может, и теперь дают, ведь сегодня последний день этой декады. Да только вряд ли. А может быть, дают сироп и кофе к желе?

Я сегодня, как мне обещала вчера Лида, получила две порции супа. Суп пустой, шпинатовый, но все-таки это суп, и его — две полные тарелки.

А завтра уже новая декада. Мы опять сможем брать два супа по 25 грамм на карточки или одно второе. Вот у мамы иногда бывают дурандовые лепешки с повидлой, вырезают 50 грамм крупы. Я думаю, это взять выгодно. Ведь на 25 гр. дают две дурандовых лепешки, следовательно, дурандовая лепешка в 50 грамм — это 4 маленьких дурандовых лепешки. Мы можем лепешку съесть пополам, а из повидлы с помощью клея приготовить тот самый мармелад, о котором я говорила выше.

Ну, писать больше невозможно. Совсем темно

уже.

А вот и мама!

12/I-42 г.

Уже двенадцатое января, а улучшения никакого. Хлеба не прибавили, в магазинах пусто, свет не горит, радио молчит, вода не идет, уборная не спускается.

Вчера мы питались исключительно студнем из столярного клея. Сегодняшней ночью съели опять по полторы тарелки студня. Он такой вкусный и сытный, прямо прелесть. Я им так сегодня утром была сыта, что не съела, а попросила маму взять с собой для сохранения порядочный кусок хлеба. Так что мне впереди предстоит удовольствие вечером.

А вот сейчас день — самое поганое время. Холодно, сижу в пальто, руки и ноги совсем заледенели. Сейчас у нас в комнате 5° тепла, а на улице опять мороз. Вчера было 31° мороза, и сегодня не меньше. На улице невозможно долго находиться. Недавно я ходила за водой. Слава Богу, теперь у нас есть дня на два воды. Два ведра принесла. К 1 часу 40 мин. пойду в школу за супом. Скорей бы этот несносный день проходил. А вечером, после четырех, придет мама, принесет лапшу и мясные котлетки. Мы разведем огонь,

завесим окно, согреем суп, сделаем студень. Пока будет готовиться студень, то есть будет кипеть, мы будем жарить на угольках котлетку, хлеб и лапшу. Мы теперь всегда так едим. На вилочке по маленьким кусочкам жарим все, что только можно. Так выгодней, скорей время проходит и удовольствия больше. Вечером мы получим опять студня. Он застывает быстро, через два часа. Вот сколько удовольствий меня ждет сегодня, а пока я должна мерзнуть и караулить время.

А позавчера я не ошиблась, когда предполагала, что мама не идет потому, что стоит за чем-нибудь вкусным в очереди. Тогда мама принесла 100 грамм изюма, это на мою карточку вместо конфет за 1-ую декаду. 100 грамм кондитерских изделий, это прямо ужасно, а служащим 150, а рабочим 300.

Мама нарочно взяла только на мою карточку, так как она надеется в скором времени получить другую — или служащую, или даже рабочую карточку, и тогда в конце 2-ой декады получит сразу на свою карточку за две декады. Если, например, мама получит рабочую карточку, то в конце 2-ой декады мы всего получим: 100+300+300=700 грамм кондитерских изделий. Мы уже с мамой решили, если не будет конфет, мы возьмем банку

с вареньем за 600 грамм и 100 грамм изюму. Из варенья мы сделаем мармелад.

17/I-42 г.

У нас еще все каникулы. Дни тянутся за днями, удивительно похожие друг на друга. Вот уже три дня, как мы с мамой живем так: встаем примерно часов в 10 утра, часов у нас точных теперь нет, потому что радио не говорит, а наши часы часто останавливаются. Первая встает мама, потом я. Мы съедаем по тарелке студня и пьем горячую воду, а если маме посчастливилось — то кофе. Потом мама уходит. Наступает самая неприятная часть дня. Я остаюсь одна и делаю кое-какие делишки по хозяйству: если нужно, приношу воды, готовлю дрова, мою посуду и пр. Незаметно, глядишь, пора итти в школу. Снаряжаюсь, иду в школу к 1 часу 40 минутам, но там всегда обедают еще восьмые классы. Приходится ждать, пока поговоришь с одним, с другим, приходит время садиться за стол. Жду, когда мне подадут тарелку с супом. Последнее время нам дают только один суп, причем суп абсолютно без соли, пустой, заправлен мукой. Суп довольно вкусный. После того как я вылила свою порцию себе в баночку, я иду домой. Уже приблизительно четверть 3-его. Приближается самое приятное время дня. Здесь

лучше не ждать маму, а чем-нибудь заняться. Тогда время проходит совсем незаметно. Наконец приходит мама, приносит хлеб и обед и иногда еще кофе. Мы все распределяем, и начинается кормежка, часов до 6-ти. Мы наслаждаемся, чем Бог послал, жарим свои заветные кусочки и, если есть кофе, пьем кофе. Потом, когда догорят последние угольки, идем спать, приготовив себе тарелку студня. Ночью, часов в 5–6, мы с удовольствием съедаем его и спим до следующего дня.

Сегодня, может быть, мама принесет 300 грамм джема. Это за вторую декаду на обе и за первую на одну карточку. Мама сговорилась с одним дядей взять пополам банку джема в 600 грамм. Вчера мама ушла из театра, а этот дядя остался стоять в очереди, и, если он вчера получил джем, мама сегодня принесет.

Интересно знать, какое «меню» у нас с мамой будет сегодня. Вчера мы имели (как я, так и мама) 200 грамм хлеба. Две тарелки борща. 6 грамм каши из отрубей (3 столовых ложки). 2 тарелки мучного супа, 2 чашки кофе и одну тарелку студня. Как видно, «меню» хорошее. Добавлю, что я легла вчера спать совершенно сытая, мама тоже. Маме обещают на третью декаду дать рабочую

карточку.

I

Я один, один, один всей квартиры господин.

Мама вышла на базар, я поставлю самовар,

Я лучины настругаю, заварю их вместо чаю.

Хоть еще продуктов нет, приготовлю я обед.

Суп сварить не так уж длинно,

Будет суп из гуталина.

Пять мочалок на жарко́е, вот так вкусное второе.

«Мяу, мяу, мяу, мяу, – засмеялся кот в углу, —

Я охотно ем свинину, мажу лапкой по усам,

Но бульон из гуталина кушай сам, кушай сам».

II

По театрам и кафе ходят люди в галифе.
Чтоб совсем как взрослым быть,
Галифе мне надо сшить.
Живо Дим штанишки снял,
Ножницами искромсал.
Интересная игра, ой как колется игла.
Кот прищурил глаз лукаво:
«Мяу, новая забава».
А часы, разинув рот, хохотали, как он шьет.
Тики-так, тики-так, вот смешно-то как.

III

Я измазался как чушка,
Надо сделать постирушку.
Куклу Таню в тазике, а в ведерке Кутьку
Выкупал проказник с мылом не на шутку.

Котик по полу катался и от смеха задыхался.

Дима крана не закрыл, а пока белье он мыл,

Затопила все вода, лужа по полу, беда!

Замочил котенок лапки, надо вытереть их тряпкой.

Киска, надо удирать, вместе лезут на кровать.

Испугались тараканы этакой нежданной ванны.

С бедным Кутькой, точно плот, стол по комнате плывет.

адвигается потоп.

Ищет место Дим посуше,

Эй, в окно и в лужу шлеп. Испугал ужасно чушек.

IV

Бежит бабушка с ведром, дворник Петр с помелом,

А кухарка с кочергой сшибла мальчика ногой.

Он лежит и воет: «Что ж это такое и за что же в кутерьме

Лоб и нос разбили мне?»

V

Я уеду на трамвае, меня мама не поймает,

На подножке покачу, за билет не заплачу.

На площадке ой как тесно, но зато как интересно.

Ай, какая-то дворняжка в клочья рвет мою рубашку!

Песик, песик, не кусай,

Без меня уйдет трамвай.

Песик, песик, ой, ой, ой,

Дим лежит на мостовой.

VI

Мимо дядя ехал шибко, вез в бочонке деготь.

Деготь черный, деготь липкий,

Даже страшно трогать.

Дядя злющий, бородатый,
Конь большущий и косматый.
Сделав дяде длинный нос,
Дим коня схватил за хвост.
Дядя не проехал мимо,
Рассердился он на Диму.
Диму за ворот схватил,
Прямо в бочку посадил.

VII

Все мальчишки Димку дразнят:
Димка черный, Димка грязный.
Не хотим с тобой играть,
Чтобы рук не замарать.
Бедный Дима горько плакал.
Вместо слезок деготь капал.

Мыли Диму две недели
И отмыли еле-еле!!![106]

Сейчас я была в школе. Один только пустой суп за 11 коп. Девятнадцатого в школу приходить

---

[106] Примечания: 106
Автор начала XX века не установлен.

учиться не надо. Нет дров.

20/I-1942 года

Все, что ни стану делать, все валится из рук. Ночью под одеялом строишь столько разных планов, как провести день, но ничего не выходит, повторяю, все валится из рук. Это объясняется действием холода. Днем у нас светло только у окна, а у окна так холодно, что невозможно ничем заняться, руки мерзнут. Хочешь опять так думать, как ночью, ничего не думается. Холод действует ужасно, не только что скрюченными от мороза пальцами ничего в руках не держится, но и все мысли куда-то улетают. Зато ночью мысли в голове с такой лихорадочной поспешностью сменяют одна другую, что я полночи обыкновенно не сплю и ворочаюсь с боку на бок, и нет никакой возможности от них отвязаться. Хочешь не думать и не можешь. А вот сейчас, днем, в голове пусто и ни о чем не думается, хоть плачь. Ничего не хочется делать, лечь? — не хочется. Стоять так и глядеть в одну точку, больше ничего не остается.

Я никогда раньше не подразумевала, что холод может оказывать на человека такое убийственное действие. Вот сейчас я стою и пишу замерзшими пальцами, медленно вывожу букву

за буквой, я могла бы сесть, но мне лень сделать лишнее движение. Ноги мои уже, наверно, месяц как не отмерзают. А на улице стоит лютая зима. Зимнее солнце освещает крыши домов.

Завтра траурная дата, годовщина со дня смерти Ленина. Все упорно верят слухам, что завтра будет прибавка хлеба. Я тоже хочу верить, но боюсь. Последнее время нам дают такой роскошный хлеб, и в мирное время не бывало такого. Такой хлеб нельзя назвать черным — одна пшеничная мука. Вкусный какой, прямо объедение. Розовая прожаренная корочка, легкий, не ломается, не крошится, легко режется ножом, но 200 грамм — это слишком мало, чтобы насытиться этим хлебом. Мы как бы угощаемся лакомым кусочком. Прямо обидно.

Говорят, что нам завтра прибавят хлеба, говорят, что нам выдадут масло. Говорят, что мы самое тяжелое пережили, оно осталось позади, что теперь будет легче. Говорят, что нам дадут много продуктов. Говорят, что мы все получим санаторный паек. Говорят, говорят, без конца говорят, и не знаешь, верить или нет. Хочется верить, очень хочется. Мы все так устали, так истерпелись, что прямо жить тошно становится.

Сегодня у меня на редкость плохое настроение.

Так тошно, так тошно, на душе так тяжело, хочется забыться, заснуть. Холодно, чувство постоянно неутоленного голода. Холодно. Это ужасно. Если бы быть в тепле, то все страдания и лишения были бы вполовину.

На фронтах по-прежнему. Наши наступают, истребляют немцев на каждом шагу. Немцы, отступая, превращают все в безлюдную пустыню. Все разрушается, сжигается, истребляется.

Страшно подумать, какие дикие зверства творят фашисты. Фашисты превращают в безжизненную пустыню оставленные ими районы, и это делается планомерно, по специальным инструкциям. Груды развалин, кучи пепла, горы трупов — вот что застают наши бойцы на отвоеванной у фашистов земле. Волосы становятся на голове дыбом, и кровь леденеет в жилах при мысли, что все это не сон.

25/I

Вчера прибавили хлеба. Теперь с хлебом дело обстоит так.

	Иждивенцы	Служащие	Рабочие
Раньше	200 гр.	200 гр.	350 гр.
Теперь	250 гр.	300 гр.	400 гр.

Иждивенцы Служащие Рабочие
Раньше 200 гр. 200 гр. 350 гр.
Теперь 250 гр. 300 гр. 400 гр.
Но все очень недовольны, ждали большего.

Нельзя себе представить, как мы сейчас с мамой живем. Вот уже 2-ой день как на улице стоит лютый мороз при безоблачной солнечной погоде. У нас очень мало дров, мы тратим в день несколько щепочек, только чтобы разогреть пищу. У нас в комнате жутко холодно, мы живем только под одеялами.

Сегодня я утром сбегала за хлебом, что непра-

вильно, хотела сбегать за хлебом, но пришлось с полчаса постоять в очереди, а мороз сегодня еще больше, чем вчера, вся кровь леденеет в жилах, и мозг застывает, и прохватывает до костей.

Сегодня хлеб неважный, за 1 р. 90 коп., форменный, почти настоящий, черный, но какой-то сырой и поэтому тяжелый. Спешила домой, сразу разделась и [в] постель. Мама поставила воду, выпили по чашке горячей воды и лежали в кроватях. Сейчас, когда я пишу эти строки, мама заготовила для обеда дров, и сейчас опять лягу в постель, а то я уже совсем замерзла.

А вчера случилось вот какое происшествие. Мы с мамой сговорились, что хлеб купит она, когда пойдет из театра[107]

[107] Примечания: 107
Предложение не закончено.

29/I

Давно не писала. Все как-то не выбрать время. Мы два дня: 27 и 28 сидели без хлеба. Почти ни в одной булочной не было хлеба. Говорят, этот перебой в хлебе произошел по причине той, что вследствие сильного мороза на хлебозаводе лопнули трубы[108].

Так или иначе, мы сидели 2 дня без хлеба и без обеда, питаясь только одним супом из школы и студнем. Мама так ослабла, что еле ходит. Но, о счастье, вчера я получила вместо хлеба пшеничную хорошую муку, 975 гр., и мама совсем ожила. Мы сразу сделали суп-болтушку и лепешки. Если и завтра не удастся достать хлеба, мы опять возьмем мукой. Сегодня потепле[й], идет снег. В доме 17 пошла вода. Сегодня стояла там в очереди и достала воду. А то последнее время стояли такие морозы. Воду брали из проруби с Фонтанки.

Не знаю, проживем ли мы. Мою маму совсем подкосили эти два ужасных дня. Она очень ослаб-

---

[108] Примечания: 108

Говорят, этот перебой в хлебе произошел по причине той, что вследствие сильного мороза на хлебозаводе лопнули трубы. — Перебои в работе хлебозаводов были связаны с острой нехваткой электроэнергии и временным отключением главной водопроводной станции.

ла, [но] крепка духом. Она хочет жить, и она будет жить.

8/II

Вчера[109] утром умерла мама. Я осталась одна.

[109] Примечания: 109

В записи от 5 марта 1942 г. и в письме В. В. Милютиной 7 апреля 1982 г. указана другая дата смерти — 8 февраля 1942 г.

10/II

Истопила жарко печку. Сейчас в комнате в среднем +12°. Завтра напишу поподробнее.

11/II

Сегодня прибавили хлеба. Утром я с дворничихой отвезла маму на улицу Марата.

Мы везли маму по той же самой дороге, по которой еще месяц тому назад мы с мамой везли Аку. И, как и тогда, когда мы сегодня везли маму, была метель, а потом, днем, сияло солнышко. Потом мы с дворничихой пошли в булочную. Я получила 600 гр. хлеба, 300 отдала ей. Потом я пошла в школу, получила тарелку пшенного супа и порцию пшенной каши со сливочным маслом. Пришла домой, напилила дров, разогрела обед, поела хлеба и почувствовала, что больше ничего не в силах делать. Хотела пойти за водой, помыть посуду, но, вероятно, сегодняшний день меня так истомил, не столько физически, сколько нравственно, что я совершенно ничего больше делать не могу. Вчера я продала 6 плиток клея, по 15 рублей плитка. Получила 90 руб. Сейчас у меня 99 рублей 60 коп. За комнату, оказывается, мне ничего не дадут. Ида Исаевна принесет мне рублей 100, не больше. 50 рублей я отдам Иде

Исаевне за времянку[110].

Вчера я топила большую печку, и у меня в комнате было +12° тепла. Печка была почти доверху каленая. Завтра я получу 600 гр. хлеба, подумать только. Сейчас я ничего больше делать не буду, а лягу спать. Утро вечера мудренее. Как тяжело одной! Ведь мне еще только 17 лет. Я совсем неопытна в жизни. Кто мне даст теперь совет? Кто меня будет теперь учить, как жить? Кругом чужие люди, никому до меня нет никакого дела. У всех свои заботы. Боже, как же я одна буду жить. Нет, я не представляю. Но жизнь сама будет мне диктовать, что делать, и потом, у меня есть еще один близкий человек — Женя[111]. Она мне поможет, это бесспорно. Но до нее надо еще сперва добраться. Надо будет сходить к Кире. Может быть, она даст мне немного денег.

Мамочка…

---

[110] Примечания: 110

Времянка — временно устанавливаемые в помещениях железные или кирпичные печи. Наиболее известными были так называемые буржуйки — металлические печи с металлическим же дымоходом для обогрева помещений.

[111] Примечания: 111

…один близкий человек — Женя. — Речь идет о Евгении Николаевне Журковой (Якуше) (1892–1978), родной тете Лены Мухиной.

13/II

Когда я утром просыпаюсь, мне первое время никак не сообразить, что у меня действительно умерла мама. Кажется, что она здесь, лежит в своей постели и сейчас проснется, и мы будем с ней говорить о том, как мы будем жить после войны. Но страшная действительность берет свое. Мамы нет! Мамы нет в живых. Нет и Аки. Я одна. Прямо непонятно! Временами на меня находит неистовство. Хочется выть, визжать, биться головой об стенку, кусаться! Как же я буду жить без мамы. А в комнате запустенье, с каждым днем все больше пыли. Я, наверно, скоро превращусь в Плюшкина. Неужели меня загрызет лень? Неужели я копия моей матери? Ведь я так люблю, когда в комнате чисто, уютно. Нет, нет, нет и еще раз нет. Я сейчас встану, у меня тепло, и буду прибирать комнату. Только я не знаю, с чего [на]чать. Повешу-ка я гардины сперва, от них сразу станет уютнее.

Теперь так. У меня 97 рублей денег. Еще 100 мне принесет Ида Исаевна. Мне надо устроиться на работу, но я думаю, что февраль я могу прожить и так.

Осталось 17 дней.

Хлеб — 17 × (за 1 р. 70 к.) на (17 × 3) = 857 коп. = 8 р. 57 коп. С продуктами, кажется, дело поправляется. Вчера во всех магазинах давали на новую карточку крупу. Иждивенцам полагается 250 гр., но так как я пользовалась столовой, то получила гораздо меньше. В общем, я вчера без всякой очереди купила 125 гр. гороху и 200 гр. пшена и сварила вчера такую роскошную пшенную кашу, что просто красота. За вчера я съела 600 гр. хлеба, котелок чечевичного супа и тарелку пшенной каши, и мне было нехорошо. Да и понятно, мы все так изголодались, что для нас сейчас такое количество пищи уже много.

Милая, дорогая, любимая мама. Ты не дожила до улучшения всего каких-нибудь несколько дней. Так обидно, так до боли в сердце досадно за тебя. Ты умерла 7-ого утром, а 11-ого прибавили хлеба, а 12-ого дали крупу.

Но, Боже мой, как же, как же я буду жить одна. Я не представляю. Совершенно не представляю! Нет, я уеду к Жене. Тоже[112] кругом все чужие люди. Я так несчастна! Боже, Боже милостивый! За что! За что все это!

---

[112] Примечания: 112
Видимо, правильно: тут же.

15/II-42 г.

Вчера послала телеграмму Жене: «Умерли Ака и мама. Телеграфируй совет. Лена». Заплатила 5 р. 25 коп. Вчера в д. 28 стояла в очереди за сахаром, но привезенный сахар пах керосином, и его увезли обратно на базу. Сегодня часам к 2–3 обещали привезти. Когда я стояла за сахаром, то встретила Люсю Карпову, она стояла тут же за мясом и взяла мне на одну мамину карточку 125 гр. Большое ей спасибо. Очень хороший кусочек. Я вчера принесла из школы горохового супа, добавила его водой, целую маленькую кастрюльку, прибавила ложку чайную пшена и накрошила немного мяса, и у меня получился прекрасный суп. Потом я в клей тоже накрошила мяса. У меня получились 3 тарелки студня. У меня есть еще на несколько раз гороха и пшена.

Такая обида, ну никак не предусмотреть. Вчера давали на крупу гречу, настоящую гречневую крупу, если бы немножко подождать, я ела бы гречневую кашу со сливочным маслом.

Скоро должны выдать масло. Я получу приблизительно 300 гр. масла. Вообще, я последнее время так наедаюсь за день, что мне ночью дела-

ется нехорошо. Сегодня, чуть рассвело, я встала и пошла в дом 28. Думала, будет сахар и масло. Но там было только мясо. Оттуда пошла в булочную. Купила 600 гр. хлеба и решила пройти на рынок, обменять хлеб на что-нибудь сладкое, сахар или конфеты, и вдруг увидела санки с дровами и вспомнила, что мне как нельзя кстати дрова. Спросила одного, другого и сменяла на 400 грамм хлеба 9 досок почти в метр длиной и в два пальца толщиной. С великим трудом приволокла их домой. Этих дров мне надолго хватит, я как раз хочу устроить стирку, а то у меня нет ничего чистого, а мне скоро надо будет собираться в дорогу. Вот получу ответ от Жени и поеду.

Очень обидно, что у меня часы испортились. Комната эта очень хорошая, светлая, и печка чудная. Несколько полешек достаточно, чтобы она накалилась почти доверху. Я понемножечку прибираюсь. Осталось уж совсем немного. Скоро у меня в комнате будет уютно, тепло, даже жаль уезжать. Но нет, я все-таки твердо решила уехать. Весной, там в совхозе, будут очень нужны рабочие руки, и я смогу там работать, и потом, когда кончится война, когда подкоплю денег, приеду в свою комнату и буду жить, а потом поступлю работать. А сейчас поступать работать нет ника-

кого смысла, а деньги у меня пока есть.

Я сейчас сижу, и мне никак не встать. Во-первых, я очень устала с этими дровами, даже, может быть, надорвалась, а во-вторых, я сейчас сытно поела. Съела тарелку вчерашнего супа, двести грамм хлеба, полтарелки студня и две чашки чая. Попросила у тети Саши взаймы чайную ложку сахарного песку и попила чайку на славу.

17/II

Я совсем разбогатела. В одной банке у меня пшено, в другой перловая крупа, в третьей банке гречневая крупа, в коробочке немного гороха, на окне 125 гр. мяса. Вот с сахаром не везет. Я до сих пор не получила сахара. Вчера у меня на обед было: на первое гороховый суп, на второе гречневая каша со сливочным маслом, на ужин перловая каша со сливочным маслом.

Сегодняшний хлеб за 1 р. 25 очень вкусный, сухой, очень хороший.

Уже 3-ий день я слушаю радио. Так хорошо, совсем не чувствуешь одиночества.

Деньги у меня есть — 105 рублей. Дрова есть, продукты есть. Что мне еще надо? Я вполне довольна.

Сегодня холодно. Стоит безоблачная, солнечная погода.

25/II

Сейчас я сижу и после сытного обеда пью горячее какао с хлебом. А обедала я сегодня: супа мучного две тарелки и рисовую кашу с хлопковым маслом. Сейчас буду топить печку, а то у меня в комнате холодно: +6° всего.

Уже больше полмесяца, как я осиротела. И мне никак не верится, что я никогда больше не увижу маму, живую, вот такую, как она на фотографии.

Продовольственное положение улучшилось. У меня сейчас есть карточка на крупу в столовую, а кроме того, есть горох, чечевица и сухие овощи: лук, свекла, капуста. Мамины карточки у меня еще не отняли[113].

---

[113] Примечания: 113

Мамины карточки у меня еще не отняли. — В письме В. В. Милютиной 7 апреля 1982 г. Е. В. Мухина вспоминала: «Почему я все же выдержала эту муку — эту уборку льда? И не подохла. Только потому, что мама Лена умерла **в начале** месяца — 8-го февраля. И в домоуправлении меня пожалели и решили оставить в живых. И для этого не отняли у меня ее хлебную карточку. И я с 8-го февраля 1942 г. и до конца месяца питалась **двойной** порцией хлеба» (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб.). Ф. 495. Оп. 1. Д. 315. Л. 14). На самом деле карточки в это время уже не отбирали на основании циркуляра начальника Управления милиции Ленинграда Е. С. Грушко, изданного 7 февраля 1942 г. Милиционерам запрещалось изымать продовольственные и хлебные карточки при оформлении смертей на квартирах (см.: *Иванов В. А.* Особенности реализации чрезвычайных мер по поддержанию в блокадном Ленин-

граде режима военного времени // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы. СПб., 2005. С. 475, примечание).

Каждый день к часу я хожу в школу и получаю обед. Теперь суп по карточкам, желе не бывает, поэтому народу сравнительно немного. Из наших я вижу последнее время Лиду Соловьеву и… Леву Савченко. Да, да, Леву, оказывается, их спецшкола уже эвакуировалась, а он как раз заболел и[114]

[114] Примечания: 114
Предложение не закончено.

27/II

Началось постепенное улучшение. Боже, как это досадно, что ни Ака, ни мама не дожили до этого времени.

Скорей бы кончилась война.

Нет, не правы были те люди, которые говорили, что нашему правительству наплевать на нас, ленинградцев, что для них ничего не значит, что какими-нибудь 4–5 тысячами ленинградцев станет меньше. Нет, я всегда знала, что это не так, что о ленинградцах правительство и сам товарищ Сталин помнят каждую минуту и стараются по мере возможности облегчить наше положение.

Если говорить правду, я сейчас вполне счастлива.

Сейчас около 8 часов вечера. Я сижу за столом с хорошей коптилочкой, пишу дневник и слушаю радио. В комнате тепло, уютно. Я сыта, недавно только пообедала, сегодня у меня на обед был суп с лапшой, вернее, суп-лапша, а на второе — целая тарелка лапши, чудной белой лапши с котлеткой, а на третье — сладкий кипяток с какао и с хлебом. Так что вот такие дела.

За последнее время нам полагается получить

крупы на 4[-й] талон, мяса, клюквы 150 грамм, сахару. Кроме того, на каждую карточку полагается по $^1/_4$ литра осветительного керосина, вот сегодня я купила поллитра керосина, кроме того, говорят, что еще за этот месяц дадут масла и на 8[-й] талон сушеной рыбы. А новые карточки, говорят, тоже радуют глаз. Крупы много, и крупа не по 12,5 гр. на талон, как было до сих пор, а по 20 гр. Говорят также, что в столовых суп будет теперь без карточек. Ожидается также прибавка хлеба.

Еще хочу отметить заметное улучшение в нашей столовой: каждый день есть первое, второе и мясное. Супы очень густые, каши очень разнообразные, порции большие, и мясное — сардельки или котлеты, очень хорошего качества, о конине уж нет и помина. Вспоминается, что еще совсем недавно суп был одна вода, каши давали кот наплакал, и мясное было таким миниатюрным, только облизнуться. Ушли в прошлое и дурандовые лепешки, а ведь они одно время были почти единственной пищей, суп из дурандовой лепешки, а на второе дурандовая лепешка.

Да, за это время многое изменилось в сторону лучшего. В булочных всегда есть вкусный хлеб, но людям все мало. Все ноют, жалуются, уж начинают мечтать о булке, о пряниках. Уж так, наверно,

человек создан, ничего не поделаешь: ему все подбавляй да подбавляй. Хлеба нет, человек мечтает о хлебе, получил хлеб — мечтает о булке, будет булка — начинает мечтать о пирожных. Нет масла — мечтает о масле, дадут хлопковое, например, — будет мечтать о сливочном, дадут и его — будет мечтать о сметане, твороге. То же самое и с мясом: нет мяса — мечтает о конине, есть конина — подавай говядину да баранину, будет и это — подавай свинину, куру, гуся, а если даже и это будет, тогда человек захочет тетерку, индейку, икру, ветчину и еще что-нибудь. Ничего не поделаешь, так уж человек устроен.

1/III

Март. Наступил март. Ведь это первый месяц весны. Да, март, апрель, май, а там и лето. Итак, наступила весна, а за окном идет снег, обыкновенное зимнее серое небо, но ничего, март — это уже весенний месяц.

Хлеба еще не прибавили. Вчера получила 300 гр. клюквы, а 200 гр. хлеба сменяла на 200 гр. клюквы. По-моему, это выгодно, так как хлебом я обеспечена каждый день, а клюквы дают ведь не каждый день. Сейчас простилась с Идой Исаевной. Она уезжает в Ташкент. Очень хороший человек. Мы с мамой ей многому обязаны. Вчера она подарила совсем еще хорошие ботинки, коричневые парусиновые, на низеньком каблучке. Это так кстати, я буду их носить весной.

Скорей бы весна, скорей бы кончилась война. Терпенье, Лена, терпенье, всему свое время. Я счастлива, ведь у меня все впереди. Сколько радостей, удовольствий, развлечений.

Сейчас пойду за хлебом. Обидно, что надо экономить спички. У меня осталось 4 спички,

а неизвестно, когда нам их выдадут[115]. Хлеб, наверно, прибавят не раньше 5-ого.

Сегодня очень вкусный хлеб. В столовой я взяла одну порцию пшенной каши. Теперь все по-новому. Вырезают: за суп 20 гр. крупы и 10 масла, за кашу 400[116] гр. крупы и 10 масла, за мясное 50 гр. мяса и 10 масла. Но зато суп такой густой, что ложка стоит, а каши целое полное блюдце. Сегодня я выкупила мясо, 225 гр.

Итак, сегодня я сготовила очень хороший обед. Каша с постным маслом и с сахаром, затем две тарелки супа-лапши с мясом и с луком. Вареное мясо, потом жареное мясо и несколько кусочков жаренного на постном масле хлеба, а на третье клюквенный морс с сахаром. Да, вот какой обед. Когда я готовила обед, постучалась Валя и передала открытку мне. Открытка адресована моей маме, она от Жени. Женя, значит, мою телеграмму не получила. Она пишет, что беспокоится, живы ли мы все и здоровы, что долго нет от мамы отве-

---

[115] Примечания: 115

Обидно, что надо экономить спички. У меня осталось 4 спички, а неизвестно, когда нам их выдадут. — Решением исполкома Ленгорсовета горожане могли получить спички по мартовским карточкам с 5 марта 1942 г. Рабочим, ИТР и служащим выдавалось по 2 коробки, иждивенцам — по одной коробке спичек на месяц (Ленинградская правда. 1942. 5 марта).

[116] Примечания: 116

Так в тексте. Правильно — 40 г.

та. Я сейчас же написала ей ответ. Завтра опущу.

5/III

Скоро женский день. Стоит солнечная морозная погода. Хлеба еще не прибавили. Когда подумаешь, сколько уже пережито, прямо страшно становится и радостно, самое тяжелое позади. Я это пережила и одна из всех нас 3-ех осталась в живых. Если бы продовольственное улучшение запоздало бы еще на полмесяца, то и я бы вслед за Акой и мамой отправилась бы на Марата, 76. Марата, 76! О, какой зловещий адрес, сколько тысяч ленинградцев узнали его. Я осталась жива и хочу жить. Для этого я не должна здесь оставаться. Мне надо пробраться в Горький к Жене.

Вчера Раиса Павловна, моя соседка, отдала мне открытку, которую, как и еще несколько писем, принесли из жакта, где она давно валялась. Не знаю, как попала эта открытка в жакт. Открытка оказалась от Жени от 19/I. Женя в ней пишет, что очень беспокоится, почему нет ответа, вот уже какое письмо пишет. А адрес-то: Горький, пер. Могилевича, а я-то, дура, писала совсем ведь по другому, старому адресу. Вот почему моя телеграмма не дошла.

Теперь план моих действий таков: пошлю

Жене новую телеграмму, а потом буду стараться пробраться в Горький. Для этого пойду к Кире, к Гале. Если же я здесь останусь, то мне будет очень тяжело. Работать сейчас мне очень трудно, я очень ослабла, если же я останусь безработной иждивенкой, то меня замучают трудовой повинностью. Начнется весна, потеплеет, растают нечистоты, работы будет много, а может, еще на кладбище погонят, мертвецов закапывать, а самих замучают. Нет, мне надо к Жене. Женя пишет, что живут они сносно, даже хорошо по теперешним временам. Я могу там немного подкормиться, немного окрепнуть и поступить на работу, и работать, а жить с Женей или с Нюрой[117]. Ведь они для меня близкие, родные, они меня любят и, конечно, не прогонят.

Нет, нет, мне надо уезжать! Я напишу такую телеграмму: «Я осталась одна. Ака и мама умерли. Можно к тебе? Скорей ответь».

«Только я осталась жить. Умерли Ака и мама. Я очень ослабла».

«Умерли от истощения Ака и мама. Жить очень трудно. Я ослабла. Женя! Можно к тебе?»

«Ака и мама умерли. Женюша, можно к те-

---

[117] Примечания: 117

Нюра — жена Владимира Николаевича Мухина, дяди Лены Мухиной.

бе?»[118]

Сердце разрывается, когда начинаю вспоминать о маме. Мне все кажется, что мама только ненадолго уехала по своим делам и скоро вернется. Как хочется кушать. Неужели не прибавят хлеба? Как надоело влачить это полуголодное существование, а работать, работу мне сейчас не вынести, очень ослабла. К Жене, только к Жене, там спасение.

Мамочка, мамуся, ты не выдержала, ты погибла. Мамуля, мамончик, милый дружочек мой. Боже, как жестока судьба, ты так хотела жить. Ты умерла мужественно. У тебя был очень сильный дух, но, к сожалению, очень слабое тело. Мамуля, ты умерла, слабела с каждым днем, но ни одной слезинки, ни жалоб, ни стонов, ты старалась ободрить меня, даже шутила. Вспоминаю, что 5-ого февраля ты еще встала. Пока я бегала по очередям, ты наготовила дров. После обеда ты спокойно сказала, что теперь приляжешь отдохнуть. Ты легла, попросила себя прикрыть своим пальто, и… и больше ты уже не вставала.

7-ого ты уже не вставала на горшок, а главное, вот что обидно: эти последние дни, 5, 6, 7 февраля,

---

[118] Примечания: 118
Этот вариант телеграммы взят в рамку.

мама почти совсем со мной не разговаривала. Она лежала, закрывшись с головой, очень строгая и требовательная. Когда я бросилась со слезами к ней на грудь, она отталкивала меня: «Дура, что ревешь. Или думаешь, что я умираю». — «Нет, мамочка, нет, мы с тобой еще на Волгу поедем». — «И на Волгу поедем, и блины печь будем. Вот давай-ка мы лучше на горшок с тобой сходим. Ну-ка, сними одеяло. Так, теперь сними левую ногу, теперь правую, прекрасно». И я снимала с кровати на пол ноги, когда я дотрагивалась только до них, это ужасно. Я понимала, что маме осталось недолго жить. Ноги — это были как у куклы, кости, а вместо мышц какие-то тряпки.

— Опля, — говорила весело она, силясь сама подняться. — Опля, а ну-ка, подними меня так.

Да, мама, ты была человеком с сильным духом. Конечно, ты знала, что умрешь, но не считала нужным об этом говорить.

Только помню, 7-ого вечером. Я попросила маму: «Поцелуй меня, мамуся. Мы так давно не целовались». Ее строгое лицо смягчилось, мы прижались друг к другу. Обе плакали.

— Мамочка, дорогая!

— Лешенька, несчастные мы с тобой!

Потом мы легли спать, т. е. я легла. Спустя

немного времени слышу, мама меня зовет:

— Алеша, ты спишь?

— Нет, а что.

— Знаешь, мне сейчас так хорошо, так легко, завтра мне, наверно, будет лучше. Никогда я еще не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас.

— Мама, что ты говоришь. Ты меня пугаешь. Почему тебе хорошо стало?

— Не знаю. Ну ладно, спи спокойно.

И я заснула. Я знала, что мама умрет, но я думала, что еще дней 5, 6 она проживет, но я никак не могла предполагать, что смерть наступит завтра.

Я заснула. Сквозь сон я слышала, что мама опять меня звала. «Лешенька, Алеша, Алеша, ты спишь?» Как сейчас, звучат в ушах у меня эти слова. Потом она замолчала. Я опять заснула крепким сном. Когда опять проснулась, слышу, мама что-то говорит, но очень невнятно, я ее окликнула:

— Мама, а мама, что ты говоришь?

Молчит. Потом опять что-то бормочет, а мне не отвечает. «Наверно, бредит», — подумала я. Опять заснула.

Когда опять проснулась, слышу храп. Ну, думаю, наконец-то мамочка заснула, и я совершенно спо-

койно снова заснула. Не знаю, сколько времени я спала, но вдруг проснулась страшно встревоженная. Сердце подсказывало мне, что-то неладно. Мама по-прежнему храпела, но то был храп не спокойно спящего человека. Нет. Мама лежала с закрытыми глазами, на спине и тяжело дышала ртом. А в горле у ней что-то клокотало. Я начала ее тормошить, звать, она открыла глаза и уставилась на меня бессмысленным взглядом. «Мама, мама, ты слышишь меня?» Тот же взгляд, потом глаза устало зак[ры]лись.

Боже, она не видит, не слышит меня, она умирает. Лоб холодный, руки, ноги хол[од]ные, пульс чуть бьется. Я побежала звать на помощь. Пришли соседи. Затопили печку. Грели горячие бутылки. Горячее, сладкое кофе, витамин какой-то. Нет, все напрасно. Мама крепко стиснула зубы. Когда же ей насильно влили кофе, не проглотила. Было 6 часов утра. Соседи ушли, сказав мне, [что]б я все-таки старалась напоить маму. И вот несколько последних часов я сидела у ее постели. Она так и не пришла в сознание и тихо умерла, как-то замерла, [я] даже не заметила. Хотя сидела у ее изголовья. Так умирают от истощения [в]се.

6/III

К 3-ем часам я пошла на почту и отправила телеграмму Жене. Потом пошла [в] «Молодежный»[119], но сегодня [бил]етов не продают. Оттуда [пош]ла в Михайловский театр, [уз]нала, что Кира уже недели [две?] как эвакуировалась. Оттуда я пошла к Гале. Я так боялась, что никого у них не застану. Но оказалось не так.

Мне открыл Аликин дедушка. Глаза красные от слез. Оказывается, три дня тому назад умерла его жена Юлия Дмитриевна. Потом пришла Галя, она очень похудела. Пришла Кира. Потом мы с Галей сходили за Аликом в очаг.

Меня здесь приняли как родную. Все были мне очень рады. Галя прижала меня к себе и поцеловала. Как мне было хорошо.

Завтра мы отвезем Юлию Дмитриевну.

Галя и ее папа горячо предлагают мне перебраться к ним жить. Они обещают мне помочь всем, чем могут. А если будут эвакуироваться, то

---

[119] Примечания: 119

…пошла [в] «Молодежный»… — Кинотеатр «Молодежный» (Садовая ул., 12.) возобновил работу 4 марта 1942 г. (Ленинградская правда. 1942. 5 марта).

возьмут меня с собою как дочь. Вообще, я даже не ожидала, что меня так встретят, что я встречу такое участие, такую теплоту. Общее несчастье сближает людей. Аликин дедушка, любитель природы, такой замечательной доброты человек. Я сразу ожила. Я не одна. У меня нашлись друзья. Какое счастье. Какое счастье.

Как жаль Юлию Дмитриевну. Она, как и ее муж, исключительно добрый, хороший была человек.

Галя боится, что и папа не выживет, но нет, не может этого быть. Мне кажется, что самое ужасное позади и что кто пережил уж это время и остался жить, тот уж и дальше будет жить. Я так полагаю.

Да, как жестока судьба.

7/III

Встала в 8 часов. В начале 11-ого собрала самые необходимые вещи в заплечный мешок, положила е[го] на санки и отправилась к Гале. Мы втроем отвезли Юлию Дмитриевну в Куйбышевскую больницу[120]. Кира, Галина сестра, [ушла?], мы с Галей обратно шли од[ни]. Была на редкость ясная, солн[ечная] погода. Ярко светило и уже [по-]весеннему пригревало солнышко, и даже сосульки капали. Весна, весна берет свое. Потом мы с Галей пошли в мою столовую и взяли 4 супа, (нрзб.) густых, и одну колбасу. Оттуда пошли в дом 28, [и] мне повезло. Только что начали давать изюм, и очер[едь] была небольшая. Галя с суп[ом] пошла домой, а я выстояла свой изюм и тоже пришла [к] Гале. Мы с ней распилили огроменный чурбан, рас[ко]лоли его на дворе. Потом Галя пошла за А[ли]ком, а я затопила печку.

Галя пришла, поставила чайник для папы. Папа весь день лежит, у него ослабление [се]рдечной деятельности и расстрой[ств]о желудка

---

[120] Примечания: 120

...в Куйбышевскую больницу. — Больница им. В. В. Куйбышева (Литейный пр., 56). Ныне Мариинская больница.

на нервной поч[ве]. Ведь все-таки такой удар — [по]терять друга жизни. [По]том я поставила свой [су]п. Обедала я полседьмого. [Га]ля, такой человек, уговори[ла] меня взять ломоть хлеба, дескать, сейчас можно, [та]к как есть хлеб Юлии Дмитриевны.

Потом я попила чаю с изюмом и хлебом и совершенно сы[та]. Завтра 8-ое марта. Женский [де]нь. Галя дома. Галя, такой друг. Сейчас ложусь спать. Очень спать хочется.

13/III

«Мороз и солнце; день чудесный…»[121]. Все сильней и сильней чувствуется приближение весны. Уже по-весеннему греет солнышко, от снега идет пар и плачут сосульки, хотя в тени еще мороз безжалостно щиплет за нос.

Я живу пока у Гали, ухаживаю за ее больным папой, помогаю, что могу, по хозяйству. Сегодня папе лучше, чем вчера, и мы с Галей не теряем надежды, что он поправится. У него на нервной почве расстройство желудка, и он очень ослаб. Галя с Аликом уходит в 8 часов утра, а приходит в 6 часов вечера. Целый день я одна с ее папой. Он больше спит все. Я предоставлена сама себе, что хочу, то и делаю.

Вот сейчас 2 часа дня. Я сижу у окна и пишу. Весеннее солнышко освещает всю маленькую комнатку. Вообще, все бы ничего, если бы не чувствовать эту тягучую пустоту в желудке. Так хочется есть, прямо нестерпимо. Я сейчас живу на 300 граммах хлеба и супе. Днем хлеб, вечером

---

[121] Примечания: 121

«Мороз и солнце; день чудесный…» — строка из стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро» (1829).

в 7 часов две тарелки супа, вот вся пища моя. Я за ближайшие последние дни заметно ослабла и похудела. Не знаю, выживу ли я. Жить так хочется. Мне надо как можно скорей пробраться к Жене. Тогда я спасена.

Очень мучительны вечера, когда я хлебаю пустой суп без хлеба (хлеб до вечера не дотянуть), а рядом, на столе, лежит много хлеба, стоит банка с сахаром, и Галя отрезает большие толстые ломти и ест их, посыпав сахаром. Я знаю, завидовать нехорошо, но все-таки мне кажется, что Галя могла бы мне давать в день по маленькому кусочку хлеба без всякого ущерба для себя. Ведь она сейчас получает, кроме своих 500 гр., еще 700 гр.: 300 за маму и 400 за папу (он сейчас не ест хлеба). Не может быть, что она съедает так много хлеба, сухарей она сушит очень мало, наверно, у ней в шкафу (который всегда на ключе) накапливается этот хлеб. И получается очень нехорошо. Человек от голода с каждым днем слабеет, а в шкафу лежит и черствеет хлеб.

Конечно, меня никак не касается этот хлеб, он не мой, а Галин, Галя — чужой человек, ей до меня нет никакого дела, но… маленькое «но». Я бы на Галином будь месте из жалости дала бы кусочек хлебца. Мое бы сердце не выдержало. Я

ни за что первая не попрошу, я слишком горда и самолюбива, чтобы быть попрошайкой, неужели Галя сама не предложит мне. Ведь она знает, как я голодна. 300 гр. хлеба на весь день — это очень мало. Как хочется кушать, так и подсасывает и тянет в желудке. Боженька, Боженька, услышь меня, я кушать хочу, понимаешь, я голодна. Я очень несчастна.

Господи! Когда же этому будет конец!

16/III

Уже 16-ое марта, то есть половина первого весеннего месяца, а стоят такие жуткие морозы. На солнце тепло, а войдешь в тень — мороз.

Я пока что живу у Гали. Старику с каждым днем все хуже. Он долго не протянет. Ему уже трудно говорить, язык не слушается (как и у Аки и мамы дня за 3 перед смертью). И еще есть один вестник скорой развязки — это (вспоминаю Аку и маму) появление жажды.

Вчера мы все чуть не сгорели. Это случилось вечером. Приходит к нам сосед с 27 квартиры и просит у Гали топор, чтобы взломать входную дверь, потому что он уже целый час стучит и никто не открывает, и он очень беспокоится, не случилось ли что, у него дома осталась только одна слабая старушка-мать. Галя дала топор, он взломал дверь и открыл ее. А квартира полна дыма, на пороге кухни лежит полуобгорелый труп его матери, и под ней уже перекрытие горит. Уже диван загорелся, одеяло, еще минуты две позднее — и все бы пылало. Но, к счастью, вовремя обнаружили начало пожара, срочно вызвали пожарных, собрали по квартирам воду.

Все затушили, вынесли в снег горящие тряпки, к тому времени приехали пожарные, вскрыли весь пол и все ликвидировали.

Да, счастье, что так отделались, а могли бы все сгореть, мы бы то, конечно, в крайнем случае могли бы выскочить с парадного, но как быть с дедушкой: одни бы мы стащить его были бы не в силах, а помощь, откуда ее ждать. Пока приехали бы пожарные, он успел бы 3 раза задохнуться в дыму.

Не приди сын домой сегодня, и ни минуты позднее, все бы было кончено. А ведь он, оказывается, должен был придти домой завтра, и он случайно пришел именно сегодня. Вот какие бывают в жизни счастливые случайности.

Кира все хочет, чтобы я ее прописала у себя временно в комнате. Но я не хочу, не решаюсь.

Хотя у Гали я сейчас не имею той теплоты и внимания, какие ожидала, все же я не разочаровалась в Гале, как меня уверяет Кира. Я понимаю Галю. Ухаживать за умирающим, заботиться о сыне, и все одна. (Сестра ей ничем не помогает.) Это очень тяжело, поневоле будешь раздражительна. Но скоро все изменится. Старик умрет. Галя сразу почувствует облегчение, с нее сразу как гора с плеч свалится эта тяжелая забота. Мы

как-нибудь похороним его, и тогда я посмотрю, могу ли я с Галей жить или мне лучше быть одной. Тогда и решу, а сейчас ничего решить нельзя.

18/III

Сегодня ночью скончался Галин папа. Такой хороший, такой добрый…

Вчера я пошла за обедом немного позднее, и мне ничего не досталось. Было до слез обидно, простоять около двух часов в очереди и зря. Из школы я пошла в магазин и без всякой очереди получила 100 гр. мяса, пришла к себе домой, телеграммы мне никакой нет. Пошла на рынок с медным чайником, но никто у меня его так и не купил, зато я не утерпела и купила 9 открыток по 3 открытки за 1 р. Погода стояла чудесная, весенняя, ветерок теплый, и даже в тени не холодно. Вернулась домой, забрала все свои вещи и опять на рынок. Я так хотела кушать, что я решила во что бы то ни стало обменять свой алюминиевый бидончик на хлеб, хотя мне его было и очень жалко. Вдруг смотрю, открытки продаются, я не утерпела, стала выбирать, а открытки такие, что утерпеть невозможно. Цветные, с разными видами и все больше заграничные, такие красивые, я не могла оторваться и купила 15 штук по 1 [р.] за штуку. Если б я кому-нибудь сказала бы о своем приобретении, то меня бы изругали бы

на чем свет стоит, и за дело. Ведь это непростительная глупость тратить деньги в такое время на какие-то открытки. Но мне это занятие доставляет огромное удовлетворение и радость. Ведь такие открытки нигде не купишь, это старинные, да притом заграничные открытки. Как же не воспользоваться случаем. А какое удовольствие чувствовать, что это твои собственные открытки. Нет, на такие чудесные открытки мне не жалко денег. У меня уже 34 новых открытки.

Итак, я купила 15 открыток и сменяла свой бидончик за 250 гр. хлеба. Когда пришла домой, Галя уже успела вытопить печку. Мясо сварить не пришлось, так я и осталась без обеда. Выпила кипятку с хлебом и легла спать. Спала я в эту ночь очень крепко, и сны мне снились все такие хорошие. Больше всех мне снился во сне Гриша Хаунин, как будто мы с ним друзья и вместе катаемся на американских горах, а горы-то какие-то страшные, фантастические, и нам обоим очень страшно, но наше путешествие кончается весьма благополучно. Утром просыпаюсь, потом слышу, Галя в соседней комнате плачет и говорит: «Папа, папочка, ведь ты спишь, правда? Ты же проснешься». Я все поняла. Побежала к Гале, прижалась к ней, расцеловала ее.

21 марта

Милый мой дневничок, здравствуй, опять я обратилась к тебе. Мне сейчас очень хорошо, и от избытка приятных чувств пишу я эти строки.

Пусть война, пусть голод. Жизнь-то идет своим чередом. Все, что приходится переживать, все это временно. Не стоит унывать.

Прочь тоска и печаль,
Я смотрю смело вдаль![122]

Как кончится война, обменяю свою комнату на Москву. И ведь подумать только, буду жить под боком у Жени и в то же время буду иметь свою собственную комнату, где я буду полный хозяин. Все будет в моей комнате так, как я захочу, и не иначе. Уютно, хорошо будет у меня в комнатке. Это будет целый живой уголок. Перед окном будет стоять стол с аквариумами с целыми зарослями разных водорослей и других водяных растений, в которых пестрыми стайками будут плавать маленькие рыбешки. По вечерам аквариумы будут

---

[122] Примечания: 122

«Прочь тоска и печаль, / Я смотрю смело вдаль!» — Неточная цитата из либретто оперетты Ф. Легара «Граф Люксембург».

освещаться маленькими электролампочками. Благодаря этому аквариумы с рыбками будут создавать уют как днем, когда они будут просвечивать насквозь, так и вечером при закрытом окне. Все остальное свободное пространство на окне и столе будет уставлено горшками с растениями. Тут будут различные комнатные растения: и герань, и лилии, и разные другие. А над всем этим будут висеть просторные клетки с моими любимцами — пташками. Тут будут и снегирь, и чижик, и чечетка, и канарейка, и обыкновенные воробьи. Я буду стараться приучить их к себе, чтобы они стали совсем ручными. Особое место займет террариум с белыми мышами, а может быть, не с белыми, а с обыкновенными серыми или полевыми. Ну и наверно, будут еще кой-какие животные. Никакой кошки или собаки мне не надо. Все свое чувство привязанности, какое было у меня к моей маме и Аке, я переложу на моих маленьких жильцов. Их привязанность ко мне должна заменить мне утерянную материнскую ласку и любовь. Всю нежность своего сердца я отдам им, и они заплатят мне тем же. Я это знаю. Они очень благодарные, эти маленькие создания, и прекрасно чувствуют, как к ним относятся.

Сейчас март. Весна. Тает на солнышке снег,

весело чирикают воробьи. Тепло на солнышке, пахнет разогретой землей, навозом. Пахнет весной. Стоят безоблачные, солнечные, хотя еще морозные дни.

Я нашла у Гали и I-ый том «Естественной истории» Франклина[123]. Это замечательные книги. Итак, я буду их читать и в свой дневник делать выписки. Мне очень хочется достать где-нибудь веточек и прутиков, чтобы поскорей увидеть первые весенние листочки. Все-таки когда я начинаю думать о моей будущей специальности, я всякий раз возвращаюсь к специальности зоолога. Эта специальность привлекает меня больше всех других специальностей. Быть зоологом — это моя закадычная мечта, и со временем она осуществится. Я буду научным сотрудником Академии наук — зоологом. Меня будут посылать в экспедиции, я буду ездить в разные уголки страны, а потом возвращаться и вносить свой вклад в общее сокровище знаний.

«Франклин своими наблюдениями невольно

[123] Примечания: 123

Я нашла у Гали и I-ый том «Естественной истории» Франклина. — Речь идет о книге «Естественная история в рассказах для образованных читателей и юношества» Джонатана Франклина (СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1862. Т. 1–2). В первом томе рассказывалось о млекопитающих, травоядных животных и птицах. В 1875 г. в том же издательстве вышло второе, исправленное издание.

располагает и самого читателя посмотреть на животных не как на материал для учености или как на машины, пригодные для нашей пользы, но рассматривать их как существа живущие, располагает смотреть на них просто как они есть. Все, что он излагает, проникнуто самой безыскусственной любовью к природе в широком смысле, любовью к истине, к справедливости».

«Чтобы понять животных, надобно стать на их точку зрения, разделять их чувства, их радости, их беспокойства, находить удовольствие в их сообществе».

«Естественная история не только способствует умственному развитию, но и служит порой утешением человеку».

«В минуты испытания или нравственного бессилия иногда достаточно человеку, любящему природу, изучавшему ее, случайно остановить взор на маленьком цветке, услышать пение птички, жужжание насекомого — и вот сердце его обновилось надеждой...»

22/III

Сегодня я довольна своим днем. Вчера вечером я насушила сухарей и один маленький сухарик оставила на утро. Отдала его Гале, и она, когда давала Алику кушать в кроватку, дала и мне мой сухарик, и благодаря этому маленькому сухарику я смогла купить свой хлеб только вечером. К десяти часам я пошла сперва в свой магазин, получила свои 200 гр. сахарного песку и 50 гр. мяса. Пришла домой, напилила дров, затопила времянку, сварила клей с мясом, съела целую тарелку горячего супа и была совершенно сыта. Потом нагрела воды и вымыла посуду, а потом умылась. К четырем часам пошла обратно к Гале. Проходила опять через толкучку. Среди разной всячины вдруг я увидела редкость, просто редкость, а именно полное собрание сочинений Брема в 4-ех толщенных томах, в прекраснейшем дорогом переплете. Вообще исключительно редкостное издание. «И за сколько это удовольствие?» — «Да прямо задаром. Всего-навсего 170 рублей или 600 гр. хлеба». Она мне показала и внутренность книги. На меня глянули бесчисленные фотографии, красочные таблицы. Я пришла к Гале в 4 часа, а

ее еще не было дома, хотя мы условились, что я приду в 3 и она будет уже дома. Пришлось более 1/4 часа ждать ее в кухне. У меня все Брем из головы не выходит, наконец к приходу Гали я твердо решила приобресть книги за 300 гр. хлеба и 100 рублей денег. Но пока я собралась, купила хлеб, прибежала на рынок, ее уже не было. Обошла весь рынок, нигде нет. Так я и упустила Брема.

Сегодня день такой же, как и вчера. «Мороз и солнце. День чудесный». Может быть, я еще приобрету этого Брема. Она его так и не продала, может, опять придет.

23/III

Сегодня тепло даже в тени. К вечеру впервые появилась облачность. Солнце скрылось. Галя сегодня делает перестановку в комнатах. Я же все мечтаю о птицах и о том времени, когда я смогу спокойно жить в свое удовольствие. Я мечтаю о тепле, когда можно будет раскрыть настежь окно, снять фанеру и погреться на солнышке. Я мечтаю о лете.

Скорей, скорей бы лето. Теплые дни. Зелень, зеленые деревья, цветы, птицы, насекомые. Боже, как все это хочется увидеть. Ничего, Лена, терпение, только терпение. Время не стоит. Оно движется. И всему придет свой срок. И май наступит. И лето придет со своими дождями и жаркими днями. И все будет хорошо.

24/III

Вчера вечером я собралась к себе, поела студня, попила водички, вставила открытки в альбомы, что дала мне Галя, и вернулась обратно. Наконец-то, кажется, пришла весна. Кончились морозные дни. Наступило резкое потепление. Вчера вечером температура была +1°. Не торопясь шел мягкий, пушистый снег, теплый ветер ласкал лицо, привыкшее к морозу. Везде лужи, с крыш капает, со звоном обламываются сосульки.

Такой же день и сегодня, прямо не хочется уходить с улицы. Небо затянуто облаками, идет мелкий, едва заметный снежок. Теперь к этому теплу скоро присоединится солнышко, это и будет настоящая весна. Все будет хорошо.

25/III

Еще только второй день оттепели, а уж снег почти весь растаял. Сырость страшная. Ветер теплый, но очень сыро. С крыш льет как из ведра. Бегут ручейки и целые реки. Страшно скользко. Во многих местах уже оттаяли трамвайные рельсы.

Яков Григорьевич ушел перед носом. Обыкновенно он уходит к 9-ти, а сегодня почему-то ушел к 8-ми. Завтра он выходной. Значит, начать оформление удастся только с 27. Тогда 28, 29, 30, 31 как раз достаточно, чтобы все так сделать, как надо.

А что касается вопроса о комнате, то я советовалась с Розалией Павловной, она в таких делах очень хорошо разбирается. Здесь все дело исключительно за Галей. Она имеет лишнюю комнату, которую ей приходится сдавать в жакт, так как она не может платить за нее в троекратном размере, и она передает ее мне. Главное, говорит Розалия Павловна, надо добиться в жакте, чтобы на меня открыли лицевой счет. А когда новая комната будет за мной окончательно закреплена, остается только передать свою комнату в мой

жакт. Вот и все.

Правда, откровенно говоря, моя теперешняя комната тоже очень хорошая. Большая, теплая, светлая. Перед окном простор. Виден большой кусок неба. Окна выходят на улицу. Но плохо то, что она для меня слишком большая, и потом солнце бывает летом только вечером.

А эта комната как раз для меня. 10 м^2. Потолок низкий, почти квадратная, теплая, а главное — целый день солнышко, а ведь это для меня, любителя природы, все. Мой будущий живой уголок как раз больше, чем в чем-либо другом, нуждается в солнышке. И потом надоест сидеть мне одной, пойду к Гале. Нет, конечно, мне есть прямой смысл на этот переезд.

Но вот новый вопрос. Как быть с мебелью? Ведь я владелец такого большого и прекрасного буфета. Ведь это дуб. Очень жалко расставаться с такой вещью. Но ничего не поделаешь, придется его продать. Перетаскивать такую громоздкую вещь крайне трудно, да и этот буфет слишком велик для новой комнаты.

Я предполагаю продать свой буфет не дешевле 600 рублей. На эти 600 рублей я могу купить у Гали стол и шкаф, Галя как раз собирается продавать эти вещи. На оставшиеся деньги я, наверно, смогу

купить еще кушетку или маленький диванчик. И еще что-нибудь. Да, вперед.

30 марта

«Зима недаром злится, прошла ее пора — весна в окно стучится и гонит со двора»[124].

Густой снегопад, сильный ветер. На улице страшная метель. Сегодня я опять пойду отбывать трудповинность с 2-ух часов. Может, к тому времени метель немного стихнет. Сегодня уже 4-ый день этих трудработ по очистке города от снега. И так до 8-ого апреля[125]. А после 8-ого апреля Яков Григорьевич устроит меня[126]

---

[124] Примечания: 124

«Зима недаром злится, прошла ее пора — весна в окно стучится и гонит со двора». — Первая строфа стихотворения Ф. И. Тютчева «Зима недаром злится» (1836).

[125] Примечания: 125

Сегодня я опять пойду отбывать трудповинность с 2-ух часов. Может, к тому времени метель немного стихнет. Сегодня уже 4-ый день этих трудработ по очистке города от снега. И так до 8-ого апреля. — Первые массовые воскресники были проведены 8 марта 1942 г. Следующие воскресники состоялись 15 и 22 марта. Решением Ленгорисполкома от 25 марта все трудоспособные горожане объявлялись мобилизованными на уборку города с 27 марта по 8 апреля. Позднее этот срок продлили до 15 апреля. Учащиеся должны были работать по 6 часов в день. Как писала Е. В. Мухина В. В. Милютиной 7 апреля 1982 г., первые дни работы давались ей очень нелегко: «Силы **в руках** у меня никакой не было. Так что не только ломом копать лед, но и лопатой его подцеплять и кидать я не могла. Поэтому меня использовали в виде „лошади“: откуда-то притащенную металлическую ванну другие люди засыпали снегом и льдом, и несколько человек (а также и я) впрягались в сбрую из веревок и тащили эту ванну к Фонтанке. Путь был долог и

тяжел. Тащили из последних сил. Прямо сказать — надрывались. На Фонтанке, напротив драматического театра им. Горького (последнее место работы мамы Лены!), те, кто был посильнее, сгружал, сбрасывал лед в Фонтанку. Обратно мы старались идти как можно медленнее, чтобы успеть отдохнуть. А приезжали во двор, ванну сразу же вновь нагружали, и мы — „лошади“ — опять брели с возом к Фонтанке. Сколько таких ездок мы в день делали? Не помню. Но прекрасно помню, что когда наконец кончалась эта пытка и можно было идти домой, то я на свой 4-ый этаж поднималась не по-человечески — на двух ногах — на это не было сил, а ползла на четвереньках. (…) Какая это была жестокость: после такой страшной голодной зимы всех, кто каким-то чудом остался жив, то есть полуживых людей, которые едва передвигали ноги, заставляли тяжело физически работать — колоть лед, грести, кидать его лопатой. Освобождали от работы только тех, кто был уже настолько слаб, что не мог сползти с постели. А [тех], кто хоть как-нибудь держался на ногах, гнали на работу, угрожая, что иначе не дадут карточки на следующий месяц. Скольких людей эта уборка „убрала“: они отдали ей последние силы и так ослабли, что погибли. Я понимаю: эта жестокость была необходима, чтобы весной не было эпидемий» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 495. Оп. 1. Д. 315. Л. 14–14 об.).

[126] Примечания: 126

Предложение не закончено.

31/III

Сегодня мне очень повезло. Я пошла работать к 8-ми часам утра. А к 11-ти я уже освободилась. Дело в том, что управхоз[127] дал нам определенное задание: найти и очистить 3 люка, и сказал, что после того, как мы его выполним, сможем итти домой. Мы так и сделали.

Это прямо счастье. Я, как освободилась, пошла в дом 28 и получила 60 гр. подсолнечного масла, купила хлеба, сегодня я буду сыта.

---

[127] Примечания: 127

Управхоз — управляющий хозяйством. Вероятно, термины «управдом» (управляющий домом) и «управхоз» употреблялись как синонимы и обозначали управляющего домохозяйством. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» непосредственное управление отдельным домом (группой домов) возлагалось на управляющего домом (управдома), назначаемого жилищным управлением местного совета. Управдом отвечал: «а) за правильное ведение домового хозяйства; б) за своевременный ремонт дома и надлежащее качество ремонта; в) за содержание в порядке дома и его санитарно-технических устройств и мест общего пользования в квартирах (отопление, освещение, кухни, лестницы, уборные, газ, ванны, лифт и пр.)» (http://www.knukimedu.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex16496.htm (14.02.2011)).

1 апреля

Кончился март. Сегодня первый день второго весеннего месяца. Наступил апрель.

Здравствуй, апрель, предмайский месяц, что ты мне принесешь.

Пока что все по-старому. Хлеба не прибавили. Получила иждивенческую карточку. Вчера вечером пришел ко мне Яков Григорьевич и сказал, чтоб я сегодня к 11-ти часам пришла на 10-ую линию в дом 25, он там будет. Полдесятого я вышла из дому. Я решила купить хлеба на обратном пути, но потом подумала, что, может быть, мне придется оставить там карточку для перемены, и поэтому уже на углу Лештукова[128] купила свои 300 гр. У меня был с собой ножик, я тут же разрезала хлеб пополам и одну половинку нарезала ломтиками, и решила, что одна половина мне на дорогу, а другую я не буду трогать до дома и съем перед тем, как итти на работу, с постным маслом. Но первый кусок я съела еще до моста через Неву, потому что хлеб был такой мягкий и вкусный,

[128] Примечания: 128

…на углу Лештукова… — ныне пер. Джамбула. На углу этого переулка и Загородного пр. находилась булочная.

что сразу таял во рту и никак не держался там. Так или иначе, но, когда я подходила к д. 25 по 10-ой линии, у меня была только $^1/_4$ моего хлеба.

Яков Григорьевич направил меня в правление, чтобы я там написала заявление. Но когда я пришла в правление, там был самый их главный, и он сказал, что до 8-ого никакие заявления не принимаются. Так что я совершенно зря пришла, разве только в том польза, что теперь я знаю, куда итти. Обратно я еле дотащилась. Пришла домой к часу, сразу же прошла в жакт и сказала, что не в силах сегодня работать. Пришла и сразу же легла в постель. К трем часам пришла Розалия Павловна и передала мне пропуск в столовую на углу Загородного и площади Нахимсона. Это ей для меня дала Изабелла Абрамовна, у ней был лишний пропуск. Я сразу же пошла туда, там как раз встретила Из[абеллу] Аб[рамовну], горячо ее поблагодарила. Каши никакой не было, был только суп гороховый и кровяная колбаса. Мне удалось взять 2 порции этой колбасы и один суп. Вообще-то, на 1 пропуск дают только один суп и одно второе.

Ну, теперь я спасена. У меня есть пропуск в столовую.

Сегодня теплый день. С утра небо было почти

совсем ясно. Снег на солнечной стороне улиц совсем стаял. К вечеру небо однообразно посерело.

Хорошая у меня комната, я ее люблю особенно за то, что большую часть окна занимает небо, и это очень приятно. Я люблю свою комнату, она такая светлая, просторная. Ох, и заживу же я в ней на славу. Какой богатый живой уголок будет со временем у меня на окне. Рыбы в аквариумах, цветы в горшках и птички в клетках. Милые птички, когда я дождусь вас. Никогда я не буду заводить кошек или собак, а именно мелких зверюшек и, гл[авным] образом, птичек.

2 апреля

С утра пасмурно. Идет густой снег. Тепло. К 8-ми часам пошла на работу. Из нашего жакта начало копать человек 10. Но уже после первого часа работы половина разошлась. А к 10-ти часам остались только 2 девчонки, не старше меня, я и одна женщина. Я тоже пошла домой на четверть часика. Погода мягкая, хорошая, только этот снег очень надоедает, все время приходится стряхивать его.

Сегодня я совсем молодец. Сила в руках есть. Как много значит одна тарелка супа. Правда, я вчера еще съела 2 порции кровяной колбасы. Сегодня сразу же, как только освобожусь, пойду в столовую.

Весь день идет снег. Все опять стало бело, как глубокой зимой.

Белый снег пушистый[129]
В воздухе кружится
И на землю тихо

---

[129] Примечания: 129

Автор далее цитирует стихотворение И. З. Сурикова «Зима» (1880), основательно переделав вторую строфу. Ср. у Сурикова: «И под утро снегом / Поле забелело, / Точно пеленою / Все его одело».

Падает, ложится.

Все под этим снегом
Снова стало бело.
Точно не с весною
Мы имеем дело.

В столовой сегодня было: суп-лапша, каша гороховая и биточки. На один пропуск можно взять всего по одной порции. Так я и сделала. Из супа, каши и половины биточка я сделала 3 тарелки супа. Насушила сухарики и, забравшись в постель, наслаждалась.

Сейчас я совершенно сыта. Могу отдыхать сколько захочется. Гораздо лучше отработать в первую смену, а потом быть свободной. Какое счастье, я могу лежать в постели, читать или слушать радио.

3 апреля

Сегодня решила пойти работать с 2-ух часов дня. Осталось работать 5 дней, не считая сегодняшнего. Теперь у меня есть силы и я могу работать по-настоящему. Когда действительно работаешь, а не отбываешь нужный срок, время проходит незаметнее.

Сегодня я, значит, в 12 ч[асов] пойду в столовую, пообедаю. Потом пойду работать. А в 8 часов приду, сразу лягу спать. Так, по-моему, будет хорошо.

Сегодня день теплый, но пасмурно, снег не идет. Сейчас посадила две горошинки. В комнате холодно, но я не хочу жечь последние дрова. Очень соскучилась по сахару. Скорей бы дали сахару.

Хочется чего-нибудь поделать. Почитать, что ли? Как тяжело жить одной. Некому поведать свои мысли, заботы, печали. В этом, однако, мне очень помогает дневник. Да еще утешенье — мамин портрет на стене. Она там такая хорошая, моя милая, любимая мама. Какая все-таки судьба жестокая!

4 апреля

Вчера пришла из столовой к 2-ум часам. Оказывается, обеды на дом отпускаются только с часу дня. Вчера взяла суп гороховый и лапшу отварную. Пришла домой, поела и пошла работать. Работали до 7 часов. Впервые нагружала и разгружала машину. Это очень трудно, но зато прокатилась.

Сегодня с утра ясная, безоблачная погода. Морозец. Это в апреле-то стоит мороз. Сегодня в магазине дают крупу. Завтра будут давать сахар. Сегодня утром пошла в булочную и сговорилась с одним мальчиком, что он мне достанет мышонка. Я дам ему за это 100 гр. хлеба. Все-таки какое-то живое существо будет. Не буду так одинока. Я буду с ним делиться всем, что и сама буду есть. Ведь мыши — животные всеядные. А много ли мышонку надо еды?

Осталось работать 5 дней. Ничего, как-нибудь проживу. Скорей бы настало время, когда будет возможность иметь птичек.

Марата, 29, кв. 6. Пескова Елизавета Георгиевна. Ветеринарный врач.

10/IV-42

Как давно я не писала! С 4-ого апреля. За это время произошло многое. Материала так много, что я не в состоянии восстановить в памяти. Скажу только коротко, что я за это время, можно сказать, совсем было уехала к Жене, да опоздала всего лишь на 1 день. Сейчас эвакуация прекращена и возобновится вновь только после освобождения Ладожского озера ото льда. Все эти дни, до 6-ого включительно, можно было свободно уехать, записавшись в тот же день. Об этом я узнала 6-ого. В этот день я впервые пришла в эвакопункт и встала на запись. Была очень небольшая очередь. Я решила, что запишусь на 7-ое и завтра уеду. Но когда я узнала, что записывают только на этот же день, а на завтра будут записывать завтра, я ушла из очереди, так как ехать 6-ого я не могла, у меня ничего еще не было собрано. Но я решила ни на один день не откладывать своего отъезда и завтра же уехать. Я решила за сегодняшний день продать, что смогу, за ночь уложиться и завтра пойти и записаться на 5-тичасовой поезд.

Начала я с того, что потащила в комиссионный швейную машинку. Но сдавать ее на комиссию

у меня не было времени, а за наличный расчет мне давали 96 рублей. Я решила, что это слишком дешево. В моих расчетах было продать ее за дешевку, рублей за 125, 100, но уж никак не меньше. Я решила пойти на рынок. На улице меня остановила одна очень интеллигентная с виду женщина. Я сказала, что продаю машинку за 200 руб. Она пожелала ее осмотреть и пришла ко мне домой. Осмотрев, предложила мне 150 р. Я согласилась, так как не хотела упускать первого же подходящего случая и тащить опять куда-то такую тяжесть. Когда она узнала, что я собираюсь уезжать и все распродаю, она стала отбирать себе вещи. Сперва книги, потом посуду, потом тряпки. Потом она расплатилась и сказала, что сейчас придет за машинкой. Вернулась она со своей соседкой. Только к вечеру ушли они от меня. Они накупили у меня разных вещей на 570 рублей. Потом я сходила к Якову Григорьевичу и сговорилась с ним, что он дает мне 550 рублей с тем, что все, что осталось в моей комнате после моего отъезда, будет принадлежать ему.

Ночь я не спала, к утру вещи мои были собраны. И я решила так: завтра к самому открытию пойти в столовую и те крупяные талончики, какие

можно будет[130].

И вот из-за этого-то я и не уехала. Когда я к 12-ти пришла на эвакопункт, там стояла жуткая очередь. Запись была в полном разгаре, но записывали только на 9-ое. Я решила записаться на 9-ое. Но к 2-ум часам запись прекратили, сказав, что сегодня больше записывать не будут. Приходите завтра к 9-ти. И вот моя 2-ая ошибка — я поверила и больше в этот день не приходила. Оказывается, в 5 часов снова записывали на 8-ое и мои соседи по очереди как раз пришли и записались. Я их видела 8-ого, как они уже оформлялись. Какая же обида. Моя третья ошибка заключалась в том, что я 8-ого пошла к 8-ми часам, и там уже стояла большая очередь, и, когда нам раздали номера, я была 236. Но в тот день записали только 10 человек. Я простояла в очереди до 2-ух, потом ушла, а в 6 часов вечера снова пришла и толкалась там до 8-ми часов вечера, но в тот день так и не записали больше ни единого человека.

Наученная горьким опытом, я в ночь на 9-ое не спала вовсе, хотя за последние дни совсем измучилась. Чуть рассвело, я пошла. Я встала в очередь в 5 часов и была 78. Если бы в этот

---

[130] Примечания: 130
Так в тексте.

день была бы запись, я, конечно бы, записалась бы и уехала, но записи опять не было. Мы простояли в очереди целый день, и нам объявили, что записи сегодня не будет и неизвестно, когда будет. Но мы, самые отчаянные, те, которые, как и я, уже все, все распродали, вещи сложили, расчет получили, даже некоторые уже и карточки сдали, мы решили, будь что будет, сидеть уж до вечера, а вдруг на какой-нибудь эшелон останется несколько свободных мест. Но потом нам громогласно объявили, что эвакуация вообще временно прекращена в связи с наступлением весенних теплых дней и большой перегрузки последних эшелонов. Нам ничего не оставалось делать, как разойтись.

Я вышла на улицу, шатаясь, едва добрела до дома. Был теплый солнечный весенний день. На солнышке было +13° тепла. По улицам журчали бурные полноводные ручьи. Весело чирикали воробьи, а в ясном, голубом небе гудели красно-крылые птицы. Но меня не радовало все это, а, наоборот, только злило. Если бы хоть немного подморозило, может, еще удалось бы уехать. Какая обида, все продала, всю комнату перевернула вверх дном, а главное — получила из Горького долгожданную телеграмму: «Выезжай.

Женя. Нюра». Совсем уж распростилась было с Ленинградом и вот, нате, пожалуйста, приехали! И теперь сижу опять на 300 гр. хлеба, крупа-то у меня вырезана.

Ну что ж делать. Такова уж моя судьба. Будем ждать мая.

Вчера же вечером пошла к Якову Григорьевичу, все ему рассказала и попросила устроить к себе в артель. Он, оказывается, обо мне уже говорил, и начальник сказал, чтобы я 10-ого к нему пришла, он меня примет. Но я за эти дни так измоталась, так измучилась, что едва стою на ногах. Сегодня, 10-ого, я итти туда не в состоянии. Пойду завтра. А сегодня мне надо хорошенько отоспаться, тем более что вот еще только 2 часа дня, а я уже съела весь свой хлеб, и больше ничего съедобного до завтра у меня нет, а завтра опять 300 гр. хлеба, и все.

Тяжело мне будет жить. Комната стала для меня теперь совсем чужая, да и оставшиеся вещи тоже чужие, и мне не хочется к ним даже прикасаться. Ведь я уж простилась с ними, я их оставляю здесь.

А на улице и следа не осталось от зимы. Сегодня с утра пасмурно, весь день уныло скребется первый весенний дождик ко мне в окошко и нагоняет

смертельную тоску. Исчезли сани, появились телеги. Накрапывает дождишко, так грустно мне. Обвожу глазами эту пустую комнату, и прямо провалиться сквозь землю хочется.

Несчастная я, несчастная. Никому-то до меня нет дела. Осталась я одна на этом свете.

«Позор! Тоска! О жалкий жребий мой!»[131] «А счастье было так близко, так близко, так близко!!!!»[132]

[131] Примечания: 131

«Позор! Тоска! О жалкий жребий мой!» — Слова Онегина в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

[132] Примечания: 132

«А счастье было так близко, так близко, так близко!!!!» — В заключительном дуэте Онегина и Татьяны в опере «Евгений Онегин» эта фраза звучит так: «Счастье было так возможно, / Так близко! / Так близко!»

11/IV-42 г.

Пасмурно. Скучный, серый день. Узнала я от Якова Григорьевича, что с работой надо подождать денька 2, 3. На меня напало уныние и отчаянье. К 3-ем часам пошла в столовую, получила порцию гороховой каши. Потом пошла в эвакопункт, проведать на всякий случай. Узнала, что записи сегодня не было, но люди ждут, люди еще надеются. И по разговорам, если судить, это прекращение эвакуации — временное явление. Слишком большая перегрузка эшелонов. На обратном пути встретила двух подруг из 9ª. Поведала им свое горе, и они меня успокоили, сказав тоже, что эвакуация еще будет и мне удастся еще уехать. На прощание пожелали мне счастливого пути.

У меня снова закрепилась надежда. Маленькая, но все же надежда. Может, денька через 3, 4 снова начнут записывать, и тогда… прощай, Ленинград! Сразу же уеду. Так что мне надо быть наготове. Надо получше собраться, переложить вещи. Еще раз все пересмотреть и без жалости оставить все менее необходимое. Хорошо бы попробовать уложиться в один чемодан, чемодан и заплечный

мешок, а то, говорят, на вокзале жутко воруют, а я же притом одна, мои вещи хранить некому.

Нет, я согласна ехать вовсе без вещей, только не оставаться в этом проклятом злополучном Ленинграде. Здесь меня ждет гибель. Уезд отсюда — мое спасенье. Итак, будем надеяться!!!

12/IV

Еще вчера вечером погода прояснилась. Сегодня на редкость теплый солнечный день. Крыши совсем обсохли.

Взяла в столовой суп гороховый и колбасу. Купила хлеба, накрошила в суп колбасу и хлеб и, добавив воды, сварила новый суп. Сыта по горло. Но хлеб уже успела съесть все-таки весь. А сейчас только 3 часа дня. Сижу у окна, смотрю на голубое небо, на залитые солнцем соседние крыши и тщетно[133] пытаюсь увидеть хоть какого-нибудь воробьишку. Нет никого.

У меня вдруг пошли часы. Завтра или послезавтра я поступлю на работу к Якову Григорьевичу. Получу рабочую карточку, буду покупать по 500 гр. хлеба, а через недельку-полторы, наверно, возобновится эвакуация, и я сейчас же уеду. Вчера я узнала от одного важного военного, что эвакуация временно прекратилась, так как лед уже стал непрочный, и сейчас идет последняя переброска грузов по льду на машинах. А потом грузы будут доставляться в Ленинград на баржах, для этого

---

[133] Примечания: 133
Слово читается предположительно.

ледоколы специально прорубают во льду канал. Значит, в Ленинград будут приходить баржи с грузом, а обратно не итти же им пустыми? Вот на них-то и будут проводить переброску людей взамен ледяного пути, и тогда снова начнется запись. И я уеду.

Тоска, тоска меня грызет и гложет. Тошно, тяжко, тяжело. Сижу у окошка в комнате холодной и вою, вою, вою от тоски.

Мама… ма…ма!!

Попросила у Розалии Павловны пропуск в столовую д. 42. Получила два супа лапши. Супы густые, вкусные. Сразу поднялось настроение. Завтра новая выдача крупы, и завтра же рабочим выдадут сахар. Значит, я сразу же, как устроюсь на работу, получу сахар. Когда сыта, тебе и море по колено. Вот я сегодня совершенно сыта. Ну, много ли мне надо? Всего-навсего 60 гр. крупы, т. е. 3 супа, и 300 гр. хлеба. Завтра, если устраиваться на работу еще будет рано, я тоже не погибну. Я могу получить в столовой еще на 2 крупяных талона и на 1 мясной. Или нет, я могу в магазине купить гороха, а потом 300 гр. хлеба, и, может быть, соседка даст 150 гр. хлеба за некоторые тряпки. Так что я живу!

Да, забыла совсем, в газете напечатано, что с

15-ого апреля пойдут трамваи. Тогда мне совсем лафа! Буду на работу на трамвае ездить.

Как странно все в жизни. После такого необычайного упадка, после приступа такой мучительной тоски опять прилив новых сил, необычайная бодрость и жизнерадостность. Еще недавно я сидела и выла. А сейчас мне хочется петь, смеяться. Мне так хорошо, что прямо чудо.

НЕКОТОРЫЕ ЗАГАДКИ:

Белое поле, черное семя, кто его сеет, тот и разумеет. (Письмо.)

Горит, тает, все тайны скрывает. (Сургуч.)

Четыре четырки, две растопырки, один вертун, а сам ворчун. (Кот.)

Под полом-полом ходит барыня с колом, ищет барыню с хвостом. (Кошка и мышь.)

Есть семь братьев, годами равные, а именами разные. (Дни недели.)

Чего нет на свете быстрее? (Мысли.)

Когда все поле в шнурках? (Когда поле вспахано.)

Временем рассеваю, временем собираю, сам сыт бываю и других кормлю. (Пахарь.)

Что это за тварь людей питает, в церкви освещает? (Пчела.)

Пришел в чужой городок разбойник с ножом и с огнем, жильцов не резал, избы не сжег, а все добро их взял. (Пчеловод срезает соты с медом.)

Черненька, маленька, сладенька, ребятам миленька. (Черемуха.)

Матушкой-весной — в платьице цветном; матушкой-зимой — в саване одном. (Поле.)

Что это за трава, что и слепые знают? (Крапива.)

Рук нет, а строить умеет. (Птица.)

Осенью не увядает и зимой не умирает. (Хвойное дерево.)

Не птичка, а с крыльями. (Бабочка.)

Кто идет без ног? (Времена года.)

Маленький, горбатенький все поле перерыл. (Серп.)

Кто идет в поле на ногах, а из поля на спине? (Борона.)

Не болела, а белый саван одела. (Зима.)

Дедушка мост мостил без топора, без долота. (Лед на реке.)

Зимой греет, весной тлеет, летом умирает, а осенью оживает. (Дерево.)

ЕЛКА[134]

В школе шумно раздается
Беготня и смех детей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня в ней?
Нет, рождественская елка
В ней сегодня зажжена,
Пестротой своей нарядной
Деток радует она.
Детский взор игрушки манят.
Здесь лошадки, там волчок,
Вот железная дорога,
Вот охотничий рожок.
А фонарики, а звезды,
Что алмазами горят!
А орехи золотые.
А прозрачный виноград!
Будьте ж вы благословенны, —
Вы, чья добрая рука
Убирала эту елку

---

[134] Примечания: 134

Стихотворение А. Н. Плещеева «Елка» (1887) переписано автором дневника без последней строфы и с иной пунктуацией.

Для малюток бедняка!

ПОГОВОРКИ:

Для праздника Христова не грех обуть босого.
Живи — не скупись, с бедным делись.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛОЧКА

(Старинное сказание)

Настала святая ночь, — та ночь, в которую родился Младенец Иисус. Ангел, неслышно пролетая мимо деревьев, цветов, растений, возвещал им о рождении Святого Младенца. Вся природа ликовала. «Идем, поклонимся Младенцу. Принесем Ему вкусные плоды, понесем Ему лучшие душистые цветы», — говорили растения. Они пошли. Их вела яркая звезда. Пошла за ними и скромная елочка. Пришла она, стала печально в сторонке и плакала: у нее не было дара, чтобы порадовать Святое Дитя. Ангел увидел, пожалел печальную елочку и кинул ей с высоты яркую звезду. Звезда упала на вершину елочки и рассыпалась яркими огоньками. Святой Младенец взглянул и улыбнулся. С тех пор каждый год елочку украшают огнями и на вершину ее при-

крепляют звезду.

13 апреля

Это все я списала из книги издания 1917 года, которая наз[ывается] «Сеятель (первая после азбуки книга для чтения)»[135]. Я ее случайно обнаружила у соседки. Очень любопытная книжка. По ней в свое время и моя мама училась.

Мне очень нравится, что в то время детей с самого детства учили любви к родителям, к природе, добру. Мне хочется некоторое из этой книжки оставить себе на память. Я бы могла вообще попросить всю книжку, но ведь я и так беру с собой самое ограниченное количество вещей, а из книг только определитель растений, и то без переплета. Переплет слишком тяжелый, потом альбом птиц и «Птицы в природе». Больше ни одной книжки я не могу взять. Потому я и хочу то, что мне особенно нравится, переписать в свой дневник. Время у меня пока есть. Сегодняшний день мне надо как-то провести, а уж завтра, наверно, можно будет пойти устроиться на работу.

---

[135] Примечания: 135

«Сеятель (первая после азбуки книга для чтения)». — Имеется в виду хрестоматия для начального обучения К. В. Лукашевич (1859–1931) «Сеятель. Первая после азбуки книга для чтения в школе и в семье». Первое издание вышло в Петербурге в 1907 г.

Сегодня безоблачный, солнечный день. Только плохо то, что дует холодный ветер.

Ведь подумать только! Сегодня уже 13-ое апреля. Апрель, весна. Природа вся просыпается. А я и природы-то не вижу. Вот погоди, уеду в Горький, там еще теплее, там тоже и голубое небо, и то же, что и здесь, солнышко. Я, подумать только, увижу настоящую Волгу. Я смогу бродить по берегу Волги. Волга, Волга! Новые впечатления, новые люди, новые встречи, новая жизнь. Ой, скорей бы уехать из этого проклятого Ленинграда. Правда, это прекрасный, красивый город и я к нему сильно привыкла. Но не могу его больше видеть, а тем более любить. Город, где мне пришлось пережить столько горя, где я потеряла все, что имела. Город, где я осталась круглой сиротой. Город, где я познала весь ужас одиночества. Нет, этот город, его имя я буду всю жизнь вспоминать с содроганием в сердце. Скоро, скоро я уеду отсюда, и, надеюсь, навсегда.

Сейчас я по радио услышала, что Гриша тоже в числе награжденных. Подумать только, Гриша получит 100 000 рублей премии. Это ведь Гриша

Большаков[136], друг юности моей мамы.

Сегодняшний день я прожила на 300 гр. хлеба и 140 гр. сухого гороха. Завтра буду иметь только 300 гр. хлеба. Неужели завтра нельзя будет еще итти устроиться на работу?

Я сегодня сложила свои вещи. Укладывала, перекладывала 100 раз, в конце концов получилось то, что я хотела. Две вещи: чемодан и сверток, причем сверток можно вложить в чемодан, и тогда у меня будет одна только вещь. Туда же, в чемодан, я уложила все приспособления для еды, и в чемодане еще есть свободное место. Но я его не буду заполнять, мало ли что придется положить. Хлеб, колбасу или какие другие продукты. Ведь подумать только, как обернулось все, даже сразу и не веришь. Осталась одна, уезжаю в другой город, 17 лет. И страшно, и сладко. Сладко, потому что я чувствую сейчас то, что никогда раньше не чувствовала. Чувствую полную свободу, свободу мыслей, действий. Я ничем ни с кем не связана.

---

[136] Примечания: 136

Гриша Большаков — Г. Ф. Большаков (1904–1974), оперный певец, лауреат Сталинских премий в 1942 г. (за исполнение партии Вакулы в оперном спектакле «Черевички» П. И. Чайковского (1941)) и 1950 г. (за исполнение партии Андрея в оперном спектакле «Мазепа» П. И. Чайковского (1948)). Народный артист РСФСР (1951). Постановление СНК СССР о присуждении Г. Ф. Большакову Сталинской премии за 1941 г. было опубликовано в «Ленинградской правде» 14 апреля 1942 г.

Что захочу, то и сделаю. Сейчас я переживаю очень ответственный момент в своей жизни. Я должна сама выбрать, как мне поступить, по какой жизненной дороге итти, выбрать раз и навсегда. Я могу остаться здесь, поступить работать, жить одной в своей собственной комнате. Это очень соблазнительно. Но я не могу вынести этого одиночества, быть окруженной чужими, равнодушными к тебе людьми. Нет, нет. Если бы я была немного старше, может быть, я и выбрала бы именно этот путь. Но я чувствую себя еще не совсем взрослой, но, конечно, и не ребенком. Нет, я чувствую, что мне еще рано жить совершенно самостоятельно, мне необходима пока еще помощь со стороны. И потом я хочу прижаться к кому-нибудь. Я хочу, чтоб хоть на немножко мне заменили бы заботу и любовь того любимого человека, которого у меня так безжалостно отняла судьба.

Я знаю, в семье у Нюры и Жени я не буду чужая. Я не должна ничем их стеснять, не предъявлять каких-либо требований. Это я прекрасно понимаю. Только временно я войду в их семью, буду сама зарабатывать деньги и вносить их в общий котел.

А со временем я должна буду постараться об-

завестись своей собственной комнатой и жить самостоятельно, не мешая никому. Какое это будет хорошее время! Я должна во что бы то ни стало дожить до него!

15 апреля

Сегодня пошли трамваи. Какая радость.

17/IV

Уже 17-ое апреля. Сегодня продала часы за 125 руб. деньгами и 250 г хлебом. Сегодня день провела так: к 12-ти часам пошла в столовую и съела суп с картошкой и вермишелью. Потом пошла в чайную и выпила 2 стакана чаю без всего. К 3-ем часам выкупила свой хлеб, на Невском села напротив круглого сквера на солнышке и съела свой хлеб. К 5-ти часам пошла, перерегистрировала в жакте карточки[137], потом опять пошла на Невский и там продала свои часы. К 7-ми часам пришла домой. Погода все эти дни стоит прекрасная. Солнышко, тепло. В моей комнате теперь солнышко по вечерам бывает часа 2. Числа 20-ого, может быть, прибавят хлебца и будет выдача крупы, сахара и масла. Сегодня получила коробку спичек. У меня вещи все собраны, как начнется

---

[137] Примечания: 137

…перерегистрировала в жакте карточки… — Первая перерегистрация была проведена с 12 по 18 октября 1941 г. «в целях пресечения злоупотреблений продовольственными карточками и недопущения продовольственных товаров по возможным фальшивым карточкам» (цит. по: *Павлов Д. В.* Ленинград в блокаде (1941 год). М., 1961. С. 85). В дальнейшем перерегистрация проводилась ежемесячно. В апреле 1942 г. она заканчивалась 18 апреля (см.: Ленинградская правда. 1942. 14 апреля).

эвакуация, в тот же день уеду. Сегодня встретила в столовой Ию Осипову. Она мне сказала, что в райсовете слышала, что эвакуация начнется после 20-ого.

Позавчера я сменяла вышитый коврик с астрами на 200 гр. хлеба одному военному. Мне пришлось пойти к нему домой, по дороге я узнала, что он недавно, 2 дня как из Вологды. Он мне сказал, что эвакуированных прекрасно кормят, вообще все для них бесплатно.

Вчера у меня в горшке появился росток гороха. На улице появились мухи. Я уже видела живого муравья. Продают пушистые веточки вербы. В садах на деревьях набухли почки. Птицы щебечут вовсю. Тревог и обстрелов пока нет.

18 апреля

Погода прекрасная. Вороны начали строить гнезда. День провела так: к 11-ти пошла в магазин и купила 50 гр. колбасы, потом купила 300 гр. хлеба, пошла в столовую, съела 2 гороховых супа. Из столовой пошла в чайную, выпила 2 стакана чаю с хлебом и с колбасой. Была очень сыта. С 3-ех часов больше сегодня ничего не ела. Но я сыта. Завтра будет выдача крупы. Я могу получить 100 гр. крупы. Потом я узнала, что в чайной, если есть что-нибудь сладкое, я могу получить 50 гр. по 5-ому талону. К 8-ми часам пошла к Софье и попросила ее достать мне кефиру. И мне повезло, она дала мне бутылку в пол-литра за 75 руб. Это не кефир, а «Простокваша жирная из растительного молока», так написано на этикетке. Но эта соевая простокваша очень питательна.

19 апреля

До 1-ого мая осталось 10 дней. Значит, я в Ленинграде проживу еще, ну самое большее, дней 15. 15 дней, они пролетят как одна минута. Еще каких-то 15 дней, а может быть, и меньше, дней 10–11, 12, и прощай, Ленинград, навсегда.

Сегодня день я провела так. К 10-ти часам выкупила свои 300 гр. хлеба, пришла домой, разделила хлеб, часть — мякоть накрошила и перемешала с кефиром. Получилась очень сытная каша, очень вкусная. Потом, после 12-ти, пошла в чайную, выпила 2 стакана чаю с хлебом и клюквенным джемом, который я получила на 5-ый талон. Из чайной я пошла в столовую и съела тарелку супа. Суп хороший, с каким-то маслом, с вермишелью, горохом, соевыми бобами и разной крупой. Из столовой пошла в свой магазин и купила 60 гр. гороху. Потом совершенно сытая села напротив зоомагазина на солнышке. Здесь я продала средний тазик за 21 руб. К 5-ти часам пошла домой, съела кусочек хлеба с джемом, немного гороху и пошла в комиссионный магазин. Оценила веер, 70 руб. дают, но только летние байковые перчатки мне оценили в 100 руб. По дороге к дому

продала их за 60 рублей, а у булочной продала маленький тазик за 6 руб. Вечером, часам к 8-ми, пойду к Софье, отнесу бутылку, и, может быть, она мне даст сегодня же другую. Вторую бутылку я хочу растянуть подольше, дня на 3. И потом у меня, наверно, скопится еще немного денег на 3-ью бутылку. А к тому времени выдадут масло и сахар нам, иждивенцам. Так я и дотяну до мая. А там… прощай, Ленинград!!

Погода стоит чудесная, тепло, хорошо.

Завтра я хочу сделать так. Выйду из дома к одиннадцати, пойду в чайную и там куплю хлеба, выпью 2 стакана чаю хорошенько с хлебом и джемом, оттуда пойду в столовую и съем тарелку супа опять-таки с хлебом. Оставшийся хлеб снесу домой и сразу уйду из дома, а вечером поем оставшийся хлеб с кефиром и лягу спать.

20 апреля

Сегодня поистине замечательный день. Не апрель, а настоящее лето. На солнце жарко, в тени 15° тепла. И ветерок теплый. После 11-ти пошла я в чайную, купила там хлеба и выпила 2 стакана крепкого горячего чаю с хлебом и остатками джема. Потом пошла в столовую. Там такая молоденькая девушка Катя, которая талончики вырезает, поистине душа-человек, по-настоящему мои талоны еще не подходят, слишком дальние, но она дает, очень уж добрая она, зато ее все очень любят. В столовой я съела тарелку супа и мясное взяла. Уж очень мне понравилась эта печенка. Такая вкусная, кусочек порядочный, стоит 1 руб., и вырезают за нее 50 гр. мяса и 5 гр. масла, и не зря вырезают, потому что дают к порции печенки столовую ложку настоящего мясного соуса. Из столовой я пошла домой, оставила дома кусочек печенки и оставшийся хлеб и пошла гулять, дошла до «Колосса»[138],

[138] Примечания: 138

…дошла до «Колосса». — Имеется в виду кинотеатр «Колосс», размещавшийся с 1920-х гг. в здании бывшего Благородного собрания на Итальянской ул., 27, построенного в 1912–1914 гг. В настоящее время — Дом радио.

купила билет, и наконец-то я увидела картину «Шампанский вальс»[139]. Замечательная картина. Так вдруг захотелось так же, как и герои этой картины, пожить в роскоши, окружить себя таким же блеском и уютом. Так же как и они, развлекаться музыкой, танцами, различными гуляниями, разнообразными аттракционами. Ведь вот жизнь-то, роскошь, красивые женщины, разодетые по последнему крику моды женщины, обтянутые, прилизанные мужчины, рестораны, развлечения, джаз, танцы, блеск, вино, вино и любовь, любовь, бесконечные поцелуи и вино. Шумные, кричащие улицы, роскошные блестящие магазины, блестящие автомобили, рекламы, рекламы без конца. Рекламы везде, рекламы всюду, рекламы сверкающие, крутящиеся, кричащие. Грохот, шум, визг, просто какой-то вихрь, и во всем этом свой ритм.

Эта война надолго оторвала всех нас от всяких развлечений. А ведь если сказать правду, самое последнее время до войны мы стали во

---

[139] Примечания: 139

…наконец-то я увидела картину «Шампанский вальс». — Комедия американского режиссера Э. Сазерленда «Шампанский вальс» вышла в США в 1937 г. Построенный «на музыке популярных вальсов и оперетт Штрауса, а также современного американского джаза», фильм должен был выйти на экраны в Ленинграде в начале декабря 1941 г., но премьера состоялась в кинотеатре «Колосс» только 23 марта 1942 г. (Ленинградская правда. 1941. 4 декабря; 1942. 24 марта).

многом подражать американцам. Очень во многом. Нам, советским людям, очень нравится все заграничное. Ведь, по правде сказать, у нас нет ничего своего советского, все мы заимствовали у иностранцев. Мы любим шум и блеск, мы одеваемся по последнему слову моды, главным образом американской. Аттракционы и различные развлечения также в большинстве своем американские. А джаз. Какие любители джаза наша молодежь. Разные эти фокстроты, танго, песенки о любви на все лады. Реклама, особенно в последнее время, стала и у нас занимать значительное место. Реклама по радио под музыку в виде маленьких стишков. А на улицах у нас тоже было совсем как за границей. Чистота, порядок, на каждом шагу милиционеры, бессчетный поток легких, сверкающих автомашин. Троллейбусы. Блестящие, сверкающие магазины с изобилием разнообразных товаров. Эта война надолго выбила нас из колеи. Но я твердо уверена, кончится война, все понемногу снова войдет в старое русло, и мы снова примемся усовершенствовать свою жизнь на манер заграничной, в особенности американской.

Из кино я хотела пойти в чайную, но она была уже закрыта, в поисках другой чайной я забрела

на Лиговскую улицу[140], но здесь чайная тоже была закрыта, и просто от нечего делать я попросила, не даст ли она (женщина, которая была в чайной), не даст ли она хлеба на 22. И на мое горе, она дала и я взяла. Прекрасный кусочек мне достался, хлеб плотный, мягкий, свежий, душистый. В тот же вечер я съела все 300 гр. Завтра буду сидеть без хлеба. Ну что ж, как-нибудь обойдусь. Сегодня вечером все что-то грохочут зенитки, а по временам такая трескотня начинается, что просто ужас.

Что-то будет завтра!

[140] Примечания: 140

...на Лиговскую улицу... — ныне Лиговский пр.

21 апреля

С утра погода была прекрасная. Тепло, в тени 16° тепла. Потом появилась облачность. К вечеру небо нахмурилось, солнышко скрылось и пошел дождик. Мелкий моросящий дождишка.

Сегодня я съела в столовой два супа с горохом и овсянкой, а в чайной выпила 3 стакана чаю. Вот не знаю, удастся ли мне достать кефира, к 7-ми часам пойду к Софье. Ого, а дождик-то совсем осмелел. Частый, косой, так и хлещет. Что это! Гром.

Гром, гром. Ура! Первый гром. Первая гроза! Какой приятный звук. Небесный звук. Совсем не похожий ни на канонаду зениток, ни на артиллерийский обстрел.

Как-то радостно стало на душе. Вот и до грозы дожила. Гроза, настоящая гроза. Даже не верится что-то.

Что это мне так хочется. Сама не знаю, что именно. Только хочется чего-то хорошего, чего-то особенного. Скорей, скорей бы май. Как хочется уехать, уехать поскорей отсюда, хочется поесть хоть бы разок досыта. Так надоело вести это полуголодное существование. Ведь я же каждый день

систематически недоедаю. Хотя я гоню от себя всякую мысль о еде, но все же каждый вечер мне ужасно хочется кушать. Вот и сейчас в желудке сосет, сосет. Так бы все и съела.

Пошла к Софье, кефира нет. Купила за 120 р. 300 гр. хлеба, пошла в Екатерининский сквер и съела, там сидя, почти весь хлеб. Остался только порядочный кусочек пойти завтра в чайную. Но все равно завтра я ни под каким видом н[е] буду покупать опять вперед хлеб. С этим надо покончить раз и навсегда. Ложусь спать! Вот и еще один день прошел.

[22 апреля]

Сегодня у меня на душе так тяжело, так тяжело. Сама не знаю почему, тоска меня грызет и гложет. Господи, кругом все чужие люди, чужие, все чужие и нет ни одного близкого. Все равнодушно проходят мимо, никто и знать меня не хочет. Никому нет до меня никакого дела. Вот весна наступила, вчера была первая гроза, и все идет своим чередом, и никто, кроме меня, не замечает, что мамы моей нет. Ее унесла с собой эта ужасная зима. Зима прошла, она вернется теперь не скоро, но мама не вернется ко мне никогда. Милая, дорогая, любимая Женя, пойми, как мне тяжело.

Я пишу эти строки, стою у раскрытого окна. Теплый ветерок ласкает меня, солнышко греет. Рядом стоит круглая банка с водой. Ярко зеленеют новые побеги водорослей, и суетятся десятки маленьких, только что увидевших свет дафний, циклопов и др[угих] маленьких живых существ. Рядом в горшке гордо стоит, подставив себя под солнечные лучи, молодой росток гороха. И как посмотришь кругом… нет, все же хорошо жить на свете. Да, хорошо, но только когда сыт. Я же не голодна, но и не сыта, и это худшее состояние. Я

каждый день систематически недоедаю, как это мучительно. Господи, если б был кто-нибудь из знакомых маминых. Я попросила бы хоть денег немного. Все-таки с деньгами можно купить немного хлебца. О, Боже.

Когда я увижу своих родных? Когда я смогу, наконец, сесть за обеденный стол с чувством, что ты тоже своя, не чужая, и кушать вместе с другими, а не только смотреть, как они кушают?! Боженька! Ниспошли мне такую милость. Дай мне доехать до Жени, увидеть Лиду, Сережу, Даню, Нюру[141].

Господи. Сделай это! Я молю Тебя!!

Сегодня 22 апреля. До мая осталось 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, осталось 8 дней. Какие это тяжелые дни. Самые тяжелые за всю мою жизнь.

А вчера, я забыла сказать, когда я стояла в очереди за хлебом на Лиговке, я видела настоящую живую бабочку-крапивницу.

Милый мой бесценный друг, мой дневник. Только ты у меня и есть, мой единственный советчик. Тебе я поведываю все мои горести, заботы, печали. А от тебя прошу лишь одного: сохрани мою печальную историю на своих страницах, а

[141] Примечания: 141

Лида, Даня — дети Владимира Николаевича и Анны (Нюры) Мухиных. *Сережа* — сын Евгении Николаевны и Петра Николаевича Журковых.

потом, когда это будет нужно, расскажи обо всем моим родственникам, чтобы они все узнали, конечно, если они этого пожелают.

Сегодня я после 12-ти часов пошла в столовую и взяла два супа. Супы были с лапшой, не очень густые. Я дала одной женщине свою чайную ложку поесть суп, она свою забыла, а она за это положила мне в тарелку с супом порядочный кусочек кокосового жира. Я его из супа выловила, но суп все же стал жирный. Потом я заработала себе один крупяной талончик тем, что дала воспользоваться моим пропуском. Он у меня давно уже не отрезался, так как Катя никогда его у меня не спрашивает. Говорят, что 25-ого эту столовую совсем закроют, так как ей все очень недовольны. Ругают ее почем зря. Я же этой столовой вполне довольна. И официанты здесь, по-моему, очень хорошие. В столовой я пробыла долго, до 2-х часов. Потом пошла на Лиговку в чайную, купила свой хлеб. Только там дают всегда на два дня вперед. Поэтому там большая очередь, не столько за чаем, сколько за хлебом. Хлеб там был очень хороший, выгодный. Обратно я пошла по Невскому, зашла в гастроном. Там народу совсем мало. Устроилась удобно в уголке и съела лапшу с обеих тарелок с маслом и хлебом честь-честью.

Наконец дошла до чайной, что на Разъезжей. Встала в хвост большой очереди. Была половина 4-ого, а чайная открылась в 4 часа. Очередь такая была не за чаем, конечно, а из-за того, что давали сахарный песок по 50 гр. иждивенцам только на 5-ый талон, которого у меня нет. Так или иначе, мне пришлось стоять в очереди довольно долго, и, когда, наконец, я получила свои 2 стакана чая, у меня уже остался маленький кусочек хлебца, который я разрезала пополам и, намазав остатками масла, тут же целиком съела.

Из чайной я вышла с полным жидкостью желудком и сознанием, что я самое ничтожное и несчастное создание на свете. С таким весьма невеселым чувством я пошла туда, где находился раньше эвакопункт. Тут было пусто и тихо. Я села на лавку и была не в силах сдерживать больше свои рыдания. Наплакавшись вдоволь, я у выхода наткнулась на какую-то гражданку, которая на мой вопрос, когда снова будет запись, ответила: приходите в первых числах мая.

Итак, всякая надежда, что мне удастся вырваться отсюда раньше мая, исчезла навсегда.

Боже! До мая еще 8 дней. И каких ужасных голодных дней.

Передо мной телеграмма: «Выезжай. Нюра, Же-

ня». Слезы градом катятся из глаз. Нюра… Женя. Это же живые люди, которые знают меня и не только знают меня, а знают мое горе, все знают. Они любят меня, они беспокоятся за меня. Они мои родные, среди всех чужих одни они протягивают мне теплую руку помощи. Но она далеко, далеко. И к ним мне сейчас нельзя пробраться. Вот почему слезы душат меня.

Все, кто мне мог бы помочь, далеко от меня. Гриша, если б он был в Ленинграде, разве не помог бы он мне? Конечно помог. Он дал бы мне денег, у него их сейчас много. И Кира мне бы помогла. Но они все далеко. Далеко и не могут мне сейчас помочь. А мне нужна их помощь, очень нужна именно теперь. До 1-ого мая. Помочь мне прожить эти 8 дней. А этого мне никто не поможет.

Выезжай! Каким чудесным теплом веет от этого слова. Выезжай! Милые, когда я вас увижу? Эти последние дни, что я живу здесь, в Ленинграде, я уже не живу, а проволакиваю. Влачу каждый день как тяжелую ношу. Отсчитываю каждый час, каждую минуту, каждую секунду. Но время, к сожалению, идет так медленно. Хоть плачь. Что бы такое сделать, чтобы время шло незаметно. Я знаю, для этого временно надо забыть о моем отъезде. Но ведь это невозможно! Невозможно!!

25 апреля

Здравствуй, мой милый дневничок. Наконец-то я опять взялась за карандаш. За это время многое произошло. Во-первых, изменилась погода. Стоят ясные солнечные дни, но дует сильный ледяной ветер. Идет ладожский лед. Вчера днем немцы опять напомнили о себе. Была жуткая воздушная тревога. Продолжалась около 2-ух часов. Во время тревоги был страшный артиллерийский обстрел. Сегодня днем снова была В. Т., продолжавшаяся 1 $^1/_2$ часа, и снова артиллерийский обстрел. Столовая на пр. Нахимсона[142] закрылась, но Розалия Павловна, еще заранее зная об этом, достала для меня пропуск в другую столовую, на ул. Правды. Сегодня я там первый раз была. Хотя там очень большая очередь, зато хорошее, разнообразное меню.

Например, сегодня было:

Суп гороховый, густой — 20 г кр[упы]

Каша гороховая — 40 г кр[упы]

Каша соевая — 20 г кр[упы]

Сырники соевые — 20 г кр[упы] и 5 гр. масла

---

[142] Примечания: 142

...пр. Нахимсона... — ныне Владимирский пр.

Биточки мясные — 50 г мяса

Колбаса — 50 г мяса.

Я взяла одну соевую кашу и там ее съела. Оттуда я пошла в булочную в переулок Ильича, но и там не давали на 27. На углу Гороховой и Загородного в булочной тоже никак не давали на 27, и тогда я твердо решила, что не выйду из этой булочной без хлеба. Во что бы то ни стало должна купить 300 гр. хлеба. И точно, к 6-ти часам я купила 250 гр. хлеба, по 45 руб. 100 гр.

Вот радость. Сейчас половина 8-ого уже, и я совершенно сыта, а хлеб на 27-ое на моей карточке так и остался цел. Исполнилась моя мечта, я перескочила. Завтра я могу зайти в любую булочную и купить любой хлеб — 300 гр. Разве это не радость. Радость, да еще какая!

Насчет эвакуации ничего пока не слышно. Неизвестно, будет ли она в первой половине мая. Я решила до объявления эвакуации учиться в школе. Дело в том, что с 3-его мая начнется во

всех классах учение[143], и уч[ащим]ся, наконец, уделили огромное внимание. Это распоряжение самого нашего дорогого Сталина. Сохранить жизнь оставшимся ленинградским школьникам. Школьники получат хорошее питание. Вот какой приказ от администрации школы показала мне Розалия Павловна, его она сама печатала на машинке.

> Питание детей, которые будут обучаться в школе
>
> Дети сдают продовольственные карточки, из которых вырезаются не все талоны. На руках у ребенка остаются след[ующие] продукты:
> Масло – 200 г.
> Сахар – 300 г.
> Завтрак в школе
> 1. Каша. 2. Чай.
> Обед в школе

---

[143] Примечания: 143

…с 3-его мая начнется во всех классах учение… — «Ленинградская правда» 26 апреля в статье «Начинаются занятия в школах» сообщала, что школы откроются 3 мая. Занятия будут проходить с 8 ч. 30 мин. до 4–5 ч. дня, а школьники дважды в день будут получать горячую пищу. В действительности занятия возобновились 4 мая (Ленинградская правда. 1942. 5 мая). К занятиям приступили 63 719 учащихся (см.: *Буров А. В.* Блокада день за днем. 22 июня 1941 года — 27 января 1944 года. Л.: Лениздат, 1979. С. 182).

из 2–3 блюд.

Выдача хлеба.

Детям до 12 лет – 300 г в школе, – 100 г на дом

Детям старше 12 л. – 400 г в школе, – 100 г на дом

Дневная норма продуктов на каждого ребенка

1. Хлеба 400–500 гр.
2. Мясо 50 гр.
3. Жиров 50 гр.
4. Круп 100 гр.
5. Сахару 30 гр.
6. Овощей 100 гр.
7. Муки пшеничной – 20 гр.
8. Муки картофельн[ой] – 20 гр.
9. Молока соевого – 50 гр.
10. Чая в м[еся]ц – 10 гр.
11. Кофе в м[еся]ц – 20 гр.

Дети, признанные медосмотром особенно слабыми, получают дополнительное питание.

Администрация школы

Что это… опять зенитки грохочут. Ну да, опять, черти, летят. Вишь как гудят стервятники.

Да, а учение будет заключаться исключительно в повторении прошлого. Как то: восьмиклассники будут повторять курс 7-ого класса. Мы, девятиклассники, — курс 8-ого класса. Никаких испытаний весной не будет. Собственно говоря, это будет не школа, а своего рода стационар[144] для ленинградских школьников. Нынешний учебный год считается потерянным. Настоящее учение начнется после летнего перерыва. Да, забыла сказать. Сегодня, идя в столовую, я встретила Вовку. Моего Вовку. Как он изменился. Совсем высох, истощал ужасно. Сейчас он находится в стационаре. Предполагает учиться.

Милый Вовка. Будь он уродом, а я все равно люблю его.

[144] Примечания: 144

Стационар — форма лечебно-питательных пунктов, созданных в Ленинграде по решению Ленгорисполкома от 29 декабря 1941 г. Помимо городского и районных, в течение первой блокадной зимы работали стационары на многих предприятиях и в учреждениях. По утверждению городского отдела торговли, за январь—апрель 1942 г. «стационары обслужили 60 тыс. чел.» (Ленинград в осаде. С. 266).

26/IV

Все бело, покрыто снегом.
Снег на улице, на крыше.
Садик снова стал весь белым,
Но то снег не зимний, слышишь.

Сейчас второй час дня, а крыши уже успели высохнуть. Я специально ходила на Гороховую за хлебом, и мне действительно повезло. Хлеб мягкий, пушистый как пух, поэтому мне дали большой кусок. Отнесла хлеб домой, пошла в столовую. Народу сегодня было мало. Взяла 2 соевых каши и колбасу. Сейчас сижу с ногами под одеялом и слушаю радио. И думаю, как же мне поступить, если сейчас уже пошел ладожский лед, значит, в начале мая будет эвакуация водным путем, ехать ли мне сразу к Жене или май проучиться в школе, подпитаться немного, а потом и уехать. Прямо не знаю, как и быть. С одной стороны, хочется очутиться опять в школе, вместе с другими ребятами сесть за парту, вынуть книги и тетради, как заманчиво. А питание, подумать только. Утром придешь в школу — горячий сладкий чай и хлеб с маслом. Да, совсем забыла,

на завтрак ведь каша, горячая каша с маслом, а потом чай. На сытый-то желудок и учиться будет одно удовольствие. Пройдет несколько уроков, пойдешь обедать. Обед можно частью домой взять, частью там съесть. То же самое и с хлебом.

Да, это все хорошо. Но вот что плохо. Домой придешь, пусто, кругом чужие, никому до тебя нет дела. А налеты, а артиллерийские обстрелы. Рисковать опять своей жизнью? Каждую минуту тебя могут убить. Страшно. Жить хочется. Как же мне быть? Милый дневничок, как жаль, что ты ничего не можешь мне посоветовать.

С другой стороны, если я плюну на все и уеду, в дороге я буду сыта. Наконец доеду до города Горького. Пойду искать переулок Могилевича. И вот я иду по этому переулку. В одной руке чемодан, в другой сверток, а сердце так и выскакивает из груди от волнения. Наконец дом 5, кв. 1. Я среди своих. Кругом меня не чужие, все свои. Женя, Нюра, Лида, Сережа, Даня. Все вместе сядут за стол, и я с ними как равноправный член. Родные мои, здравствуйте!

Господи, какое это будет счастье!

Как же мне быть?

А потом-то, потом. Буду вместе с Лидой работать. Она меня познакомит с городом. Будем с ней

везде и повсюду вместе ходить. Наступит лето, прекрасное лето. Все кругом зеленое, и Волга, красавица Волга предо мною. А потом кончится война. Я поеду с Женей в Москву. Здравствуй, Москва, здравствуй, красавица. Я теперь из ленинградки сделаюсь москвичкой. С Ленинградом все кончено.

Нет, нет, конечно, я уеду. Что для меня сладкий чай и полкило хлеба в сравнении с одиночеством. Прочь, прочь одиночество. Я хочу к вам, мои далекие родные. Женя, слышишь, как стучит мое сердце, оно хочет вырваться из груди, оно рвется к тебе, Женя.

Душой и сердцем, всем моим существом я уже там, в Горьком. Все мои желания, все мои стремления только об одном, поскорей, поскорей обнять и поцеловать всех вас!! Крепко обнять тебя, Женя! Ведь ты для меня 3-ья мама. Господи, Господи! Услышь Ты меня. Дай мне благополучно доехать до Горького. Только это я прошу у Тебя.

Горький, Горький, Горький… Горький, к тебе, к тебе хочу скорей!!!!

Завтра я получу чай, масло и сахар. Я обязательно пойду в чайную и выпью 2 стакана сладкого чая с хлебом с маслом.

27 апреля

Опять В. Т. и артиллерийский обстрел. Вторая В. Т. за день. Небо безоблачно, солнце сияет. Воображаю, что будет к 1-ому маю. Да, не удалось мне тогда уехать. А ведь вот счастливые, которые уехали. Они будут жить. А я… это еще не известно.

До начала эвакуации остались считаные дни. Неужели мне суждено умереть? Это ужасно. Каждую минуту ждать смерти или от артснаряда, или от бомбы. Эти предпервомайские дни, вероятно, будут такие же жуткие.

Как будет глупо и досадно умереть перед самым отъездом, пережив благополучно все ужасы этой зимы, голод и стужу. Как это будет несправедливо со стороны судьбы, если я, дожившая уже до весны, увидевшая уже молодую зеленую травку, если я, у которой уже вещи сложены, вынуждена буду проститься с жизнью.

Да, очень не хочется умирать!

Быть может, это мои последние строки. Очень прошу: кто найдет этот дневник, отослать его по адресу: г. Горький, переулок Могилевича, д. 5, кв.

1, Е. Н. Журковой.

28 апреля

Хорошо жить ожидая. Я все эти дни живу ожиданием. Нет, ожидание меня нисколько не томит. Я не тороплюсь. Я знаю, что всему свое время. Впереди меня ждет интересное событие, путешествие в другой город. Я поеду на поезде, потом поплыву по воде через Ладожское озеро. Кстати, я никогда не видала Ладожского озера, потом опять на поезде, в Вологде пересадка. И потом опять на поезде до Горького. Путешествие очень заманчиво. А по дороге я буду бесплатно питаться и получать много хлеба. И все это у меня впереди, и до начала этого путешествия остались считаные дни.

А потом новая жизнь. Любопытство меня одолевает. Впереди столько неизвестного, хочется узнать, что там впереди. Но терпенье, Лена, терпенье, всему свое время. Сегодня уже 28. Завтра будет 29, а потом 30-ое. Как я питаюсь эти дни — да не особенно густо.

Вот сегодня моя пища состояла из 300 г хлеба, 50 гр. масла, что осталось, и 150 гр. изюма. Завтра я буду иметь 300 гр. хлеба, 100 гр. колбасы и 75 гр. сыра. 30-ого я буду иметь 300 гр. хлеба, пол-литра

вина и 250 гр. селедки. А 1-ого я смогу снова пойти в столовую и купить каши и супа, а может, с первого и хлебца прибавят. А потом я, наверно, уеду. Во всяком случае, до отъезда я буду сыта, а со дня отъезда еще сытей. Как хорошо, радостно жить ожиданием.

Сегодня уже были 2 В. Т. Рано утром и днем. Погода сегодня пасмурная, холодная. Солнышка нет. Однако воробьи весело чирикают. В садике, что напротив моего окна, зазеленели газоны от молодой майской травки. Горох мой растет не по дням, а по часам. Такой красавец. Стройный, прямой, листики зеленые, ровненькие. Веточки мои, что стояли у меня в банке с водой, тоже скоро зазеленеют. Уж почечки раскрылись. Так что все благополучно. Только бы не немцы. Из-за них я очень боюсь 1-ого мая.

Ну да, будем надеяться, что все обойдется как-нибудь.

Скоро, скоро я соберу свой чемодан, сяду на 9-ку с передней площадки, заплачу 1 билет и багаж и поеду знакомым путем по знакомым улицам на знакомый Финляндский вокзал. И вот… гудок, поезд тронулся. Мы проезжаем по мосту, под которым я столько раз одна и вместе с мамой ездила на 20-ке. Прощай, Ленинград. Вот люди

на трамвайной остановке смотрят на нас. Что у них в мыслях? Иные, вероятно, завидуют нам, а иные говорят: «Проваливай, нам больше хлеба достанется». Вот слева промелькнули корпуса института охраны и младенчества им. Клары Цеткин.

Да, здесь мы около 2-ух месяцев работали с мамой. Вон по дорожке, в белом халате и белой косынке, с какими-то бумагами в руке, идет девушка. Сколько раз и я так же, вот как и она, ходила по этой самой дорожке относить бюллетень. Только и разницы, что то была зима, все было покрыто снегом, а сейчас весна, май. Вон цветут деревья, видишь, а по откосу железнодорожной насыпи желтеют своими нарядными головками первые цветы мать-мачехи. Прощай, Ленинград.

Небо синее-синее, а над нами, сверкая на солнце, кружатся самолеты. Это наши воздушные патрули. Поезд идет все быстрее. Как хорошо. Я открываю свой чемодан, отрезаю большой ломоть хлеба, смотрю в окно и ем. Я сыта. На вокзале перед отъездом нам дали хорошую порцию супа-лапши. Суп густой, густой и каши гороховой целый котелок. У меня еще каша осталась. Также нам дали 800 гр. кровяной колбасы и кило хлеба, это до Ладожского, а там опять дадут горячую

пищу.

Вот как замечательно. Мысленно я уже и из Ленинграда уехала. Но на самом деле сижу с ногами под теплым одеялом. Радио громко тикает, трамваи звенят, гудят редкие автомобили. В желудке у меня не очень-то полно. По правде говоря, я сейчас с удовольствием съела бы все что угодно. Но у меня ничего нет. Ни крошечки, ни одной изюминки не осталось. Все уже успела съесть. Нет, лучше не думать сейчас о еде.

Лена, завтра ты будешь опять кушать. А сегодня ты же кушала, и хватит. Подумай только, съела в какие-нибудь два часа такую уйму изюма — 150 гр. Бедная, бедная девочка. Не тужи, последние денечки ты голодаешь. А с 1-ого мая опять будешь ходить в столовую. Ага, и я обязательно в первый день возьму один суп и две гороховых каши. Суп съем там, а каши дома. А потом, к вечеру, выкуплю свой хлеб. Вот-то будет радость.

29 апреля

Сегодня день пролетел совсем незаметно. Встала после одиннадцати, до этого сидела в кровати и вышивала. Сперва вынесла помои, принесла воды, продала за 5 р. книгу Грибоедова. Потом села на 9-ку, доехала до конца и обратно до Гороховой. На Гороховой купила хлеба по 1 р. 70 к. Замечательный хлеб. Пошла в свой магазин, купила 75 гр. сыра. Замечательный сыр за 19 р. кг. Свежий, мягкий. Заняла очередь за вином. Отнесла домой хлеб и сыр, взяла посуду для вина, вернулась в магазин, получила $^1/_4$ литра розового сладкого вина по 28 р. 20 к. литр. Пришла домой, под одеяло, начала кушать. По маленьким кусочкам наслаждалась около часу. После 5-ти пошла в магазин, узнала, что к вечеру будут селедка и колбаса. У меня денег остался только рубль. Отобрала несколько книг и продала их на улице очень скоро. Выручила 20 рублей. Пришла домой, вышивала, доела сыр, остался только малюсенький кусочек. К 7-ми часам пошла опять в магазин в очередь за колбасой по 19 р. кг, но мне колбасы не досталось, а достались сардельки по 11 р. кг. Сардельки очень вкусные.

Завтра получу селедку и пиво. Завтра, говорят, по новым карточкам можно будет получить вместо хлеба булку. А сейчас спать, спать. Я очень устала за сегодняшний день. Сегодня очень теплая, солнечная была погода, и, удивительно, стервятники не появлялись. Наши зенитчики очень хорошо стали работать. По радио я узнала, что только за последние 3 дня зенитчики на подступах к нашему городу сбили 71 фашистский самолет. Неплохое начало.

Завтра уже 30-ое. Какое счастье. День моего отъезда приближается с каждым часом. Стоя вчера за колбасой, я познакомилась с одной старушкой. Она живет д. 17, кв. 5. Михайлова ее фамилия. Она одна, ей надо ехать до Вологды. Там у нее взрослая дочь с двумя детьми, у которой муж военный. Так вот она хочет, чтобы мы ехали вместе. Мне все равно. Даже выгодно. Она такая старушка очень мягкая, податливая. Я могу завладеть ей, она будет для меня в дороге полезна, а в Вологде я смогу зайти к ее дочери, выпить чайку, тем более что она, по словам старушки, живет совсем около вокзала. Эта старушка просила меня зайти к ней, когда я пойду записываться. Ну что ж, мне это ничего не стоит, тем более что она обещала угостить меня чаем.

30 апреля

После одиннадцати Лена пошла в жакт за карточкой. Но карточки ей в тот день не удалось получить. Управхоз, Татьяна Вячеславовна, думая, что Лена устроилась на работу, не включила ее в списки иждивенцев. Ей сказали, чтобы она зашла вечером часов в 5–6. Лена пошла в магазин и, к величайшему огорчению, узнала, что пиво и селедка только что кончились. Заведующий обещал, что пиво будет к вечеру, а селедок больше не будет, берите то, что есть. И Лена купила 250 гр. соленого леща. Ей достался почти целый лещ, только хвост отрезали.

Лена пришла домой и с огромным удовольствием стала есть рыбу. Лещ оказался очень жирный и необыкновенно вкусный. Сперва Лена решила съесть половину, а другую вечером с булкой. Но потом, когда первая половина была съедена, она с еще большим аппетитом принялась за другую. Это было замечательное занятие, и продолжалось оно около трех часов. Понятно, что после съеденного соленого, да еще без хлеба, Лена страшно захотела пить и выпила почти целый медный чайник сырой воды. Потом она

сходила в чайную, ей в ее банку отпустили 4 стакана чаю. Пришла домой и выпила горячий чай с оставшимися кусочками рыбы вместо хлеба. Потом она легла и заснула на часок. Проснувшись, снова пошла в магазин за пивом, но его не было, получив соль и отнеся ее домой, Лена заглянула в жакт, но там висел замок. Было уже около 6-ти часов, Лена заняла очередь за пивом и прождала вместе с другими людьми пиво до 11-ти часов. В 11 объявили, что если пиво и привезут, то давать будут только завтра с утра. Усталая, шатаясь, Лена пошла домой. Была звездная лунная ночь. «Какой-то завтра будет день», — подумала Лена, завертываясь в одеяло.

В 12 часов была включена Москва, Кремлевская площадь, и ленинградцы снова услышали московские куранты и бой знаменитых часов. Как давно ленинградцы не слыхали эти родные звуки и как было приятно вновь их слышать. После «Интернационала» Лена заснула как убитая и проспала до самого утра.

Я решила теперь писать свой дневник в новой форме. От 3-его лица. В виде повести. Такой дневник можно будет читать как книгу.

1 мая 1942 года

Наступил день Первого мая. В 6 часов Лена за пивом, конечно, не пошла. Под утро ей спалось сегодня особенно крепко. Но попоздней она все же встала, решила, что не стоит пропускать пиво.

Лена вышла на улицу, стояла безоблачная, солнечная погода. Улица казалась такой нарядной из-за ярких флагов. Казалось, что вот сейчас загремит оркестр и появятся колонны демонстрантов. Но нет, сегодня обыкновенный рабочий день. Нет, как раз необыкновенный рабочий день. В этом году трудящиеся по своей собственной инициативе отказались от праздничного отдыха и превратили день Первого мая в день труда и борьбы[145].

Пива в магазине не было, его так и не привезли с базы. Лена отправилась домой, спать ложиться

---

[145] Примечания: 145

В этом году трудящиеся по своей собственной инициативе отказались от праздничного отдыха и превратили день Первого мая в день труда и борьбы. — В «Ленинградской правде» 30 апреля 1942 г. была опубликована информация о том, что «согласно пожеланиям трудящихся, Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) объявили в текущем году 1 и 2 мая рабочими днями». Ранее аналогичными постановлениями, со ссылкой также на пожелания трудящихся, рабочими днями объявлялись 8 и 9 ноября, 5 декабря 1941 г.

уже не хотелось, она стала слушать радио. Ей хотелось очень кушать, а когда она еще получит сегодня свою карточку. Может быть, только под вечер. Ну ничего, она утешала себя мыслью, что сегодня она будет иметь 600 гр. хлеба. А в случае если Розалия Павловна до 5-ти часов сможет достать ей пропуск в столовую, тогда она возьмет хлеба только на сегодняшний день, а зато в столовой ради праздника возьмет побольше. В этом случае Лена решила взять 3 каши, 1 суп и 1 мясное.

По радио передавали одну за другой боевые песни, марши, новые лозунги, стихи.

Лена вспомнила Первое мая прошлого года. Со школой они дошли до Бородинской и тут застряли. Потом пошел снег, и такой густой, что моментально на улице стало ужасно мокро, грязь, слякоть. Понемногу улица опустела. Многие тогда удрали домой. Еще бы, люди оделись по-весеннему, женщины и девушки в легких пальто, мужчины и парни в пиджаках. Лена тоже была в осеннем пальто, без галош, но она сбегала домой и одела шубу и галоши. Лена вспомнила, что, когда она пришла домой, мама сидела, что-то шила, а Ака пекла в кухне пышки с изюмом. Лена очень торопилась, но мама все же уговорила ее

подождать немного, и Лена поела первые горячие пышки. А на дорогу Ака дала ей немного изюма. Да, какое это было хорошее время. И тогда Лена не ценила его. Ей казалось, что такая жизнь — обыкновенное дело и ничего иначе быть не может. Ей казалось, что ничего особенного нет в том, что она имеет Аку и маму, что они в ней обе души не чают. Все для Аленушки, так называли они Лену. Кому лучший кусок, в чью тарелку наливали первой? Аленушке. А Аленушка это не чувствовала.

И вот только теперь, когда она потеряла и Аку, и маму, она действительно оценила всю свою прошлую жизнь. Что бы она ни отдала теперь, чтобы вернуть то время. Но его не вернуть, Аку и маму она никогда больше не увидит, разве только во сне.

Теперь, если ей удастся добраться до Жени, она будет как величайшую драгоценность ценить все то, что напоминает о семейной жизни. Один тот факт, что она будет иметь право сесть за стол вместе с Женей и Сережей и придвинуть к себе тарелку, даже один этот факт будет для нее величайшим счастьем.

Да, судьба по заслугам проучила ее, хотя уж очень сурово. И теперь, размышляя обо всем

этом, Лена говорила себе: «Вперед тебе наука, будешь ценить каждую крошку, всему будешь знать цену, и легче будет тебе жить на свете».

«Нет худа без добра» — говорит мудрая русская пословица. Конечно, после такой «школы жизни» Лене будет жить в дальнейшем легче. И не только ей. Послевоенная жизнь будет легка, радостна и плодотворна для всех советских граждан, переживших эту ужасную времину[146]

После 10-ти часов Лена опять спустилась в жакт и получила наконец карточку. Из жакта она прошла в магазин и без всякой очереди получила пол-литра пива. Отнеся пиво домой, Лена пошла в ближайшую булочную, в обувной и получила 150 гр. булки и 150 гр. хлеба. Булка замечательная, по 2 р. 90 к. кг и хлеб по 1 р. 10 к. кг, тяжелый, с толщенной коркой. Получив хлеб, Лена пошла в садик напротив своего дома, села на солнышке и поела немного и хлеба, и булки. Булка ей показалась вкусней всякого пирожного. Еще бы, она не ела булки с ноября. Последний раз она ела булку в ноябре, когда мама еще работала в госпитале и приносила иногда кусочек. Но то была совсем не такая булка, серая, липкая. А такой булки она,

---

[146] Примечания: 146
Так в тексте.

пожалуй, не пробовала еще задолго до начала войны. Они никогда, разве только на праздники, не покупали этой дорогой булки. Последние месяцы до войны они жили очень экономно. Денег было мало, да к тому же они с мамой собирались копить июнь и июль деньги, чтобы в августе проехаться по Волге. Так что и обыкновенный батон был редким у них явлением. Они употребляли в пищу черный хлеб.

Основной едой в то время у них была овсянка. Этот дешевый продукт можно было тогда достать сколько угодно. Ака каждый день в течение целого месяца варила на обед овсяновый суп, но такой густой, как каша, по две полных тарелки каждому, так что даже Лене наконец эта овсянка так приелась, что она с трудом съедала одну тарелку. Вечером же Ака часто поджаривала ту же овсянку и сушила черные сухари. И это называлось бедно жить. Теперь эти воспоминания вызывали у Лены только горькую усмешку.

Поев немного хлеба и булки, Лена решила навестить эвакопункт. Там было по-прежнему пусто, от сидевших там каких-то 3-ех гражданок она узнала, что, говорят, насчет эвакуации будет известно денька через 4–5. «Значит, буду пока учиться», — подумала Лена и пошла в чайную.

Правда, она не надеялась застать чайную открытой, так просто решила пройтись. Но чайная была открыта, и, прождав сравнительно недолго, Лена выпила два стакана очень горячего чаю, с хлебом первый стакан и с булкой другой. Пришла домой, оставила булку и решила пойти поискать хорошего хлеба. Обошла все знакомые булочные, но везде, как назло, очень хорошая булка и очень скверный хлеб. Но Лену это мало огорчало, она с удовольствием медленно шла по солнечной стороне улицы и, жмурясь на солнце, наслаждалась теплом, светом и радостным чириканьем воробьев.

Надо заметить, что день сегодня выдался исключительный, как бы специально для праздника. На небе ни облачка, солнце сияет вовсю, тепло так, что даже в тени казалось бы душно, если бы не легкое освежающее дуновение ветерка. Улица вся пламенеет от красных многочисленных флагов, которые шевелит ветерок, и они на солнышке кажутся еще более яркими, ослепительно красными. Садики сегодня битком набиты шумной веселой детворой.

Май, прекрасный весенний месяц наступил. Днем начался артиллерийский обстрел. Довольно сильный. Но все так привыкли к этому, что

Лена не обратила на это особого внимания. Она занялась вышиванием и стала слушать по радио праздничный концерт.

2 мая 42 г.

Вчерашний день обошелся без тревог. В этом, конечно, заслуга наших сталинских соколов.

Сегодня Лена встала после одиннадцати. Не успела она одеться, как к ней из жакта пришли две девушки. Они оглядели комнату и устыдили ее за такой беспорядок. «Может притти санкомиссия, и тебя оштрафуют». Лена очень смутилась, сказала, что пусть штрафуют, у ней все равно нет денег. Молодая девушка пожала плечами и спросила Лену, а как у ней с квартирой. Узнав, что у ней за апрель не заплачено, она сказала, что надо сегодня же заплатить. Лена обещала.

Она пошла и заплатила 17 р. 40 к. за апрель. У ней осталось 5 рублей.

Потом Лена пошла в столовую. У обувного магазина она вдруг встретила Яню Якубсона. Не успели они поздороваться, как к ним подошла Вера Владимировна, учительница по литературе. Они разговорились. Яня, оказывается, все время учился и теперь учится. Он выглядел очень хорошо, полный, румяный. Лена очень удивилась, увидев его таким. Вера Владимировна очень по-

худела, но своей жизнерадостности не потеряла.

Эта встреча была для Лены очень приятна. В столовой она взяла один суп-лапшу и 2 порции соевых биточков. Суп оказался жидким, неважным, зато соевые биточки были превосходны. Лена подумала, что, пожалуй, самое выгодное это брать соевые биточки. Вырезают 20 гр. и 5 гр. масла и дают 2 больших котлетки, румяных и замечательно вкусных. Из столовой Лена пошла в садик, посидела там немного. Потом сходила за керосином, получила пол-литра. Потом Лена занялась рассчитыванием крупяных талончиков и вдруг решила, что она вполне может взять сегодня еще одну порцию сырников. Сказано — сделано. Лена помчалась в столовую, но сырников уже не было, мясного тоже. Лена постояла, подумала и взяла одну соевую кашу. Потом пошла на Гороховую за хлебом. Везде был только хлеб по 1 р. 10 к. Лена выбрала, где хлеб посуше. Пришла домой, сходила два раза за водой и пошла к Оле. Она застала ее дома в постели. Лена поздравила ее с получением карточек, а когда Оля сказала, что у ней сегодня день рождения, поздравила Олю и с днем рождения. Лена думала посидеть пойти с Олей в садике, но у Оли открылся процесс (у ней туберкулез ног), и Оля не могла пойти.

Лена посидела немного у нее. Ей не нравилась эта большая полутемная комната, заставленная дорогой мебелью. Здесь было очень сумрачно и холодно. Лена взяла у Оли почитать книгу «В горах Сихоте-Алинь»[147] и пошла в садик. Домой итти не хотелось. На улице было очень душно, в садике было полно ребятишек. Их звонкие крики и смех разносились по всей улице.

Лена села на скамеечку, попробовала читать, но что-то не читалось, тогда она стала наблюдать за ребятами, за их веселой беготней. Лена подумала, что вот эти, которые сейчас малыши, когда станут такими, как она, будут счастливей ее и вообще их молодость будет светла и счастлива. Им не придется переживать все то, что пришлось пережить ей. У них не будут умирать родители, да, они будут счастливей.

Солнышко скрылось, посвежело. Лена вернулась домой и вскипятила на керосинке чай. Как давно не зажигалась эта керосинка. Лена выпила чашку горячего чая с хлебом и сделала рыбный бульон. У нее остались от леща объедки, кости,

---

[147] Примечания: 147

«В горах Сихоте-Алинь». — Речь идет о книге В. К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня [Очерк экспедиции Приамурского отдела Русского географического общества, 24 июня 1908 г. по 20 января 1910 г.]», выпущенной в Москве в 1937 г. издательством «Молодая гвардия» и в 1940 г. Детиздатом.

чешуя и др., так вот она собрала их в жестяную банку и заварила кипятком. Бульон прекрасно настоялся, и Лена выпила целую чашку крепкого, очень вкусного рыбного бульона. Потом Лена починила и почистила свои туфли, надо же на людях быть прилично одетой. Это зимой в лютые морозы люди не думали о своей внешности. Но теперь не то. Наступили теплые майские дни, и люди стали прихорашиваться, следить за своей внешностью. Особенно молодежь. Вновь появились модные прически, шляпки, у мужчин костюмы, нарядные шарфики, и Лене тоже захотелось одеваться получше, понаряднее. Да теперь ей самой стало неприятно и как-то досадно смотреть на людей, запустивших себя, продолжающих кутаться в какие-то тряпки. Но это люди в большинстве пожилые, всякие больные и истощенные. А Лена, хотя последние дни тоже что-то едва передвигала ногами, все же была молодой девушкой и очень большое внимание уделяла внешности. Вот бы одеться понарядней, думала она и очень досадовала, что ее волосы так медленно растут, без волос как-то нехорошо. Волосы так украшают. Смотря на себя дома в зеркало, Лена с удовлетворением замечала, что лицом она не так уж страшна, как ей раньше казалось. Вот

телом она действительно исхудала, одни кости, от ее пышных грудей ничего не осталось. Когда-то Лена мечтала быть такой тощей, как Лида Клементьева, она очень досадовала на свою пышную грудь, а теперь она стала еще тощее Лиды.

Сегодняшний день прошел спокойно — ни тревог, ни обстрелов.

3 мая

Сегодня с утра небо затянулось облаками, и враги не преминули воспользоваться этим. Еще до 9-ти часов дважды была объявлена В. Т. Но они обе были непродолжительны и не страшны. Сразу же после сирены начали отчаянно бить зенитки, постепенно они утихли, и в небе послышался мощный гул наших соколов. Не было ни одного сотрясения, значит, не было вообще сброшено бомб. Может быть, вообще врага не допустили до города.

Лена встала после 2-ого отбоя. Сегодняшнюю ночь она спала прекрасно, и сны ей снились все какие-то хорошие. Она сбегала за хлебом и выпила чашку холодного чаю, и стала ждать тетю Сашу, чтобы попросить у ней таз и ведро. Уже было полдвенадцатого, а тетя Саша все не приходила, и Лена пошла в столовую. В столовой было много народу, а главное, обеды отпускали только по новым пропускам. Но Лена увидела в очереди свою подругу, с которой училась последнее время. Она взяла ей на свой пропуск одну соевую кашу и 2 мясных биточка. В столовой отпускали хлеб на 5-ое мая, и Лена взяла, не удержавшись,

еще 300 гр. хлеба. Придя домой, Лена поела, нагрела воду, вымылась, оделась в чистое и пошла в школу на медосмотр. На улице было прохладно, шел мелкий дождик, небо сплошь затянулось облаками. В ожидании медосмотра пришлось простоять в очереди с час. Наконец с талончиком в руках с надписью «здорова» Лена вернулась домой, [в]скипятила 2 чашки чаю, оставшийся хлеб нарезала ломтиками и намазала оставшимся кусочком биточка. Получилось очень вкусно. Завтра начинают работать школы. Но Ленина школа начнет работать с 5-ого. А завтра в 4 часа состоится собрание всех учащихся. По радио Лена прослушала передачу для школьников, из которой многое узнала. Она узнала, что теперь работа школ целиком перестроена. Школьники будут проводить в школе большую часть дня, но учиться будут меньше, чем раньше. В старших классах школьный день будет кончаться в 5 ч. 30 м., а уроков будет не больше 5-ти. Полдевятого начнутся уроки, в 12 часов будет завтрак. Школьники получат горячий сладкий чай и кашу, потом опять уроки, потом перерыв на час. Обедать старшие школьники будут в 4 часа. После обеда занятия в различных кружках. Полшестого домой, причем на дом дадут 100 гр. хлеба, немного

масла и сахара. Программа рассчитана целиком на повторение пройденного курса. Занятия продолжатся до 1-ого июля. На лето все школьники поедут в специально устроенные пионерлагеря, где они будут отдыхать, развлекаться и работать в различных совхозах по выращиванию овощей.

Лене все это очень понравилось, и она бы с удовольствием осталась бы в своей родной школе, если бы у ней были родные. Но тут же она с болью в сердце вспоминала, что у ней нет здесь никого. Нет, ей придется уехать. Быть может, в Горьком ей будет хуже жить в смысле питания, чем если бы она осталась в Ленинграде, и все же ей надо ехать. Даже если ее освободят от платы за обучение и питание[148], Розалия Павловна обещала ей сделать все, что только будет можно, и даже тогда она откажется от всего этого и уедет к Жене.

Женя, наверно, и сейчас беспокоится за нее и ждет, когда же приедет Ленка. А Ленка все торчит в Ленинграде. Но сегодня уже 3-е число. Со дня

---

[148] Примечания: 148

Даже если ее освободят от платы за обучение и питание… — По постановлению СНК СССР от 26 октября 1940 г. «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий» ленинградские школьники 8–10-х классов должны были ежегодно платить 200 руб. К бесплатному образованию государство вернулось в мае 1956 г. Продукты, получаемые горожанами по карточкам, продавались по твердым, государственным ценам, а не выдавались бесплатно.

на день нужно ожидать начало эвакуации, и вот теперь только перед Леной встал мучительный вопрос. Уехать ли сразу, как начнется эвакуация, или с недельку поучиться в школе, подкрепиться немного. Лена решила, что поедет вместе с Тоней, той самой, что взяла ей сегодня в столовой обед. Тоня с мамой как раз собираются тоже уезжать, папа прислал им письмо, он на фронте, он советует им поскорей уезжать, ибо, говорит он, в Ленинграде придется еще много пережить, лучше поскорей уезжайте. Так вот Лене лучше всего ехать вместе с Тоней и ее мамой, все-таки знакомые, и потом втроем ехать лучше. Вот что только смущало Лену, предположим, она 5-ого сдает в школу карточки, а с 5-ого же будет объявлена выдача крупы, сахара и масла. А вдруг числа 8-ого, 9-ого начнется эвакуация. Что же получается: за эти несколько дней Лена в школе ведь не получит столько сахара и масла, сколько она смогла бы получить в магазине, не сдавая в школу карточки. Но здесь опять неизвестно, ведь на руках у ней должно остаться 200 гр. масла и 300 гр. сахара. Быть может, оставят как раз талончики за 1-ую выдачу, тогда, значит, Лена сможет и получить в магазине перед самым отъездом сахар и масло и до дня отъезда сможет питаться

в столовой школы. А может быть, школа сможет дать такую справку, чтобы в магазине Лене выдали в одну выдачу все 200 гр. масла и 300 гр. сахара сразу. Вот это было бы замечательно, думала Лена про себя. Действительно, до отъезда питаться в школе, а перед самым отъездом, так сказать на дорогу, получить масла 200 гр. и сахару 300 гр., о чем еще можно мечтать.

Но одно — мечта, а другое — действительность. И Лена решила, там видно будет, не стоит ломать голову над неизвестным.

Сегодня какой-то тоскливый мокрый день, но у Лены на душе как-то радостно, а 1-ого мая был такой замечательный день, а у Лены, наоборот, на душе кошки скребли.

4 мая

Сегодня необыкновенно холодный, пасмурный день. Дует леденящий, сильный, порывистый ветер. Он пронизывает насквозь, и его порывы настолько сильны, что трудно двигаться против ветра. В такую погоду стараешься сидеть дома и лишний раз не ходить на улицу. Также и Лена пробежала только в столовую. Поела щи и пшенную кашу, хлеба купить не удалось, так как на 6-ое не отпускали, и из столовой пробежала в школу. Там уже началось собрание. Лена узнала печальные вещи: во-первых, учиться они начнут только с 15-ого мая, а питаться — с 8-ого. Во-вторых, хлеба старшие школьники получат только 400 гр., а масла только 30 гр. в день. Лена встретила Мишу Ильяшева. Он стал совершенно неузнаваем, прямо страшно на него смотреть. Больше из 9-ого класса никого, кроме Тони, не было. Они с Тоней сговорились, что, если до 15-ого мая начнется эвакуация, они уедут в первые же дни.

Лена пришла домой, сварила немного супа из оставшейся каши и уселась чинить черные шелковые чулки. Ей надо торопиться. Ведь каждый

день можно ожидать открытия эвакуации, а у ней еще много всяких дел. Надо зашить, заштопать, выстирать все то, что она возьмет с собой. За эту зиму они с мамой очень опустились, запустили себя. Но то была зима, мороз, а сейчас весна. Стыдно ходить грязной, оборванной, иметь грязные руки.

А главное, Лена — молодая девушка. Главное богатство девушки — это ее чистота душевная и телесная. Так говорила Лене вчера Розалия Павловна, когда они вечером беседовали, сидя вдвоем в комнате. Лена целиком соглашалась со словами Р[озалии] П[авлов]ны. «Твоя тетя Женя совсем по-другому к тебе отнесется, если ты приедешь к ней пусть с немногими старенькими вещами, но чистыми, заплатанными, заштопанными, если на одежде будут пришиты все пуговицы и вообще вид твой будет опрятный. Она только с уважением посмотрит на тебя и подумает про себя: „Эта девушка столько перенесла и все-таки сохранила человеческий вид“» — так говорила Розалия Павловна.

И Лене захотелось именно такой приехать к Жене и с первого же дня взять себе в привычку быть аккуратной во всем, чистой, опрятной. Лене захотелось одеться небогато, но со вкусом.

«Хороший человек никогда не полюбит девушку-неряху. Настоящие, хорошие мужчины в женщине ценят больше всего именно эти качества: чистота телесная и душевная. В комнате у девушки должен быть порядок, нигде ни пылинки, все должно блестеть. На окнах занавески, пусть в заплатах, из самой дешевой материи, если они ослепительно чистые, белые, они оценятся дороже, чем самые дорогие, но грязные и порванные портьеры». Лена целиком согласилась и с этим.

К вечеру небо немного просветлело, а перед самым закатом выглянуло солнышко. Закат сегодня был очень красив, как будто огненные языки пламени лизали горизонт.

5 мая

Сегодня Лена весь день, кроме хлеба, ничего не ела, но голод она чувствовала не так уж мучительно, потому что весь день просидела дома у себя на кровати и штопала чулки. Еще утром она сбегала за хлебом и в час его съела, потом принялась разбирать чулки, отобрала наиболее целые, те, что возьмет с собой, и принялась их штопать. Наштопала много.

Погода сегодня с утра была солнечная, но холодная. Вообще-то, тепло, но этот ледяной ветер пронизывает насквозь. К вечеру небо стало совсем чистое. Днем к Лене пришли из школы с извещением, что завтра в 12 часов собрание школьников старших классов. Лена расписалась, просмотрела список. Тамары не оказалось, зато Вовка был. Лена в душе как-то обрадовалась, завтра она снова увидит его.

Лена очень досадовала на радио, оно почти с 12 часов начало прерываться, потом был объявлен обстрел района, после объявления о прекращении обстрела начался концерт, но вдруг он оборвался, и радио замолкло. Интересно то, что Лена в продолжение обстрела не слышала ни од-

ного залпа, ни одного выстрела. Правда, немного постреляли зенитки, но какой же это обстрел. Прямо странно. Завтра Лена решила после школы пойти с Тоней в эвакопункт, может, удастся что-нибудь узнать, потом купить хлеб и засесть снова на весь день за шитье, штопанье и т. п. Надо торопиться, неизвестно, когда начнется эвакуация, надо поскорей все привести в порядок и уложить все вещи, чтобы быть уже совершенно готовой к отъезду. Чтобы сразу же с открытием эвакуации, не теряя ни дня лишнего, записаться и уехать. Ведь ее единственная цель — как можно скорей попасть к Жене в Горький. Занятия начнутся только с 15 мая. Вероятней всего, что Лена уедет раньше. Питание, говорили, начнется с 8-ого. Это ее очень огорчало. Еще два дня она должна прожить на одном хлебе. А 300 гр. хлеба — это недостаточно, конечно, для того, чтобы не быть даже полуголодной. Но иначе нельзя. Лена строго рассчитала талончики и убедилась, что если она еще что-нибудь возьмет за эти два дня в столовой, то у ней будет перерасход крупы и она рискует остаться без обеда в школе, их об этом специально предупредили на собрании.

Что бы завтра открылась бы эвакуация. Тогда бы Лена 7-ого уже уехала бы и на один день сокра-

тила свое голодание. Но нет, это только мечты. Надо стараться не думать о еде, говорила себе Лена, чувствуя, как тошнота подкатывается к горлу и ощущается эта отвратительная пустота в желудке. Но не думать о еде, когда у соседей за стенкой шумит примус, гремит крышка кастрюльки. Лена слышит звон ложек и ножей и даже различает хруст отрезаемого хлеба.

Мучительно чувствовать голод и глотать тягучую слюну.

6-ого [мая]

За ночь выпал снег, но сразу же растаял. Погода была пасмурная, тот же холодный ветер, но немного теплее. Утром Лена съела свой хлеб, почитала книжку. Напрасно Оля говорила, что книга неинтересная. Лене она очень понравилась. Как раз она больше всего любит такие книги, как эта, «В горах Сихотэ-Алиня». В 12 Лена пошла в школу. В кабинете директора состоялось собрание уч[ащих]ся старших классов (8, 9 и 10). Пришло всего 15 человек. Из тех, которых Лена знала, были Нина (Лена ошибочно назвала ее Тоней), Кузнецова Галя и Миша Ильяшев. Вовы не было. Собрание проводил сам директор. Он объявил, что вот с 15-ого начнутся занятия и на плечи старших школьников кладется вся работа по защите школы от налетов врага. Одним словом, они единственные защитники школы. Тут же он разместил всех присутствующих на звенья. Лена с Ниной попали в звено связи. Далее директор объявил, что уже с 8-ого мая все они будут проведены в приказе как бойцы группы самозащиты, а с 10-ого, с началом питания, они приступят к дежурству. Можно себе представить,

какое впечатление произвели на Лену все эти новости. Питание начнется уже не с 8-ого, а только с 10-ого. А быть связистом, когда Лена едва держалась на ногах. Действительно, за последние дни Лена очень ослабла. Подняться теперь по лестнице на 4-ый этаж было теперь для нее делом весьма утомительным, требующим затраты последней энергии. На последнюю лестницу она едва вползала, цепляясь за перила. Если она выходила на улицу, а она старалась вообще выходить как можно реже, но уж если приходилось итти по улице, она старалась итти быстро, почти бегом, если итти медленно, ноги начинают заплетаться, того и гляди упадешь.

Из школы Лена сразу же пошла в столовую. Сегодня иттибыло особенно трудно. Лена шаталась как пьяная и часто спотыкалась и со стороны, вероятно, производила не особенно хорошее впечатление. В столовой народу было не так уж много. Лена договорилась со своей соседкой по очереди, у которой был пропуск, та обещала взять ей кашу. А через несколько минут пришла Нина, мама ее, оказывается, не ходила еще в столовую. Лена заняла очередь на выдачу. Нина взяла ей две лапши. Перед самым отпуском Лене удалось поменять одну лапшу на гороховую кашу. Нина

взяла себе две лапши. Из столовой они побежали в эвакопункт, так как они, пока стояли в очереди, узнали от соседей, что эвакуация начнется с 10-ого, а быть может, и с 7-ого, а что записывать на выезд начали уже будто бы с 5-ого. Девочки воспрянули духом и с бьющимися от волнения сердцами прибежали на эвакопункт. Каково же было их разочарование. В помещении эвакопункта ни души, пустота, никаких объявлений, ничего. Лена пришла домой, поела немного холодной лапши и гороха, зажгла керосинку, сварила целую кастрюлю супа. Суп вышел на славу. Полкастрюли Лена съела, оставшуюся половину решила оставить на завтра. Она взяла два вторых из расчета завтра в столовую не ходить.

После обеда на Лену напала какая-то сонливость, апатия. Не хотелось двигаться, думать, что-либо делать. Даже трудно было пошевельнуть пальцем. Но Лена прекрасно понимала, что подходят горячие денечки. Если уж заговорили об эвакуации, значит, дело будет. Надо торопиться со сборкой. К тому же вчера вечером Лена была у Якова Григорьевича и они договорились, что 6-ого вечером он ей скажет, как насчет покупки мебели и др[угих] вещей, и если он решит купить, то они займутся этим в четверг 7-ого, у него в этот

день выходной.

Сегодня вечером Лена пойдет к нему, заберет свою времянку и все узнает.

Яков Григорьевич просил, чтобы Лена отложила все то, что возьмет с собой, остальные тряпки сложила бы частью в сундук, частью в узел. И вот Лена, пересилив свою апатию, заставила себя двигаться, хотя это было очень трудно. Потом Лена почувствовала страшную жажду, суп был довольно соленый, и она нашла в себе силы спуститься за водой. Лена [в]скипятила чайник и в награду за свои труды напилась горячего крепкого чая. Впереди у Лены много дел. Ей надо устроить основательную стирку, ибо большая часть белья, которую она берет с собой, грязная. Потом надо штопать и шить.

10-ое мая. Вот дата, на которую теперь она возлагала столько надежд. Из школы она, конечно, решила теперь выписаться. Да, скоро, скоро она простится с Ленинградом. Лена слышала, что уже объявлена выдача масла. «Завтра, наверно, объявят сахар», — решила она и облизнулась от удовольствия, скоро она будет пить настоящий чай с конфетами и хлеб с маслом.

Завтра с утра Лена решила сбегать в эвакопункт, узнать все, потом совершить сделку с

Яковом Григорьевичем, затем принести два ведра воды, напилить дров и устроить стирку. 8-ого к часу она пойдет в школу и выпишется оттуда, там же она встретится с Ниной и с ней договорится о дальнейших делах.

7-ого мая

Лена встала около 10-ти часов. Сперва она пошла в свой магазин и получила 90 гр. подсолнечного масла. Оттуда она прошла в эвакопункт. Там ей сказали притти 10-ого. Лена зашла в булочную, купила 300 гр. хлеба и вернулась домой. Только она приготовилась позавтракать, стук в дверь, из жакта прислали повестку. Лену вызывал военный комиссариат явиться к 11 часам на комиссию. Наскоро поев, так что крошки хлеба летели во все стороны, а масло попадало то на пол, то на пальто, Лена отправилась с этой повесткой в военкомат. Напрасно она ломала голову, стараясь догадаться, зачем ее вызывают и что это за комиссия.

В военкомате Лене объявили, что она мобилизуется в группу МПВО[149] и предложили пройти в соседнюю комнату на санкомиссию. Лена так разволновалась, что, когда спросили ее имя и отчество, не смогла ответить ни слова и, как ни старалась сдержаться, в конце концов разревелась. Доктор стал ее успокаивать, что не стоит

---

[149] Примечания: 149

МПВО — местная противовоздушная оборона.

плакать раньше времени, что, быть может, ее уже из-за зрения забракуют. Лена ей ответила, что она не из-за этого, а потому что никак не может сдержаться. Вскоре пришел глазной врач, и Лена первая была им принята. Ее забраковали и сказали, что она свободна. Лена пришла домой, доела хлеб с маслом, разогрела суп и с удовольствием съела полторы тарелки супа, жирного, вкусного, а главное, горячего.

Она зашла к Якову Григорьевичу, но ей сказали, что он на работе. Лена села штопать чулки, как вдруг к ней в дверь постучали. Открыла, входит девушка, тоненькая, среднего роста, в очках, в коричневой меховой ушанке, в сапогах, одета в ватник и ватные штаны. «Ты узнаешь меня» — а сама улыбается. Лена взглянула, да ведь это Верочка, Вера Милютина[150], товарищ и друг моей мамы.

---

[150] Примечания: 150

Вера Милютина — Вера Владимировна Милютина (1903–1987), ленинградская художница. В 1932 г. окончила Академию художеств. Занималась оформлением спектаклей, созданием музея в Малом оперном театре, работала главным художником Ленгосэстрады. В годы Великой Отечественной войны участвовала в оборонных работах, работала над эскизами и агитплакатами в «Ленгороформлении», создала графическую серию «Эрмитаж в дни блокады», вместе с А. П. Остроумовой-Лебедевой принимала участие в создании альбома с видами Ленинграда — подарка шотландским женщинам. В послевоенные годы много работала как театральный художник (см.: Вера Милютина и о ней. М., 1991. С. 5–11).

Лена впустила ее в комнату, усадила на сундук, сама села рядом. Вера пробыла у Лены недолго, но за это время как много они успели рассказать друг другу. Лена вкратце рассказала обо всем. О том, как они жили этой зимой, сперва втроем, потом без Аки. Потом умерла мама. Вера хорошо поняла Лену.

— Бедная девочка. Как много тебе пришлось пережить. Но ничего, теперь осталось помучиться совсем немного, скоро ты уедешь, в дороге, дай Бог, все будет благополучно, приедешь к Жене, для тебя начнется новая жизнь.

Лене было так приятно, что во всем Ленинграде нашелся хоть один близкий человек, друг ее мамы.

Веру беспокоило, едет ли Лена одна или с кем-нибудь, но, когда Лена сообщила, что едет не одна, а со своей подругой-одноклассницей и с ее мамой, она успокоилась. Она спросила: «А как на вид Нинина мама, крепкая, не какая-нибудь слабенькая? Тебе нужно выбрать таких спутников, на которых ты могла бы положиться». Вообще, Вера очень подробно и заботливо расспросила Лену обо всем. Много ли она берет с собой вещей. Есть ли у ней пока деньги. Есть ли у ней друзья, помогает ли кто-нибудь ей. Очень просила пер-

вые два дня остерегаться много есть, не губить себя из-за какой-то каши.

Оказывается, в дороге многие люди заболевают и даже умирают только из-за того, что набрасываются на пищу и сразу очень наедаются, что оказывает губительное действие на организм, истощенный длительным недоеданием.

«Делай над собой нечеловеческие усилия, но воздержись, особенно хлеб. Ведь на вокзале тебе дадут кило хлеба, и некоторые в тот же день его съедают. Не делай этого. У меня один знакомый погиб в дороге только из-за того, что объелся, объелся пшенной каши и съел много хлеба.

Воздержись и других хватай за руки. Ведь прямо обидно, ничего не может быть глупее такой смерти. Спастись от бомбы, от снаряда, от 1000 смертей и погибнуть от лишней порции каши».

Верины слова глубоко запали в Ленину душу. Нет, она не хотела погибать так глупо, и она дала себе слово следовать ее совету и воздержаться первые два дня от соблазнительного обилия пищи. Нет, ей не хотелось умирать из-за каши. Лена чувствовала, что это будет мучительно трудно, но надо будет как-нибудь преодолеть и это препятствие.

Верочка рассказала, что она сейчас работает ху-

дожником-маляром. Имеет рабочую карточку, но ей это недостаточно. Хорошо, что за свои адские труды она имеет право питаться в особой столовой, по особым талончикам. Она спросила, не осталось ли от мамы кисточек. Лена с радостью отдала ей все мамины кисточки, краски и другие мамины инструменты и сказала, что ей гораздо приятнее будет, если эти мамины вещи попадут в руки не какого-то чужого Якова Григорьевича, а в руки человека, для которого они будут не просто вещами, а памятью.

Лена также отдала ей на память мамину карточку, где она снята гимназисткой, свою и книгу «Маленький[151] капитан». Они расстались очень тепло и дружески, договорившись, что завтра они опять увидятся. Вера обещала притти на другой день часам к 5-ти.

Лена была очень растрогана тем вниманием, с каким Вера к ней отнеслась. У ней не было с собой денег, но она все же оставила ей 20 рублей и разделила пополам маленький кусочек хлебца, который оказался у ней в кармане. Она обещала помочь Лене чем только сможет.

«Жди меня завтра, может, приду с пустыми

---

[151] Примечания: 151
В тексте: Мальний.

руками, может, удастся принести что-нибудь съедобное, в крайнем случае поделюсь с тобой своим хлебом». Она горячо поцеловала Лену. Этот поцелуй был для Лены чем-то волшебным. Как тепло, как хорошо сразу стало.

Стоит ждать завтрашнего дня. Во-первых, на один день ближе к отъезду, во-вторых, снова встреча с близким человеком, потом столовая. Завтра Лена решила истратить или один крупяной талончик, или один мясной, а кроме всего этого, завтра выдача сахара и шоколада. Лена может получить 100 гр. сахара и 100 гр. шоколада. Но Лена решила вместо шоколада взять конфет, 50 гр. сахара и 50 гр. конфет, остальное потом. Тогда завтра она выпьет сладкого чая с жареным хлебом. «Завтра уже 8-ое мая», — думала Лена, задумчиво глядя в окно.

Погода сегодня весь день была пасмурная. На улице холодно. Только что кончился артиллерийский обстрел, он был очень сильный, ясно слышалось свистение снарядов над самой головой и глухие разрывы. До вечера Лена просидела за штопкой чулок.

Адрес Веры Милютиной: Ленинград, Нижего-

родская ул.[152], д. 23а, кв. 42.

[152] Примечания: 152
Нижегородская ул. — ныне ул. Академика Лебедева.

8-ое мая

Лена встала, как всегда, к 10-ти часам. Пошла в магазин и получила 50 гр. шоколада и 100 гр. конфет, потом купила хлеб, пришла домой и устроила пиршество. Скипятила чай и выпила две чашки чаю с поджаренным на постном масле хлебом, с шоколадом и конфетами. Потом пошла в столовую в надежде увидеть там Нину Катошеву, но ее не было. У Лены пропуска не было, а без пропусков не давали, но Лене дали, даже не спросив пропуска. Лена взяла пшенную кашу, немного поела там, остальное принесла домой и сразу же залила водой, чтобы сделать суп, а не съесть так. Потом пошла в школу и попросила выключить ее.

(Варвара Павловна Жаркова попросила ее зайти в Горьком к ее знакомым.)

Придя домой, Лена сварила суп и поела.

9-ое мая 1942 г.

За вчерашний вечер у Лены произошло много интересного. Она ждала, ждала Веру Милютину, та обещала притти к 5-ти часам, но все не приходила. Лена уже стала терять надежду, что ее увидит, как вдруг Вера приходит, и не одна, а с одной гражданкой, которую она отрекомендовала Лене как свою приятельницу[153]. Они пришли около семи часов вечера. Лену очень тронуло то, что Вера принесла ей в баночке немного супа и крошечный кусочек хлебца, а также письма и 30 рублей денег от Кисы, 10 рублей от дяди Сережи[154] и 10 рублей от себя. Лена за все горячо ее поблагодарила. Вера сообщила, что в лице своей приятельницы Лена имеет покупательницу, которая хочет приобрести у ней что-нибудь и

---

[153] Примечания: 153

…как свою приятельницу. — Речь идет о Марии Федоровне Барташевич, жене Андрея Андреевича Барташевича (1899–1949), заместителя начальника Управления по делам искусств Ленгорисполкома.

[154] Примечания: 154

…30 рублей денег от Кисы, 10 рублей от дяди Сережи… — Дядя Сережа — Сергей Николаевич Глазунов, второй муж Матильды Васильевны Милютиной-Гуго, бабушки В. В. Милютиной по отцу. *Киса (Любовь Ивановна)* — жена художника-декоратора, графика С. В. Сенаторского (1907–1942).

заплатить ей хлебом. Ее приятельница, женщина очень приятная, среднего роста, сразу видно, человек интеллигентный, начала с того, что спросила про сундук, может ли Лена его продать, она даст ей сегодня же 300 гр. хлеба. Лена подумала и решила, что она вольна в своих действиях и что Яков Григорьевич не может предъявить ей никакой претензии насчет продажи вещей, если ей выгодней сделать так или иначе, одним словом, она решила не считаться с ним в данном случае, поэтому она выразила согласие и стала вынимать из сундука обратно в угол все тряпье, которое она сложила туда прошлый вечер, потратив так много сил на эту работу.

И тут оказалось, что ее новая покупательница — настоящая тряпичница, надо было только видеть, с какой радостью она стала рыться в этом тряпье и отбирать для себя такие вещи, которые Лена совершенно не ценила. Ленины расхитители усердно работали целый вечер, и в конце концов и та и другая набрали массу вещей, к большому удивлению Лены, которая давно считала, что она все, что возможно, уже продала. Надо сказать, что Лена была очень рада, что многие вещи попадут в руки не Якова Григорьевича, что ей всегда очень не нравилось. Верочка забрала

себе 3 Акины шляпы и примерила их. Оказалось, что они все к ней очень идут. Для Кисы она ухитрилась набрать изрядное количество разных тряпочек. Лена отдала ей на память своего Орлика, кроме того, она забрала мамины краски, фактуру и макетные игрушки, которые остались. Кончилось все тем, что ее приятельница решила взять еще и шкафик, он ей очень понравился, и за весь этот «грабеж» Лена получила право пойти самой в булочную и купить себе полкило хлеба. Это для Лены было очень приятно, она сама пошла и купила хлеб в булочной, что за кино «Правда». Хлеб попался хороший, сухой, мягкий, пушистый. По пути она встретила Олю, та идет, одета по-летнему, с большой краюхой хлеба во рту. Оля спросила ее, почему она к ней не приходит, обещала зайти, попросила Лену поискать ей что-нибудь почитать. Лена ей сообщила, что скоро будет эвакуация, как она думает, ехать или нет. Но Оля сказала, что в этом месяце она не собирается ехать, что она уже вперед выкупила хлеба и что-то еще, Лена не совсем поняла.

Только поздно вечером Ленины гостьи ушли. С Верочкой она договорилась так, может быть, то что к ней сама придет, если же нет, в семь часов Лена выезжает к ним сама. Вера подробно ей

нарисовала, как Лене найти ее обиталище. Она дала Лене два письма к ее друзьям, живущим в Горьком, и очень попросила Лену, чтобы она сама пришла к ним и рассказала бы им о жизни в Ленинграде. Она сообщила, что некоторые из ее знакомых люди влиятельные, могут пригодиться Лене, помочь ей в чем, и обещала, что они ее приголубят и вообще она найдет в их лице своих покровителей.

С Вериной приятельницей Лена договорилась, что она завтра утром до 10-ти часов придет с мужем за купленными вещами.

Утомленная всем происшедшим, Лена поела немного хлеба с постным маслом и солью и легла спать. Спала как убитая, утром проснулась, сразу принялась за хлеб и ухитрилась съесть почти весь хлеб до прихода вчерашней новой знакомой и ее мужа, оставила только небольшой кусочек для супа. Удивительно, как иногда обманчиво бывает представление о времени. Лене казалось, что они опоздали и пришли против уговора поздно, часов в 11, и каково же было ее удивление, когда она узнала от них, что еще только 9 часов утра. Это ее очень огорчило. Новая знакомая с мужем унесла сундук, а за этажеркой, сказала, что придет через час. Лена пробовала опять за-

снуть, но ничего не выходило, пробовала читать, тоже безрезультатно. В голове только одно, там на шкафу стоит суп. Против воли Лена встала, зажгла керосинку и разогрела злополучный суп, предварительно долив его водой. Суп был овсяный, с маленьким кусочком мяса и настолько жирный и густой, что, несмотря на то что Лена его очень сильно разбавила, получились две с половиной полных глубоких тарелки. На этот суп хватило керосину только-только, уже начал гореть фитиль. Не стоит говорить о том, какое великое наслаждение было для Лены есть горячий, вкусный мясной суп, каких она давно не едала.

Потом она стала читать, а потом опять против своей воли оделась, чтобы итти в булочную, но, когда она закрывала дверь, пришла ее новая знакомая за этажеркой. Они разговорились. Лена узнала, что она жена какого-то инспектора, кажется, хореографического училища, что это ей и ее мужу Вера обязана своей жизнью, так как они определили ее в стационар и через них она получила право обедать в бескарточной столовой, что они-то сами обязаны жизнью своей собаке, которой они питались целый месяц, кроме того, они, как и Лена с мамой, усиленно употребляли в пищу столярный клей и еще многое-многое

другое.

Лена спросила, не может ли она достать ей пропуск в какую-нибудь столовую, та обещала поговорить с мужем, а также предложила, что может провести Лену в их столовую при хореографическом училище, но Лена отказалась. Из ее слов Лена поняла наконец, что она жена инспектора этого училища, что они в нем временно живут, т[ак] к[ак] их квартира разбомблена, что училище это будет эвакуироваться, как только начнется эвакуация, поэтому ее муж точно будет знать, когда она начнется, что 10-ого эвакуации еще не будет.

Потом она сказала, что, быть может, ей удастся переговорить с мужем и устроить Лену так, чтобы она смогла ехать с этим училищем, это будет для нее лучше. Вообще, она многое обещала, так что Лена может ждать с ее стороны большую помощь.

Когда она ушла, договорившись, что все, что ей удастся узнать и сделать для Лены, она передаст Вере, когда та к ней зайдет, Лена пошла в магазин, получила на оставшийся талон 50 гр. сахара и купила хлеба. Придя домой, она в печке на фанере скипятила чайник и выпила 5 чашек сладкого горячего чая с хлебом. Затем она стала

читать, вот теперь-то читалось на славу, книга казалась необычайно интересной. Лена читала и кушала маленькими кусочками хлеб, макая его в сахар. Когда хлебу пришел конец, Лена доела оставшийся сахар и с удовольствием почувствовала, что «сыта»!

Она принялась считать свой капитал. Оказалось, что она обладательница 250 рублей. Лена подумала, что завтра нужно заплатить за комнату за май и что она может зайти к Софье и узнать насчет кефира и, если можно, приобрести бутылочку. Потом она еще кое-чем позанялась и решила пойти узнать, сколько время. И тут она вторично ошиблась во времени. Ей-то казалось, что уже, по крайней мере, около 6-ти. А оказалось, только 4-ый час.

Лену клонило ко сну, решила лечь поспать, но потом передумала. Закуталась с ногами под одеяло и принялась думать. Долго она смотрела на карту, в подробности изучая маршрут предстоящего путешествия, думала о том, как все это выйдет, что хорошо бы было действительно ехать с балетными девочками. Может быть, ей

доведется встретиться с Галей Черноярово[155].

Если муж этой женщины такая важная личность, то, конечно, при его желании, он может как нельзя лучше устроить Лену. Вероятно, для них будут определены особые вагоны или вагон, можно будет не беспокоиться насчет вещей, легче будет получить пищу, а главное, веселее будет ехать со своими сверстницами. А то вопрос о вещах и пище действительно может отравить впечатление от этого необычайного путешествия.

Лене было приятно сознавать, что теперь дело только во времени, остальные препятствия позади, она свободна как птица. Ничто ее не связывает, никому она ничего не обязана, не должна.

Приятно сознавать полную свободу. Целыми днями делай, что хочешь, и жди день отъезда. А ждать-то осталось совсем недолго. Во всяком случае, не позднее 20-ого. А верней всего, числа 15-ого, 16-ого. А в эти последние дни она не оди-

---

[155] Примечания: 155

Галя Черноярова — Галина Александровна Черноярова — солистка Большого театра оперы и балета Белоруссии, педагог. Из Ленинграда была эвакуирована в Пермскую область в деревню Платошину. В Ленинград вернулась в мае 1944 г. После окончания Вагановского училища в сентябре 1944 г. приехала в Минск (http://www.georgiacult.ru/news/82069.html (21.02.2011)).

нока, у ней есть друзья: Вера, Киса, там среди них она своя. Надо не унывать, смотреть бодро вперед, и все будет прекрасно.

10 мая [19]42 г.

Вчера ровно в семь часов вечера Лена оделась, села на трамвай и поехала к Вере. Она быстро нашла их жилище. У Веры ее приняли очень хорошо, усадили у чугунки. Лене у Веры очень понравилось. Вера со стареньким дядей Сережей и Киса живут сейчас в двухэтажном деревянном домике в первом этаже и занимают две угловые комнаты. Одна в одно окно, другая в два окна. Перед окнами растут деревья и кустарники. Домик, где живет Вера, и еще несколько таких же домов образуют небольшой двор, посредине которого тянется тротуар, а по бокам газоны с кустарником и деревьями. Здесь очень хорошо, и как-то не вяжется все это с развалинами соседних каменных домов. Дело в том, что Вера живет очень близко к Финляндскому вокзалу, сразу же за домом, что стоит напротив их дома, начинаются железнодорожные пути. Поэтому это место очень сильно пострадало от бомб, которые сбрасывались в вокзал, а попадали вокруг да около. И с виду такое тихое, привлекательное, это место является поистине страшным. От соседних каменных зданий по обе стороны садика оста-

лись одни груды развалин. Вот в одном-то из этих домов, что находился направо от их теперешнего жилья, и жили Вера с дядей Сережей.

Лене было так хорошо у них, что не хотелось уезжать, и она решила у них переночевать. Сели пить чай. Вера дала ей маленький «кусик», как она выразилась, хлебца и ложечку сахарного песку, кроме того, у них была лимонная кислота. Потом они устроили Ленке постель на высоченном сундуке. Она очень напоминала вагон дальнего следования и очень Лене понравилась. Она с удовольствием разделась, закуталась в ватное одеяло, и, засыпая, ей показалось, что она в вагоне, и она чувствовала даже, что она вместе с постелью куда-то движется и ее приятно покачивает. Это происходило оттого, что у Лены вообще в тот день кружилась немного голова. Мысли были заняты предстоящей поездкой, поблизости находилась ж[елезная] д[орога], слышались гудки паровозов — все это вместе создавало иллюзию, что она куда-то едет.

Спала Лена неважно, над самой ее головой висел радиорепродуктор, и громкий стук метронома мешал спать. Утром Вера разбудила ее, она помылась, и лицо и руки с мылом, по-настоящему. Потом Вера на пороге дома колола дрова, а

Лена сбегала в булочную за хлебом и помогала таскать дрова в комнату, а Киса в это время приготовила чай. Погода стояла прекрасная, ветер разорвал облака, и снова солнышко осветило землю. Сквозь просветы виднелось голубое небо, щебетали птички, и слышались заманчивые паровозные гудки. Они манили и как будто звали: в дорогу, в дорогу!..

Утром Лена выпила 5 чашек чаю с лимонной кислотой, с хлебом и сахарным песком, которым угостила ее Киса. Потом она занялась рассматриванием Вериных детских книг. Как говорится, «у каждого человека есть свой пассион[156], своя страсть». Вот, например, Киска страстно любит и копит рисунки для вышивания, нитки и красивые лоскутики. Лена имеет страсть к открыткам, птицам и др[угим] животным. А Верина страсть очень странная. Она покупает и коллекционирует детские книжки, преимущественно для младшего возраста. У ней очень много этих детских книг, есть старинные, ее мамы, есть и теперешние, как-то: «О глупом мышонке», «Терем-теремок» и другие.

Дядя Сережа лег отдыхать, Киса села писать

---

[156] Примечания: 156
Страсть *(англ.)*.

письма, Вера принялась за работу, которая заключается в том, что Вера зарисовывает с натуры комнаты Эрмитажа[157], теперешнего Эрмитажа, пострадавшего от бомб и снарядов, а дома обрабатывает свои наброски. Она делает историческое дело, запечатлевая кистью художника следы преступлений фашистских громил. Это пойдет в историю. Вера вообще отличный художник, и у ней это очень хорошо получается. Все занялись своим делом, но Лена вскоре с сожалением заметила, что рассматривание книжек очень ее утомляет, и она оставила это занятие. На нее напала апатия, не хотелось двинуть ни единым членом, глаза закрывались, голова кружилась, всю ее как-то мутило. Ей было очень нехорошо. Но она постаралась, чтобы никто ничего не заметил. Лена стала перекладывать книги на старое место и, когда шла по комнате, чувствовала, как у ней ноги дрожат в коленях. «Что со мной, уж не

---

[157] Примечания: 157

…Вера принялась за работу, которая заключается в том, что Вера зарисовывает с натуры комнаты Эрмитажа… — Позднее В. В. Милютина вспоминала: «Пришел Андрей Андреевич Барташевич, — тощий, желтый! Этакую даль шел он к нам! А скольких людей он старался спасти! Всех „затерявшихся“ приобщить к работе. — „До Эрмитажа дойдешь?“ — „Дойду“. — „А обратно?“ — „Буду отдыхать, так дойду и обратно…“ — „Ну, а рисовать ты уже сможешь“, — сказал он уверенно. Оказалось, что надо „зафиксировать“ с натуры „ранения“ Эрмитажа от бомбежек и артобстрелов. Таково было задание Комитета по делам искусств» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 495. Оп. 1. Д. 154. Л. 19).

заболеваю ли я», — с тревогой думала Лена. На душе было уныло и тоскливо. Солнце спряталось, опять стало пасмурно, а тут еще зловеще завыла сирена, возвещая тревогу. Тревога длилась около часу, после отбоя Лена оделась и, попрощавшись со всеми, покинула свой ночлег. Она приехала домой, взяла посуду, пошла в столовую. Там довольно долго простояла в очереди и так и ушла, потому что каша гороховая, лапша, котлеты уже кончились, осталась одна соевая, да и та кончалась. Лене все равно бы не хватило, а потом кассирша была какая-то новая и без пропуска не давала. Лена купила в магазине 60 гр. гороха и сварила дома себе кашу. Получились не каша и не суп, а не понять что. Но во всяком случае, горох разбух, стал мягкий, рассыпчатый и долго жевался. Лена ела по 3 горошины, и ей этого удовольствия хватило на целый вечер. Совсем обессиленная, Лена рано легла спать. Вечером была еще одна В. Т., но продолжалась она недолго. Перед самым заходом опять выглянуло солнышко и осветило печальную разгромленную комнату, кучи вещей и книг, полный горшок посредине, у Лены не было сил снести вниз ведро с нечистотами. Грустно, печально прошел сегодняшний день для Лены. «Что-то будет завтра», — думала

она, засыпая.

11 мая

Лена проснулась около 12 часов дня, а вышла из дому в начале[158]. Сперва она решила сходить на эвакопункт. Мысль, что там уже началась, может, запись, ее очень волновала. Была теплая погода, светило солнце, но на эвакопункте было по-прежнему пусто. Лена спросила дежурную у входа, что слышно насчет эвакуации, но ей ответили, что не раньше 15-ого. Лена сразу упала духом, и сразу и солнце, и голубое небо, и тепло перестали ее радовать.

Она пошла к Марии Федоровне Барташевич. Ей повезло, она встретила ее на лестнице, когда та с полной кастрюлькой макарон возвращалась из столовой. Та повела ее к себе в комнату. Они шли по длинным коридорам, поворачивали то направо, то налево, одна Лена ни за что бы не нашла. Наконец они пришли к ней в комнату. Лена увидела на кровати две свои подушки, чистые, выстиранные, с пришитыми по уголкам бантиками, на них было приятно смотреть. Тут же стоял Ленин шкафик, полочки были покрыты

---

[158] Примечания: 158
Так в тексте.

вышитыми салфеточками, и как[159] стояли красивые фарфоровые вещицы, среди которых была и Акина синяя сахарница. В комнате у Марии Федоровны было очень уютно, тепло. Зеркальный шкаф, пианино, письменный стол, много книг, ковер на полу. Мария Федоровна отдала Лене ремни и сказала, что ее муж разрешил ей, если она захочет, пользоваться здешней столовой. Лена горячо поблагодарила ее. Они пошли вместе в столовую, и Мария Федоровна показала Лену и сказала буфетчице, что вот эта девочка будет пока брать здесь обеды от имени Барташевич. Потом она показала ей, как можно пройти сюда без пропуска, подписала пропуск, просила передать привет Вере, Кисе и дяде Сереже, когда Лена их увидит, и передать Вере, что она ждет ее к себе. Потом она ушла, сказав, если что будет нужно, чтобы Лена приходила к ней. Лена осталась стоять в очереди, очередь была небольшая, человек 7. Лена осмотрелась, она была в небольшой чистенькой комнате в два окна. В одной ее части, у окон, стояли 4 столика, покрытые чистыми клеенками. На столиках стояли горшки с цветами, на подоконниках тоже цветы, на окнах чистые

[159] Примечания: 159
Так в тексте.

белые занавески. В другой стороне комнаты стояла девушка, хорошенькая, чистенькая, в белом халате и красном берете. С трех сторон ее окружали столы, за спиной в стене был сделан шкаф. Все здесь было необыкновенно чисто, опрятно. Суп, каша, макароны, все было в сверкающих чистотой оцинкованных ведрах и закрывалось крышками. Девушка работала очень аккуратно и точно. В столовой была пшенная каша, вес 250 гр., густая и чистая, макароны, вес 200 гр., и суп, довольно густой, с пшеничкой и лапшой. Из мясного были сардельки. Лена взяла пшенную кашу. По пути купила хлеба, пришла домой, поела кашу с хлебом, вышло очень сытно. Потом рассчитала талоны, оказалось, что она может тратить 40 гр. кр[упы] в день и 2 раза взять мясное. Это до 15-ого мая. Потом Лена сходила за водой и[160]

[160] Примечания: 160
Предложение не закончено.

16/V-42 г.

(От 15 мая.) Наступила прекрасная погода, солнышко, тепло, в тени 16° тепла. Зеленеет травка, набухли почки. Весна в разгаре. Но немец не дремлет. Каждый день артиллерийские обстрелы, воздушные налеты по несколько раз в день.

Вот и сейчас страшный артиллерийский обстрел. Лена шла по Невскому. Она хотела променять на крупу купленные ею за 90 рублей 200 гр. хлеба. Как только начался обстрел, Лена перешла дорогу и укрылась в щели-траншее в Екатерининском сквере. Над ее головой беспрерывно, один за другим проносились с певучим свистом снаряды. Беспрерывно грохотали разрывы. Было даже немного страшно. Даже щебетавшие все время птички приумолкли. В минуту затишья Лена выглянула из своего укрытия и поразилась картиной, представшей перед ней. Удивительно, до чего люди привыкли [к] тому, что их жизнь каждую минуту в опасности. Как будто никто и не заметил никакого обстрела. Ходили трамваи, мчались автомобили, люди шли, люди сидели спокойно на скамейках. Каждый был занят своим делом, и Лене даже стало как-то стыдно.

Подумают еще, вот ненормальная-то, в траншею забралась, и она пошла домой. Кстати, и обстрел стал уже ослабевать и наконец совсем прекратился.

Сегодня целый день не показывалось солнышко, но тепло, даже душно. Лена ночевала опять у Веры. Сегодня Вера и Киса решили поспать подольше, но Лена не могла спать. Еще бы, вчера Киса сообщила ей такую радость. Только это Лена пришла к ним вечером, Киса ее спрашивает, как ее эвакоуспехи. Лена поделилась печальными известиями, что эвакуация начнется после 20-ого, а запись с 18-ого, но будут записывать сперва только временно прописанных, инвалидов войны и женщин с детьми до 12 лет[161].

А Киса ей и говорит: «Ну вот, видишь, Ленка, а ты у нас уже записана, и заявление я от тебя уже подала», и тут же все подробно объяснила. Оказывается, сегодня была спешно переброшена

---

[161] Примечания: 161

…эвакуация начнется после 20-ого, а запись с 18-ого, но будут записывать сперва только временно прописанных, инвалидов войны и женщин с детьми до 12 лет. — Постановлением Военного совета Ленинградского фронта от 18 мая 1942 г. было намечено эвакуировать 300 тыс. чел., главным образом женщин с двумя и более детьми, нетрудоспособных лиц, членов семей рабочих и служащих ранее эвакуированных предприятий, семей военнослужащих, детей из детских домов, раненых, инвалидов войны. Первым днем эвакуации было намечено 25 мая (*Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 163).

с сетки на эвакопункт. Теперь она опять будет работать там, принимать заявления. Она написала от имени Лены заявление и записала Лену 60-ой. Теперь Лене не нужно метаться, волноваться, таскаться каждый день в холодильный институт[162]. Теперь Лена должна только сложить вещи и ждать начала эвакуации. Она начнется числа 20-ого, и Лена уедет в первые ж дни. Теперь понятно, почему Лена встала так рано. Она тщательно помылась и села вязать. Не заметила, как прошло время. Наконец, все встали. Лена сбегала за хлебом. Хлеб был совсем сырой, но Лена насушила такие прекрасные сухари, что прямо прелесть. Сели пить чай. Дядя Сережа угостил Лену студнем, а Вера дала кусочек масла. Потом Лена написала под Кисину диктовку заявление и снова стала вязать. Ей очень приятно было этим заниматься, потому что у ней получалось очень хорошо, как раз так, как ей хотелось. Лена рассчитывала половина 12-ого выехать из дому, чтобы как раз попасть в столовую, но вышло ина-

[162] Примечания: 162

…таскаться каждый день в холодильный институт. — Ленинградский технологический институт холодильной промышленности. В нем во время блокады была разработана технология получения соевого молока и шрота для детей и раненых, рецепт блокадного хлеба. В марте 1942 г. институт был эвакуирован в Кисловодск, а затем в Семипалатинск.

че. В 11 часов началась В. Т. и продолжалась до 25 минут 1-ого. И несмотря на то, что Лена сразу же после отбоя побежала, села в первый же трамвай и довольно быстро приехала, она все же опоздала и в столовой, конечно, ничего уже не было.

Лена поднялась к Марии Федоровне и порадовала ее своей вестью. Потом побежала в столовую на ул. Правды, простояла там 2 часа в очереди и, наконец, получила гороховую кашу и мозги. Каша была густая, хорошая, мозги очень жирные, вкусные, сытные, не зря вырезают 50 гр. мяса, а дают только 30 гр. веса. В столовой Лена встретилась с Ниной Катышевой[163] и от нее узнала, что ее школа начнет работать только с 20-ого и что их все еще не кормят и начнут кормить не раньше 18-ого. Так что Лена ничем не проиграла, что выписалась из школы, а, наоборот, выиграла, что совершенно свободна, а она состоит в группе МПВО. Из столовой Лена пошла заплатила за комнату за май и опять села вязать. В 6 часов вечера спустилась в жакт и получила справку, что она не имеет никакой задолженности и ее выезду жакт не препятствует, единственную справку, которую надо предъявить в эвакопункт иждивенке.

---

[163] Примечания: 163

Раньше в дневнике эта фамилия была написана по-другому — Катошева.

Вечером Лена, как всегда в эти последние дни, поехала к себе на новое местожительство, предвкушая удовольствие выпить кисленького горячего чая с жареным сухариком с маслом. Было пасмурно, накрапывал дождь. Трамвая, как всегда в это время, пришлось ждать долго. Наконец пришли сразу два, первый был переполнен, второй просто полный. Лене удалось втиснуться в него, и она благополучно доехала до Финляндского. Когда переезжали мост, Лена опять любовалась в который уже раз красавицей Невой. Какой простор, какая ширь и какие краски заката, и на этом фоне силуэт Петропавловской крепости, а вода зеркально-спокойная, и корабли военные, стоящие у берега, и здания на противоположном берегу реки — все отражалось в воде до мельчайшей подробности. Лена не могла оторваться, все любовалась, ведь она скоро уедет, и теперь, когда она имела возможность видеть красавицу Неву каждый день по два раза, ей хотелось запечатлеть в своей памяти эту реку. Неизвестно, когда она снова увидит ее, может быть, через несколько лет только.

У Веры оказались гости. Один ее знакомый художник и его жена. Они оба только что вышли из стационара и теперь находятся на усиленном

питании. Их обоих спасли от смерти, поместив туда, а то они оба уже от слабости не могли ходить, у его жены, кроме дистрофии 2-ой степени, еще и цинга. Но теперь они уже поправляются и собираются тоже уезжать, числа 25–27-ого. Они едут в Рыбинск и пришли к Вере попросить Кису помочь им в этом деле.

Лена решила, что, вероятней всего, они будут ее попутчиками. Киса обещала устроить так, чтобы их всех вместе, втроем, и отправили.

Того маленького сухарика, который Лена оставила с утра, оказалось совершенно недостаточно, и Лена легла спать голодная и несчастная, с твердым намерением завтра в 6 часов пойти в булочную за хлебом, но наутро она проспала до семи и совсем не так уж хотела есть, чтобы было невтерпеж. Полдевятого она пошла за хлебом. В 9 пили все втроем чай. Вера дала Лене две ложки гречневой каши, а Киса немного сырого мяса, как раз объявили выдачу мяса, и Киса утром пошла и достала себе и Вере прекрасную баранину. Киса, как и Лена, с удовольствием ела[164] сырое

[164] Примечания: 164
Слово читается предположительно.

мясо[165]. Лена намазала на хлеб вместо масла гречневой размазни, но, когда завтрак кончился, Лена почувствовала, что совершенно не сыта, и съела и ту часть хлеба, что оставила на ужин. Лена торопилась уехать, т[ак] к[ак] боялась, что опять начнется В. Т. и она опять опоздает в столовую. Но В. Т. не было, а столовая оказалась выходная, так что Лена получила на Правде[166] свой обед. Она взяла пшеничную кашу и суп. Пришла домой, смешала все вместе, долила водой и вскипятила полную кастрюльку супа. Получилось 2 миски супа и одна порция второго (каша пшеничная и гуща от соевого с горохом супа), да еще она отлила в стеклянную банку супа для вечера. Вот теперь она почувствовала, что сыта. Лена начала опять вязать и не заметила, как прошло время. В 5 часов заговорило радио.

---

[165] Примечания: 165

Киса, как и Лена, с удовольствием ела сырое мясо. — «1-го мая я, как и другие, получила, как подарок: ломтик белого хлеба, кусочек сырого мяса и сахарный песок. И хорошо помню: выйдя из магазина, я перешла дорогу, села в скверике напротив нашего дома и сделала себе очень странный бутерброд (это **теперь** кажется, что он был странный, тогда не казалось), я сделала так: на ломтик белого хлеба положила ломтик сырого мяса и посыпала это густо сахарным песком. И стала с наслаждением это есть. Теперь бы я такое не смогла бы съесть», — писала Е. В. Мухина В. В. Милютиной 7 апреля 1982 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 495. Оп. 1. Д. 315. Л. 14 об.).

[166] Примечания: 166

…получила на Правде… — имеется в виду — на ул. Правды.

Потом начался артиллерийский обстрел. За окном грохочут разрывы, а по радио выступают малыши. Они устроили этот концерт для бойцов, для своих защитников. Как трогают их неумелые, звонкие, срывающиеся голоски. Они поют, читают стихи, играют на рояле, на скрипке. А за окном грохочут орудия, это немцы хотят уничтожить нас и тех маленьких исполнителей, что так усердно стараются перед микрофоном. Это все произвело на Лену глубокое впечатление. И еще один факт заставил Лену возгордиться своей родиной и ее людьми, это рассказ о подвиге 5 моряков-балтийцев[167]. Они приняли бой с большим числом фашистских танков и сражались до последнего патрона, сдерживая натиск стальных чудовищ, но силы были неравные, и пятерка отважных увидела, что жить им осталось недолго. И тогда они простились друг с другом, обнялись в последний раз, поцеловались и один за другим, обвязанные гранатами, бросились под стальные гусеницы танков, взорвав себя вместе с танками.

---

[167] Примечания: 167

...рассказ о подвиге 5 моряков-балтийцев. — Речь идет о событиях, рассказанных в статье старшего политрука М. Когута «Подвиг пяти моряков» в газете «Красный флот» за 14 мая, перепечатанной «Ленинградской правдой» 17 мая. В статье говорилось о подвиге политрука Н. Д. Фильченко, краснофлотцев В. Г. Цибулько, Ю. К. Паршина, И. М. Красносельского и Д. С. Одинцова, отбивших танковую атаку фашистов при обороне Севастополя.

Отважные, они погибли, но танки врага не прошли. Родина никогда не забудет их имена. Они войдут в историю, о них сложат песни, былины и сказания все народы нашей родины. Слава таким людям.

Случилось так, что им, пяти отважным,
Пришлось сражаться с танками врага.
Они сражались смело и бесстрашно,
Но враг сильнее, смерть уже близка.
Нет, умереть они еще успеют,
Им надо долг исполнить до конца.
Они гранаты ведь у пояса имеют,
Хотя бессильна правая рука.
Они изранены и истекают кровью[168]

[168] Примечания: 168
Предложение не закончено.

18 мая

Сегодня как-то особенно душно и жарко. По небу ползут тяжелые свинцовые тучи, наверно, будет гроза или, во всяком случае, дождь. Настоящий летний день. Зазеленели деревья и кустарники. В садиках, на газонах густо разрослась молодая зеленая травка. Уже ленинградцы ездят за город за крапивой и конским щавелем. Хорошо Лене жить эти дни. Утром выйдешь за хлебом, птички поют, деревья зеленеют, поезда гудят, звенят трамваи, в небе самолет гудит. Хорошо жить на белом свете. Обидно за маму, ей не удалось дожить до этих прекрасных дней, а ведь как она хотела увидеть первые весенние листочки.

Вера говорит Лене: «Ленка, какая же ты счастливая, Волгу увидишь, в такое прекрасное время поедешь далеко, далеко. Ты начинаешь совершенно заново свою жизнь. Подумай только, твое будущее целиком в твоих руках. Разве это не любопытно». Да, Лена счастлива, это так, но насладиться полностью своим счастьем ей мешает только одно — недостаток пищи. Если бы можно было немножко побольше кушать, мир стал бы еще прекраснее. Хотя чувствуешь себя счастли-

вой, а на душе тоскливо, и эта тоска отравляет всякое наслаждение.

Тоска… Лена не может дождаться, когда наступит тот день, когда она получит на вокзале 2 кило хлеба, каши, супа[169], сядет в поезд и простится с Ленинградом.

Сегодня утром Лена пила чай с конфеткой. Киса и Вера, как рабочие, получили по 100 гр. шоколада и по 200 гр. конфет и дали Лене по конфетке и по кусочку шоколада. Благодаря тому что Лена с вечера поела тарелку супа, она, съев хлеб, почувствовала, что сыта, и даже оставила на вечер порядочный кусок хлеба, но перед самым отходом не сдержалась и съела весь хлеб, остался только крошечный кусочек и крошечки шоколада. Нет, как ни борись с собой, как ни обманывай себя, а что правда, так правда: Лена все время полуголодная.

Наплевать, что будет завтра, лишь бы быть сытой сегодня, решила Лена и взяла в столовой две

---

[169] Примечания: 169

…получит на вокзале 2 кило хлеба, каши, супа… — При эвакуации населения предусматривалось питание в пути. При выезде из Ленинграда эвакуируемые сдавали по месту жительства или работы свои продуктовые и промтоварные карточки и взамен их получали дорожные талоны и талоны на питание. Нормы питания несколько раз менялись, но на Финляндском вокзале, в Кобоне и Лаврово они получали обед и сухой паек (*Ковальчук В. М.* 900 дней блокады. С. 164).

пшеничные каши. Четыре талона ей отхватили. Лена только в столовой съела одну полную ложку горячей каши, а остальное донесла до дома, что с ней случается очень редко, сразу переложила кашу в кастрюлю, залила водой и сварила суп. Суп вышел замечательный, густой и вкусный. Лена съела две миски супа, а потом кашу в виде гущи от супа, и все-таки не было того чувства удовлетворения, какое бывает, если действительно сыта. Вот если бы после этого супа еще порцию горячей каши, тогда бы она, наверно, была сыта. А так получилось, желудок полон, а кушать все равно хочется, с удовольствием съела бы еще чего-нибудь.

Завтра, девятнадцатого, Киса сказала, что узнает об эвакуации. Она обещала сделать все, чтобы отправить Лену в первые же дни.

Ночью сегодня была В. Т. Так отчаянно грохотали зенитки, что весь дом трясся и звенели стекла. Лена посмотрела в окно, по небу рыскали бесчисленные голубые щупальца прожекторов и огненные вспышки поминутно освещали его. Когда тревога кончилась? Лена так и не слышала, она перевернулась на другой бок и заснула, решив: пускай убивает. Вечером была гроза со страшнейшим ливнем, а еще поздней начался

жуткий артиллерийский обстрел. Кто стрелял, наши или немцы, только орудия стреляли так громко и так близко, что весь дом сотрясался и дребезжали стекла. Лена сперва думала, что это зенитки стреляют, однако по радио тотчас же объявили артиллерийский обстрел.

22-ого мая

Вчера с Леной приключилось любопытное происшествие. Она вышла от Веры в 9 часов и очень долго ждала трамвая, наконец он пришел, но битком набитый, со вторым трамваем было то же самое, и тогда Лена решила сесть в обратную сторону. «Все равно, — думала она, — торопиться некуда, прокачусь до конца и спокойно доеду до дома». Но на полпути она узнала, что трамвай идет в парк. Лена тотчас же выскочила из него и стала ждать другого трамвая, чтобы ехать обратно, но так и не дождалась. Пришлось итти пешком. Ей предстояло пройти (только до Веры) от 1-ого Муринского, 4 с $^1/_2$ км. Это-то после дня, когда она ничего не ела, кроме 300 гр. хлеба утром и двух черных сухарей, что дала Вера с чаем, вечером. Но делать было нечего. Лена отправилась в путь. Она не шла, а летела быстро, быстро. Сперва она плакала и думала только о том, как скорей бы пройти Лесной проспект. Она даже шла с закрытыми глазами, чтобы не видеть, что ей осталось так далеко еще итти. Но постепенно окружающая ее обстановка заставила ее забыть о горе. Был прекрасный весенний вечер. Пахло

распустившейся зеленью. Пахло необыкновенно приятно. Дул теплый ветерок. Сбоку тянулись кусты с только что распустившимися клейкими листочками, за кустарником до самой насыпи железнодорожного полотна тянулись вспаханные огородные гряды. Кругом был необыкновенный простор и тишина. Лена шла и наслаждалась этим весенним вечером, вдыхала чудный запах, весенний душистый запах и не заметила, как дошла до ж[елезно]д[орожного] моста. И тут она увидела, у панели стоит грузовик, пыхтит и около него возится шофер. После долгих просьб шофер согласился довезти Лену до Финляндского за коробку спичек и пятерку, что ей дала Вера.

Потом подошла еще одна гражданка, он и ее взял за кусок хлеба, что у нее оказался. Ей надо было до 5-ти углов, и они с шофером уговорились, что он довезет ее до угла Литейного и Некрасова. Попутчица влезла в кузов, а Лена села рядом с шофером, в кабине было тепло и уютно. Они мчались как сумасшедшие, дорога была пустынна. Изредка они обгоняли одиноких пешеходов. Лена по пути сказала, что ей тоже надо к 5-ти углам, и попросила довезти до ближайшей возможной точки, на что он согласился. Проехали мост через Неву, и тут он передумал, не поехал по Литей-

ному дальше, а свернул на 2-ую пересекающую его улицу. Он сказал, что его гараж находится на Конюшенной и что он поедет по Фонтанке, мимо Летнего сада и Марсового[170] поля, и предложил там им и сойти. Лена согласилась, а другая гражданка все же слезла и пошла по Литейному. Лена, конечно, выиграла, он довез ее до угла Марсового поля и Михайловского сада. Лена поблагодарила своего спасителя и быстро, быстро помчалась домой по Садовой, мимо Александринки, по ул. Росси, по Чернышеву переулку. Везде было пустынно, и только шаги одиночных пешеходов звонко стучали по тротуару. Давно уже по радио проиграли «Интернационал», когда Лена добралась до дома. Еле-еле влезла она по лестнице на 4-ый этаж, открыла комнату, разделась и свалилась в постель, тотчас же заснув мертвым сном. Спала крепко и проспала до половины 12-ого. Встала, побежала в Хореографическое училище в столовую за обедом. По пути купила свой хлеб. Как раз начался страшный артиллерийский обстрел. Снаряды один за другим свистели над головой и где-то [за] Невой разрывались. В столовой Лена увидела Марию Федоровну, рассказала

[170] Примечания: 170
Так в дневнике.

ей о здоровье Веры, о том, что ей вчера принесли бактериофаг, что она страшно ослабла и в полном отчаянии, что не может итти на работу, и т. д., та передала ей, Кисе и дяде Сереже большой привет. Лена попросила у ней рубль, т[ак] к[ак] ей не хватило. Она взяла одну порцию лапши и 50 гр. мяса.

К этому времени арт[иллерийский] обстрел прекратился, и Лена поехала к Вере.

Дядя Сережа как раз собирался топить печку, чтобы разогреть себе обед, и Лена с жиром, что дала ей Вера, поджарила свою лапшу и с удовольствием поела, а потом выпила две чашки горячего чая с хлебом. Было полтретьего. Потом дядя Сережа пошел к доктору, Верочка заснула, и Лена стала просматривать книги и отбирать те, которые решила прочесть, потом немного постирала. Когда пришел дядя Сережа, Лена сходила за водой и помогла ему принести из сарая дрова. И когда она шла в сарай, ей особенно как-то захотелось поскорей уехать. Была теплая, но дождливая погода. Моросил меленький дождишко. Пахло весной. Было тепло, щебетали птички. Кругом молоденькая зелень: на деревьях, на кустах, на земле. Лене было так хорошо в эти минуты, и, когда раздался гудок паровоза, стало еще приятней.

Захотелось именно в такую дождливую погоду сесть в вагон и уехать куда-то далеко, далеко.

Покончив с дровами, Лена удобно устроилась на диване в ногах у Веры и стала смотреть книги, слушать радио и разговаривать с Верой. Потом пришла Киса. Лена от нее узнала, что начальник сказал, что 25-ого мая идет первый эшелон и что сегодня они занимались тем, что сортировали поданные заявления по 4-ем направлениям. Первое южное, второе южное и первое восточное, второе восточное. Лена и Борис Белозеров с женой Ниной попали вместе во 2-ое восточное направление. Эта новость очень Лену обрадовала, значит, эвакуация начнется с 25 мая, а не с какого-нибудь июня, что можно было предполагать. Попив чаю с черными сухарями, Лена распростилась и приехала домой. Ей было весело и хорошо. Завтра ведь уже 23. Завтра, как сказала Киса, будет что-нибудь известно об эвакуации поподробнее, так как сегодня Кисин начальник по этому поводу поехал узнавать.

[25 мая]

Сегодня уже 25 мая. На днях я уеду. Сегодня идет первый эшелон. Киса сказала, что не исключена возможность, что я уеду завтра или послезавтра. Но я настолько уже ослабла, что мне все безразлично. Мозг мой уже ни на что не реагирует, я живу как в полусне. С каждым днем я слабею все больше и больше, остатки моих сил с каждым часом иссякают. Полное отсутствие энергии. Даже весть о скором отъезде не производит на меня никакого впечатления. Честное слово, прямо смешно, ведь я не какой-нибудь инвалид, не старик или старуха, ведь я молодая девушка, у которой все впереди. Ведь я счастливая, ведь я скоро уеду. А между тем посмотрю на себя, на что я стала похожа. Безразличный, тоскливый взгляд, походка как у инвалида 3-ей степени, едва ковыляю, трудно на 3 ступеньки подняться. И это все не выдумка и не преувеличение, я сама себя не узнаю. Прямо смех сквозь слезы. Раньше бывало, ну месяц тому назад, я днем остро чувствовала голод и у меня развивалась энергия, чтобы добыть что-нибудь поесть. Из-за лишнего куска хлеба там еще чего-нибудь съестного я готова

была итти хоть на край света, а сейчас я почти не чувствую голода, я вообще ничего не чувствую. Я уже привыкла, но почему я с каждым днем все слабею и слабею. Неужели же человек не может жить на одном хлебе. Странно.

Сегодня я рано встала. Купила хлеб, пришла «домой». У Кисы уже был готов самовар. Дядя Сережа еще спал. Я, Вера и Киса сели пить чай. Хорошо сидеть за круглым столом, самовар пыхтит, огромный букет молодых зеленых веток и букетик белых цветочков радуют глаз. Я уехала от них сразу после чая, поэтому у меня остался небольшой кусочек хлеба. Я взяла с собой в чемоданчик кусочек хлеба, вязание и книгу А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Лена доехала на втором по счету трамвае до кино «Правда». Пошла в садик и стала читать книгу.

Кругом зелень, птички суетятся, строят себе гнездышки, мальчики возятся, пищат. Очень хорошо. Потом Лена пошла в столовую и [на] последние 2 талончика по крупяной карточке взяла одну гороховую кашу в круглую жестяную баночку. Вышла на улицу, присела у садика на ограде и стала медленно есть горячую вкусную кашу. Странно, раньше из гороха никогда не варили гороховой каши. Гороховый суп был, а гороховой

каши ни в одной столовой не подавали, да и домашние хозяйки тоже не делали гороховой каши. Бывало, в любой гастроном зайдешь, уж горох-то всегда есть, и дешево. А ведь он какой сытный, покупай себе два кило да навари себе каши, ешь не хочу. В будущем я обязательно буду делать на обед гороховую кашу.

Поев гороховой каши, Лена дворами напрямик отправилась к себе домой и на свалке заметила пышную молоденькую зелень. Лена нагнулась, это оказались ростки совсем молоденькой крапивы. Ростом с вершок, три листочка с ноготок. Лена нарвала этой крапивы в мешочек, пришла домой, переложила в кастрюльку, оказалась полная кастрюля. Пошла к тете Саше и спросила у нее, как варить суп из крапивы, а та как раз занималась варкой такого супа. Оказывается, очень просто. Надо ее сперва ошпарить, а потом изрубить мелко и варить. Лена решила сегодня вечером «дома» сварить суп из крапивы с мясом.

Приложение

Хронология событий в Ленинграде *в июне 1941 – мае 1942 годов*

1941, 14 июня — опубликовано сообщение ТАСС о беспочвенности слухов о «намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР».

1941, 22 июня — начало Великой Отечественной войны.

1941, в ночь на 23 июня — объявление в Ленинграде первой воздушной тревоги.

1941, 26 июня — введение работы метронома на ленинградском радио.

1941, 27 июня — постановление Военного совета Северного фронта об организации в Ленинграде армии на добровольных началах, будущей Ленинградской армии народного ополчения.

1941, 27 июня — решение исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся о привлечении граждан Ленинграда и пригородов к трудовой повинности — к строительству оборонительных укреплений.

1941, 27 июня — начало эвакуации детей из Ленинграда в Ярославскую, Кировскую, Свердлов-

скую, но в основном в Ленинградскую область, которая тогда включала в себя территории нынешних Новгородской и Псковской областей.

1941, 28 июня — решение исполкома Ленгорсовета «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств».

1941, начало июля — начало массовой отправки ленинградцев на строительство укреплений на дальних и ближних подступах к городу.

1941, 10 июля — вторжение фашистских войск в пределы Ленинградской области и начало наступления непосредственно на Ленинград.

1941, 18 июля — два немецких самолета, прорвавшись на южную окраину Ленинграда, сбросили две бомбы на дом № 27 по Сызранскому пр.

1941, 18 июля — решение СНК СССР о введении карточной системы в Москве, Ленинграде и некоторых городах Московской и Ленинградской областей. Хлебная норма устанавливалась для рабочих и ИТР по 800 г, для служащих 600 г, для иждивенцев и детей до 12 лет по 400 г в день.

1941, июль—август — оборонительные бои на Лужском рубеже, протянувшемся на 250 км от Финского залива до оз. Ильмень.

1941, 30 августа — захват фашистскими войсками железнодорожной станции Мга. Последняя

железная дорога, связывавшая Ленинград со страной, была перерезана.

1941, 2 сентября — первое снижение нормы хлебного пайка для рабочих и ИТР до 600 г, для служащих до 400 г, для иждивенцев и детей до 12 лет до 300 г хлеба в день.

1941, 4 сентября — первый артиллерийский обстрел города.

1941, 6 сентября — авиационная бомбардировка Ленинграда, в результате которой убито и ранено 38 человек.

1941, 8 сентября — первый массированный налет фашистской авиации на Ленинград.

1941, 8 сентября — пожар на Бадаевских продовольственных складах, в результате которого сгорели 38 продовольственных кладовых и 11 прочих построек.

1941, 8 сентября — захват фашистскими войсками г. Шлиссельбурга, начало блокады Ленинграда.

1941, 11 сентября — решение исполкома Ленгорсовета о введении лимитированного потребления электроэнергии для производственных и бытовых нужд.

1941, 12 сентября — второе снижение нормы хлебного пайка. Рабочие и ИТР стали получать

500 г, служащие — 300 г, иждивенцы — 250 г, а дети до 12 лет 200 г хлеба ежедневно.

1941, 13 сентября — постановление Военного совета Ленинградского фронта о немедленном выключении до особого распоряжения телефонов индивидуального и коллективного пользования, за исключением телефонов отдельных абонентов.

1941, 16 сентября — постановление Военного совета Ленинградского фронта о переселении лечебных учреждений и женщин с детьми из южных в северные районы Ленинграда.

1941, 17 сентября — фашистские войска захватили г. Слуцк (Павловск) и вклинились в центр г. Пушкин.

1941, 19 сентября — пожар (в результате бомбардировки) в госпитале, разместившемся на углу Советского (ныне Суворовского) пр. и ул. Красной Конницы. Погибли или получили ранения 442 человека.

1941, 1 октября — очередное снижение нормы хлебного пайка: для рабочих и ИТР до 400 г, для остальных категорий до 200 г хлеба в день.

1941, 1 октября — решение исполкома Ленгорсовета «О порядке заделки поврежденных окон» фанерой.

1941, в ночь на 5 ноября — ночной таран (единственный в ленинградском небе) летчиком А. Т. Севастьяновым немецкого бомбардировщика. Сбитый фашистский самолет упал в Таврический сад (тогда Парк культуры и отдыха им. Первой пятилетки). За этот подвиг младшему лейтенанту А. Т. Севастьянову было присвоено звание Героя Советского Союза.

1941, 8 ноября — захват фашистскими войсками г. Тихвин, в результате чего была перерезана последняя железная дорога, по которой перевозились до Ладожского озера грузы для блокированного Ленинграда.

1941, 13 ноября — новое снижение нормы хлебного пайка. Ежедневная норма снабжения рабочих и ИТР составляла по 300 г, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет получали по 150 г хлеба.

1941, 17 ноября — с этого дня пользование электроэнергией в пределах установленных лимитов разрешалось только в зданиях Смольного, Главного штаба, отделений милиции, райкомов партии, райисполкомов, райвоенкоматов, штабов МПВО, телеграфа, почтамта, телефонных станций, городской пожарной охраны, судебных органов, в госпиталях, больницах, конторах до-

мохозяйств, здании Ленэнерго.

1941, 20 ноября — освобождение советскими войсками г. Малая Вишера.

1941, 20 ноября — последнее снижение нормы хлебного пайка у рабочих и ИТР до 250 г, у служащих, иждивенцев и детей до 12 лет до 125 г хлеба в день.

1941, 21 ноября — конно-санный обоз по льду Ладожского озера доставил первые десятки тонн муки для блокированных ленинградцев.

1941, 22 ноября — первая автоколонна грузовых машин ГАЗ-АА прошла по Военно-автомобильной дороге № 101 (будущей Дороге жизни) через Ладожское озеро в сторону Ленинграда.

1941, 6 декабря — прекращение центрального отопления жилых зданий.

1941, 9 декабря — освобождение советскими войсками г. Тихвин, на железнодорожную станцию которого была перенесена база снабжения, что намного сократило маршрут движения автомашин с грузами для Ленинграда.

1941, 20 декабря — окончательное прекращение троллейбусного движения в Ленинграде.

1941, 24 декабря — принято совместное постановление горкома ВКП(б) и исполкома Ленгорсовета о разборке на дрова деревянных сооружений

и зданий в районах, подвергшихся разрушениям, а также ветхих жилых домов.

1941, 25 декабря — первое повышение нормы хлебного пайка. Рабочие и ИТР стали получать по 350 г, остальные категории населения по 200 г хлеба ежедневно.

1942, 3 января — окончательное прекращение трамвайного движения в городе.

1942, 13 января — впервые в газете «Ленинградская правда» напечатано извещение от городского отдела торговли исполкома Ленгорсовета о продаже населению продуктов по продовольственным карточкам в счет месячных норм. Отныне такие извещения публиковались регулярно.

1942, 22 января — постановление Государственного Комитета Обороны об эвакуации из Ленинграда 500 тысяч жителей, прежде всего нетрудоспособного населения.

1942, 24 января — ежедневные хлебные нормы в Ленинграде повышены для рабочих и ИТР до 400 г, для служащих до 300 г, для иждивенцев и детей до 12 лет до 250 г.

1942, 25 января — из-за недостатка электроэнергии не вышел номер газеты «Ленинградская правда» — единственный раз в годы блокады.

1942, январь — в Ленинграде, Колпине и Кронштадте умерли 126 989 человек (по итогам перерегистрации паспортов, проведенной в июле—августе 1942 г.). По данным Городского отдела ЗАГС в 15 районах города умерли в этом месяце 101 868 человек.

1942, конец января — начало февраля — из-за нехватки электроэнергии в городе произошли перебои с хлебом и задержка с выдачей продовольственных карточек на февраль, что привело к дополнительному увеличению смертности среди ленинградцев.

1942, 10 февраля — решение бюро горкома ВКП(б) об открытии бань в городе.

1942, 11 февраля — повышение нормы хлебного пайка. Рабочие и ИТР стали получать по 500 г, служащие по 400 г, иждивенцы и дети до 12 лет по 300 г хлеба в день.

1942, февраль — в Ленинграде, Колпине и Кронштадте умерли 122 680 человек (по итогам перерегистрации паспортов, проведенной в июле—августе 1942 г.). По данным Городского отдела ЗАГС в 15 районах города умерли в этом месяце 108 029 человек.

1942, 7 марта — решение суженного заседания исполкома Ленгорсовета об организации на 1-м

кирпичном заводе крематория.

1942, 8 марта — открытие постоянного грузового трамвайного движения.

1942, 8 марта — первый массовый воскресник по очистке города. Следующие воскресники состоялись 15 и 22 марта.

1942, 25 марта — решение исполкома Ленгорсовета о мобилизации всех трудоспособных горожан на уборку города на период с 27 марта по 8 апреля. Позднее этот срок продлили до 15 апреля.

1942, март — в Ленинграде, Колпине и Кронштадте умерли 98 481 человек (по итогам перерегистрации паспортов, проведенной в июле—августе 1942 г.). По данным Городского отдела ЗАГС в 15 районах города умерли в этом месяце 95 869 человек.

1942, 15 апреля — открытие регулярного пассажирского трамвайного движения.

1942, апрель — в Ленинграде, Колпине и Кронштадте умерли 66 365 человек (по итогам перерегистрации паспортов, проведенной в июле—августе 1942 г.). По данным Городского отдела ЗАГС в 15 районах города умерли в этом месяце 81 541 человек.

1942, 27 мая — начало нового этапа эвакуации

населения Ленинграда.

1942, май — в Ленинграде, Колпине и Кронштадте умерли 43 127 человек (по итогам перерегистрации паспортов, проведенной в июле—августе 1942 г.). По данным Городского отдела ЗАГС в 15 районах города умерли в этом месяце 53 256 человек.

* * *

1943, 18 января — прорыв блокады Ленинграда. Соединение частей Ленинградского и Волховского фронтов в Рабочих поселках № 1 и № 5 в районе Синявино.

1944, 27 января — полное освобождение Ленинграда от блокады. Торжественный артиллерийский салют из 324 орудий в Ленинграде.

За годы блокады:

— на город было обрушено более 107 000 фугасных и зажигательных авиабомб и свыше 150 000 артиллерийских снарядов. На каждый квадратный километр площади Ленинграда приходилось 480 артиллерийских снарядов, 320 зажигательных и 16 фугасных авиабомб.

Разрушено и повреждено 187 исторических зданий города.

Только в самом городе от голода и болезней, артобстрелов и бомбардировок умерли или погибли не менее 800 тысяч ленинградцев. Эти данные приблизительные: еще многие тысячи горожан скончались во время эвакуации, не доехав до нового места обитания. В литературе приводятся и иные данные: от 641 тысячи до 1,5 миллиона человек.

Необходимое послесловие
Как была восстановлена биография Лены Мухиной

Уехала или осталась? Погибла или все же ей удалось выжить? И если да, то какова ее дальнейшая судьба? Эти вопросы возникли сразу, как только была перевернута последняя страница дневника Лены Мухиной.

Но сначала надо было понять, что нам известно. Оказалось, немного: ученица ленинградской школы № 30, жила где-то в районе Загородного проспекта, Владимирской (тогда Нахимсона) площади, Социалистической или Разъезжей улиц с мамой и Акой (няней, бабушкой?)… Есть родственники в Горьком (нынешнем Нижнем Новгороде), в дневнике даже упомянут адрес. Да, еще точная дата рождения. Ни отчества, ни ленинградского адреса…

Искать решили сразу по нескольким направлениям. Отправили запрос в Комитет по делам ЗАГС Санкт-Петербурга, предположив, что, если Лена родилась в Ленинграде, нам дадут точный адрес и по домовым книгам мы хотя бы узнаем,

уехала она из города или нет. Одновременно навели справки в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, где находится подлинник дневника: как и когда он туда попал. Ответ оказался неутешительным. Дневник поступил в архив в 1962 году вместе с другими документами, а какими — никто не знал. Но архивисты нас чуть-чуть и порадовали. В одном из недавно изданных сборников о блокаде оказалась публикация нескольких страниц из дневника Лены Мухиной с припиской: «Через несколько дней Елена Мухина была эвакуирована из Ленинграда. Дальнейшая ее судьба неизвестна». «Откуда вы это знаете?» — спросили мы автора публикации Г. И. Лисовскую и услышали в ответ: «Кто-то из давно работающих в архиве сотрудников говорил об этом», но кто и когда, выяснить не удалось. Значит, все-таки выжила! Но хотелось найти этому и другие подтверждения.

Тут пришел ответ из Комитета по делам ЗАГС Санкт-Петербурга. Увы, отрицательный. Лена Мухина родилась не в Ленинграде. Телефонные звонки в Нижний Новгород по номерам, найденным в Интернете, успеха также не принесли. Первый этап поисков закончился с минимальны-

ми результатами.

Нужно было снова обращаться к дневнику в надежде найти новые зацепки. Внимательное изучение подлинника принесло свои плоды. На одной из чистых страниц, в самом конце тетрадки, обнаружилась сделанная явно другой рукой карандашная запись: «Бернацкая Е. Н. Загородный, 26, кв. 6, т. 5.62.15». Сразу же вспомнилась фраза из дневника: «Пишу-то я на маминой записной книжке». Может, Е. Н. Бернацкая и есть «мама Лена»? Предположение подтвердилось, когда в блокадной «Книге памяти» мы обнаружили запись об умершей в феврале 1942 года Елене Николаевне Бернацкой, проживавшей по адресу, указанному в дневнике.

Но почему у них разные фамилии и одинаковые имена, почему Лена часто называет маму не просто мамой, а мамой Леной? И как объяснить две записи в дневнике о смерти матери, когда в следующих строках о ней говорится как о живой? Возможно, Бернацкая не родная мама, а приемная, а в июле 1941 года умерла родная мать? Выходило логично, но на уровне догадки.

Главный вопрос — судьба самой девочки — пока оставался без ответа. А что, если попробовать поискать в документах, относящихся к

ленинградской художнице Вере Владимировне Милютиной, о которой Лена часто пишет весной 1942 года и которая, как видно из дневника, принимала самое деятельное участие в том, чтобы отправить Лену в эвакуацию?

Личный фонд В. В. Милютиной и ее мужа, музыковеда Александра Семеновича Розанова, хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Скользим взглядом по описи, в которой перечислены названия более 700 дел. И вдруг… Дело № 315 — письма к В. В. Милютиной Мухиной Елены Владимировны, художницы! Семь писем на 24 листах за 1942–1984 годы. Она?

Через неделю, когда нам принесли тоненькую папку с письмами и почтовыми карточками, стало ясно: да, это она. Слишком много совпадений в ее письмах к В. В. Милютиной с дневником. Мы нашли ответ на главный вопрос: Лена Мухина эвакуировалась из Ленинграда в июне 1942 года и спустя четыре десятилетия была жива и проживала в Москве.

В деле оказались не только письма, но и конверты с адресом и рассказ о родственниках, часть из которых упоминалась в блокадном дневнике. Может, она здравствует и по сей день? Перед

телефонным звонком в Москву было волнение: тем ли людям мы звоним, как они воспримут наши вопросы? На другом конце провода сначала была небольшая растерянность: «Да, знаем Елену Владимировну Мухину. Какой дневник? Вела во время блокады? Она об этом не упоминала…»

И тем не менее мы говорили об одном и том же человеке. Елены Владимировны уже нет. Но ее племянница Татьяна Сергеевна Мусина вместе со своим мужем Рашидом Маратовичем с пониманием отнеслись к нашим розыскам. Сохраненные ими альбом с фотографиями, письма Елены Владимировны, ее матери, «мамы Лены» и найденные нами архивные материалы позволили не только ответить на все волновавшие нас вопросы, но и восстановить основные вехи биографии ленинградской школьницы Лены Мухиной.

Елена Владимировна Мухина родилась 21 ноября 1924 года в Уфе, но уже в начале 1930-х годов вместе со своей матерью Марией Николаевной Мухиной проживала в Ленинграде. Из-за серьезной болезни матери девочку вскоре пришлось передать на воспитание Елене Николаевне Мухиной, в замужестве Бернацкой, родной сестре Марии Николаевны.

Здесь нужно сделать небольшое отступление и

в двух словах рассказать о семье Мухиных. Кроме Марии и Елены, в семье Мухиных были еще два брата: Николай и Владимир и сестра Евгения (по мужу Журкова). Их мать София Поликарповна работала сельской учительницей в деревне Дурыкино, под Москвой. По семейным преданиям, София Поликарповна была народницей, т. е. участницей движения разночинной интеллигенции — народничества. Ее муж Николай служил счетоводом в Московской городской управе.

Приемная мать Лены Елена Николаевна Бернацкая с детства увлекалась верховой ездой и любовь к конному спорту сохранила на всю жизнь. Это увлечение позднее заставило ее резко изменить жизнь, когда после падения с лошади балерине Бернацкой пришлось оставить сцену. Но связи с театральным миром Е. Н. Бернацкая сохранила, устроившись художником-макетчиком в Ленинградский Малый оперный театр. С маминым окружением — оперным певцом Григорием Филипповичем Большаковым, художницей Верой Владимировной Милютиной, художником-декоратором Сергеем Викторовичем Сенаторским и его женой Любовью (Кисой), а также работником литературной (тогда — культурной) части Ленинградского Малого оперного

театра Кирой Николаевной Липхарт и другими — Лена Мухина была знакома не понаслышке. И дневник — лучшее тому подтверждение.

Материального благополучия, увы, театр не приносил. Не особо поправились финансовые дела, когда Бернацкая стала заниматься копированием чертежей. «Сейчас, т. е. когда пишу тебе, я не имею никакой работы, и денег на три недели житья. Но этим я не очень опечалена. Ведь я живу так с 1934 г. (…) скоро лето, а у меня не отложено ни одной копейки», — признавалась она в письме своей сестре Жене весной 1941 года. Знала об этом и Лена: «Мы не поедем в этом году на дачу. Нет денег, — с грустью записывает она в дневнике 28 мая 1941 года и бодро продолжает: — Ну и не надо, даже очень хорошо, я давно лето не проводила в городе. Буду обязательно работать». Увы, меньше чем через месяц началась война.

Как прошел первый блокадный год для Лены Мухиной, читатель знает из дневника. Что происходило дальше?

В начале июня 1942 года Лена Мухина выехала из Ленинграда. Эшелон с эвакуируемыми ленинградцами направлялся в город Котельнич Кировской области, но Лена по каким-то причинам в том же месяце оказалась в Горьком и

стала обучаться на мукомола в школе ФЗУ. В Ленинград она вернулась лишь осенью 1945 года, чтобы поступить в Ленинградское художественно-промышленное училище, которое и окончила благополучно через три года, получив специальность мастера мозаичных работ. Отработав чуть больше месяца мозаичником в СУ-4 Треста Ленотделгражданстрой, Лена возвращается в училище, но уже в январе 1949 года поступает на Ленинградскую зеркальную фабрику. «Я не только исполняла по эскизам, но и создавала свои композиции, и неплохие», — писала она позднее своей тете Жене. Работа нравилась, но жилье приходилось снимать, так как свою комнату она потеряла, уехав в эвакуацию. А массовое сокращение на фабрике оставило ее и без работы.

Оказавшись на перепутье, Лена сначала хотела поступить в какой-либо техникум, чтобы получить другую специальность и возможность для карьерного роста, но не везде давали комнату в общежитии, а со стипендией в 140 рублей снимать жилье было невозможно. Все время просить помощи у родственников она также не хотела. Вспомнив о своей специальности мукомола, Лена отправляется в Москву, в Главмуку (так сокращенно называлось Главное управление мукомольной

промышленности Министерства заготовок СССР) и получает направление в Ярославль, а оттуда в город Рыбинск (тогдашний Щербаков). И тут она снова резко меняет свою судьбу. Отказавшись от места лаборанта на мельнице, Елена Мухина в марте 1950 года завербовалась в Кемеровскую область на строительство тепловой электростанции — Южно-Кузбасской ГРЭС. Поначалу пришлось трудиться чернорабочей, но уже в конце того же года она переходит художником в Главное управление, в отдел труда и зарплаты. «Моя непосредственная обязанность — художественно оформлять все, что касается соцсоревнования: лозунги, доски показателей, почета. Зарплата 500 с лишним рублей», — сообщает она в письме любимой тете Жене.

В марте 1952 года срок договора заканчивался, и надо было думать о дальнейшей работе. «Я страшно скучаю по Ленинграду, по опере, по музеям. Но мне же негде жить там». Это строки из очередного письма к Е. Н. Журковой. В Москве тоже не было жилья, но были родственники, и Елена выбирает столицу. В июне 1952 года она устраивается на Механический завод в Кунцево, где проработала 15 лет, в основном маркировщицей. Последние годы перед выходом на пенсию

по состоянию здоровья Елена Владимировна работала художницей-копировщицей по росписи ткани на Кунцевской фабрике художественной галантереи и надомницей на фабрике им. Советской Армии.

Елена Владимировна Мухина скончалась 5 августа 1991 года в Москве.

* * *

Текст дневника печатается по оригиналу, хранящемуся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (Ф. 4000. Оп. 11. Д. 72)[171]. Дневник представляет собой тетрадь в твердой коленкоровой темно-коричневой обложке размером 200 × 135 мм. Листы нелинованые, без полей. Часть страниц вырвана, часть осталась незаполненной, на некоторых листах сохранились рисунки и наброски автора (?) дневника, выполненные карандашами черного и коричневого

[171] Примечания: 171

Фрагменты записей из дневника Лены Мухиной за 22, 24 и 25 июня 1941 г. были опубликованы Г. И. Лисовской (см.: *Лисовская Г. И.* «Я не геройствовала, а жила» (Блокадные дневники и воспоминания ленинградок из фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга») // Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сборник статей. СПб., 2006. С. 269–270).

цветов: фигуры лошадей, всадник на лошади, прыгающей через барьер, трамвайный поезд и автомобиль, женские лица. Несколько рисунков и эскизов помещены на заполненных листах дневника.

Записи (с редкими зачеркиваниями) сделаны в основном синими чернилами, реже — карандашом, простым или синего цвета. На тех страницах дневника, где текст обрывается на полуслове или предложение не закончено, следующая запись сделана чернилами, если предыдущая карандашом, и наоборот. Вероятно, текст обрывался потому, что кончались чернила или ломался грифель.

Почерк неровный: то крупный, то мелкий, с наклонами в разные стороны, но по характерному написанию отдельных букв можно уверенно заключить, что он принадлежит одному и тому же человеку.

Форзацы тетради исписаны цитатами, в том числе и отрывками из текстов советских песен: «Спортивный марш», «Спой нам, ветер» (обе на слова В. И. Лебедева-Кумача), «Марш сталинской авиации» (на слова П. Германа). На первом же форзаце карандашная надпись: «Елена Мухина. Мой дневник (от 8-ого кл. — до…) (повесть о ра-

достях и печалях в жизни одной уч[ени]цы 8-ого класса, о юной любви, о надеждах и разочарованиях)».

Археографическая подготовка текста проведена в соответствии с действующими правилами издания исторических источников.

* * *

Мы выражаем искреннюю признательность Т. С. Мусиной и Р. М. Мусину за предоставленные биографические материалы о Е. В. Мухиной и ее родственниках. Мы благодарим наших коллег Е. М. Балашова, Н. В. Быкову, Н. В. Деменкову, И. И. Крупскую, Г. П. Лебедеву, Б. Н. Миронова, В. И. Мусаева, В. И. Попову, В. Л. Пянкевича, М. Н. Румынскую, А. Н. Цамутали, Н. Ю. Черепенину, а также многих сотрудников Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, Библиотеки Санкт-Петербургского института истории РАН, Российской национальной библиотеки, Библиотеки Российской академии наук за предоставленные материалы, советы, помощь и критические замечания.

Публикаторы

Фотографии

Я с моей мамой – Марией Николаевной Мухиной.

Мария Николаевна Мухина с дочерью Леной

Учительница София Поликарповна Мухина, бабушка Лены Мухиной, с детьми Еленой и Николаем. Деревня Дурыкино. *Дореволюционная фотография*

Николай Мухин, дед Лены Мухиной, с дочерью Евгенией (по мужу Журковой). *Дореволюционная фотография*

16-го августа 1911г.

Лена Мухина, а позднее:
Елена Николаевна Бернацкая. – моя крёстная мама. Я её звала: мама Лена. Она-родная сестра моей

Елена Николаевна Мухина (по мужу Бернацкая). *1911 год*

Розалия Карловна (Ака) Крумс-Штраус с воспитанником. *Дореволюционная фотография*

Елена Николаевна Бернацкая. Танец Анитры из оперы «Пер Гюнт». Москва. Малая государственная опера. *Начало 1920-х годов*

Маленькой Лёлючке
от друга Пупяшки
Твольшакова
2/X-35.

Григорий Филиппович Большаков. Оперный певец, друг Е. Бернацкой. *1935 год*

Елена Николаевна Бернацкая. Фотография сделана в конноспортивном клубе Осоавиахима. *1938 год*

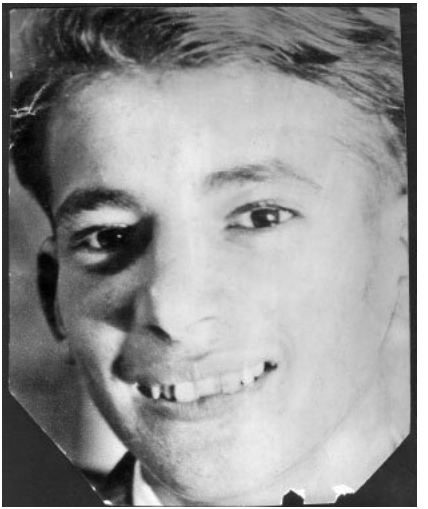
Лена Мухина. *1932 (?) год*

Макетная мастерская Ленинградского академического малого оперного театра (ныне Академический театр оперы и балета им. М. П. Мусоргского). Сидит Сергей Викторович Сенаторский. Слева направо: Вера Владимировна Милютина, сотрудник литчасти, Кира Николаевна Липхарт со своей приятельницей, Елена Николаевна Бернацкая. *Довоенная фотография*

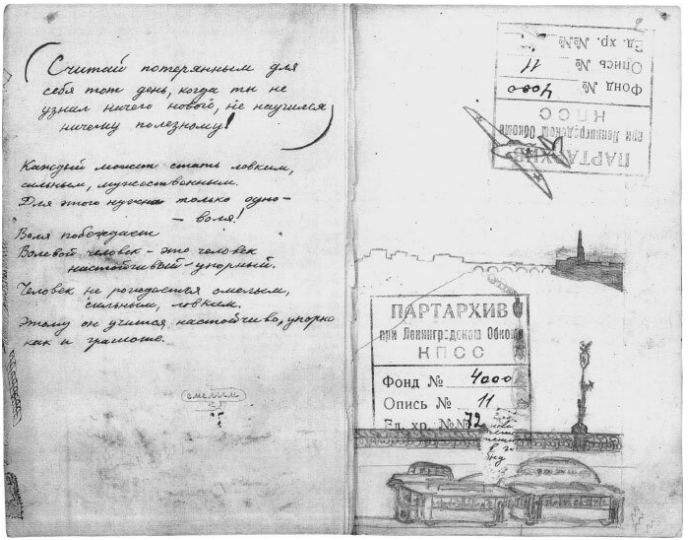
1 мая 1941 года. Перед началом первомайской демонстрации. Справа налево: К. Липхарт, Е. Бернацкая

После окончания 8-го класса. Третья слева в верхнем ряду Лена Мухина. Второй справа в третьем ряду Володя Иткинсон. *Июнь 1941 года*

Тамара Артемьева, одноклассница и подруга Лены Мухиной. *1940 год*



Володя Иткинсон, школьная любовь Лены Мухиной



Первые страницы дневника Лены Мухиной

22 июня 1941 г.

12

В 12 часов 15 минут вся страна слушала выступление тов. Молотова

Он сообщил, что сегодня в 4 часа утра германские войска без объявления войны начали наступление по всей западной границе. Их самолеты бомбардировали Киев, Житомир, Одессу, Каунас и др. города. Погибло 200 чел.

В 5 часов германский посол вручил объявление, что имеет сообщить правительству о начале войны, т. е. что Германия напала на нас войной.

Итак, самое ужасное из всего, что можно было ожидать, совершилось.

Страница дневника Лены Мухиной. *Запись от 22 июня 1941 года*

музыкальные

Загородный проспект, 26. Дом, где до войны и в блокаду жила Лена Мухина с мамой Леной и Акой. *Фотография 2023 года*

Садик напротив дома Лены, часто упоминаемый в дневнике. *Фотография 2023 года*

Ленинградское художественно-промышленное училище. Мастерская мозаики. Сидит в центре — Лена Мухина. *1947 год*

Елена Владимировна Мухина. *1955 год*

Елена Владимировна Мухина с внучатой племянницей. *1986 год*